

**Коми республиканская академия
государственной службы и управления
(ГОУ ВО КРАГСиУ)**

**Институт языка, литературы и истории
Коми научного центра Уральского отделения РАН**

**ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
ПРАВИТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ КОМИ
И РОССИЙСКОГО ФОНДА ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОСВОЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА (ИССЛЕДОВАНИЯ, ИСТОЧНИКИ, ИСТОРИОГРАФИЯ)

Сборник статей

УДК 94(063)
ББК 63.3(2)
И90

Ответственный редактор:

А.А. Попов – д-р ист. наук, проф., гл. научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

Редакционная коллегия:

И.Л. Жеребцов – д-р ист. наук, директор Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН; *П.П. Котов* – канд. ист. наук, зав. сектором отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН; *И.И. Ластунов* – канд. ист. наук, зав. кафедрой истории и теории государства и права ГОУ ВО КРАГСиУ; *М.В. Таскаев* – канд. ист. наук, зав. отделом истории и этнографии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН; *А.Н. Турубанов* – д-р ист. наук, проф., гл. научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН; *И.А. Тюкавина* – канд. ист. наук, доцент кафедры управления информационно-документационными и социально-политическими процессами ГОУ ВО КРАГСиУ.

И90 Исторические аспекты освоения Европейского Северо-Востока (исследования, источники, историография): сб. статей. – Сыктывкар: ГОУ ВО КРАГСиУ, 2018. – 193 с.

ISBN 978-5-93206-377-4

В сборнике статей, подготовленном по материалам симпозиума «Исторические аспекты освоения Европейского Северо-Востока (исследования, источники, историография)», прошедшего в рамках Всероссийской научной конференции (с международным участием) «Социально-экономические, политические и исторические аспекты развития северных и арктических регионов России», рассмотрены конкретно-исторические аспекты жизнедеятельности населения Европейского Северо-Востока России за значительный хронологический период. Специальное внимание уделяется анализу источниковой базы и историографии изучения освоения северных территорий.

Издание осуществляется при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Коми (проект № 18-410-111002 (p(r)).

УДК 94(063)
ББК 63.3(2)

СОДЕРЖАНИЕ

Мацук М.А. Документы XVI века по истории Коми края	5
Сморгунов В.В. Повседневная деятельность присутствующих Усть-Сысольского нижнего земского суда с 1780 по 1801 г.	16
Котов П.П. Источники по изучению отмены крепостного права в удельной деревне Европейского Севера России	26
Лейман И.И. Развитие торговли на Европейском Севере России в середине XIX в. (по материалам Военно-статистического обозрения Российской империи)	36
Хайдуров М.В. Церковно-приходские летописи Коми края конца XIX – начала XX вв.: опыт анализа	46
Попов С.А. Акты ревизий волостных правлений Усть-Сысольского уезда начала XX века: аспекты изучения	57
Вишнякова Д.В. Подворно-экономическое исследование селений Печорского уезда как источник по демографическим процессам населения Печорского края в начале XX в.	65
Ластунов И.И. Красные и белые в Коми крае (1918–1920 гг.): количество и качество войск (историография вопроса)	72
Каракчиев В.Н. Историография становления и деятельности волостных исполнительных комитетов 1920-х гг.	80
Киросова Н.В. Исследование формирования управленческих кадров Коми автономии в 1920–1930-е гг. как актуальная историографическая задача	87
Доброноженко Г.Ф. «Кулак» как объект социальной политики на Европейском Севере России в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг.: источниковедческий аспект	93
Колегов Б.Р. Региональная периодическая печать как дополнительный источник при изучении миграционных процессов 1930–40-х годов в Коми АССР (на примере газеты «За новый Север»)	103
Силин В.И., Канева Н.Н. Родословная воркутинского геолога К.Г. Войновского-Кригера	112
Нисковская М.И. Газета «Заполярная кочегарка» Воркутинского ИТЛ МВД СССР в 1943–1950 гг.	118
Рочева А.В., Максимова Л.А. Подготовка кадров для нефтегазовой отрасли в профтехникуме Ухтпечлага в начале 1930-х гг.	127

Рощевский М.П., Нисковский А.А. Вклад учёных Коми филиала Академии наук СССР в развитие лесопромышленного комплекса Коми АССР (1950–1960-е годы)	132
Мацук А.М. Региональные статистические сборники 1960-х–1970-х гг. как источник по истории системы среднего специального образования на Европейском Севере России	138
Козлова Д.Т. Материалы Первой конференции творческих союзов Республики Коми (2008 г.) как источник по истории изучения культуры в период реформирования общества	154
Турубанов А.Н., Тюкавина И.А. Об опубликованных работах по истории Печорского угольного бассейна	164
Попов А.А., Грубская С.А. Современная исследовательская практика Российского фонда фундаментальных исследований на Европейском Севере России (на материалах Регионального конкурса РФФИ в Республике Коми)	168
Таскаев М.В. Научно-исследовательская тема Института языка, литературы и истории Коми НЦ УРО РАН «Социально-политические, социально-экономические и демографические процессы на Европейском Севере России (по материалам Республики Коми): новые источники и историография». Итоги первого этапа исследований	175
Линкова Н.Ю., Попов А.А. Межрегиональный телевизионный журнал «Финно-угорский мир» как источник по исследованию современных этнокультурных процессов	185

М.А. Мацук,

*д-р ист. наук, гл. научный
сотрудник Института языка,
литературы и истории
Коми НЦ УрО РАН*

ДОКУМЕНТЫ XVI ВЕКА ПО ИСТОРИИ КОМИ КРАЯ*

История Коми края в общих чертах рассмотрена в обобщающих работах. Однако авторы соответствующих глав и разделов (С.В. Бахрушин, А.А. Зимин [1] и И.Л. Жеребцов [2]) вопрос об источниковой базе не поднимали, хотя, на наш взгляд, данный сюжет имеет большое научное значение.

От XVI в. до наших дней дошло немного документов, относящихся к истории Коми края. Однако они позволяют в определённой степени исследовать ряд важных вопросов истории коми народа и Коми края в целом, а именно: получить представление: о народонаселении края во второй половине этого столетия; о системе управления и налогообложения тягловцев; о некоторых сюжетах экономического характера (повседневные реалии сельскохозяйственного производства через землепользование, состояние промыслового хозяйства и др.); об участии коми в присоединении и освоении Западной Сибири; о некоторых вопросах истории Русской православной церкви.

В данной статье мы осветим вопрос о количестве, состоянии, предметной ориентации и публикации документов, относящихся как непосредственно к территории Коми края, так и к другим регионам, но затрагивающим его население.

До нашего времени дошли летописи, различные царские грамоты, документы учёта населения и налогоплательщиков (писцовые книги, платёжные), частноправовые акты (купчие, раздельные, завешания).

Летописи представлены местной, так называемой Вычегодско-Вымской (Мисаило-Евтихиевской), летописью и летописями, составившимися в XVI – начале XVII в. в других регионах страны. Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская – по имени её создателей) летопись составлялась в Усть-Выми, возможно, в конце XVI – начале XVII в. и содер-

© Мацук М.А., 2018

* Публикация подготовлена при поддержке проекта Программы научных исследований УрО РАН «Этнодемографические процессы у финно-угорских народов Европы в Средневековье и Новое время в контексте изменений климата».

жит краткие сведения по наиболее важным, с точки зрения составителей, вопросам: о смене правящего архиерея Вологодско-Пермской епархии, проведении описаний Коми края в 1564 и 1586 гг., первых актах правительства по мобилизации населения и его ресурсов на освоение вновь присоединённой Западной Сибири [3].

Летописи, составлявшиеся в других регионах, даже смежных с Коми краем, почти не давали сведений о нём, ограничиваясь данными, косвенно относившимися к изучаемой территории. Так, в устюжской летописи XVI в. приведён лишь факт смены управляющего Великой Пермью: «В лето 7013 (1505. – *Примеч. авт.*) Князь великий Иван Васильевич свел с Великия Перми вотчича князя Матвея Михайловича, а на его место послал князя Андрея Васильевича Ковра. Сей же бысть первый от русских князей» [4]. В вологодской летописи, так называемом летописце Ивана Слободского, приведён факт о поставлении на Вологодскую и Пермскую кафедру епископа Антония, в составе епархии которого был и Коми край: «Лета 7094 (1586. – *Примеч. авт.*). Поставлен бысть Антоний епископ на Вологду, преставися же 7096 (1587 г. – *Примеч. авт.*) октября в 26 день в среду против четветка 5 часа нощи; епископства его бысть два лета и 2 недели» [5]. Интересно, что в летописи, составившейся в кафедральном городе, нет сведений о других вологодских и пермских епископах.

Публично-правовые акты представлены царскими указами. Царские указы, излагаемые в грамотах, посылаемых в Коми край, посвящались в основном вопросам управления и налогообложения. Так, 28 февраля 1592 г. по царской грамоте выдана память о закрытии государственного кабака в Усть-Выми [6]; 11 августа 1598 г. выдана царская грамота о введении на территории Коми края общероссийского порядка формирования местного самоуправления [7]; 10 февраля 1591 г. выдана царская жалованная грамота Глотовой слободки крестьянам о неверстании их в платёж податей с вымичами, сысоличами и вычегодцами [8]; 3 мая 1590 г. послана царская грамота в Соль Вычегодскую о зачёте следующих с Коряжемского монастыря сольвычегодцам подможных на сибирских жильцов денег в счёт перебранных на тот же предмет крестьянами Лузской Пермцы [9]; 16 марта 1545 г., 28 апреля 1554 г. выданы царские жалованные грамоты слободчику Ивану Ластке – основателю Усть-Цилемской слободы [10]; и др.

Делопроизводственные документы центральных приказов и местных органов самоуправления также сохранились, хотя и в единичных случаях. 27 февраля 1569 г. глотовским крестьянам выдана отпись о принятии от них денег в счёт уплаты налогов [11]; 4 ноября 1580 г. посыльщикам из Глотовой слободы выдана отпись о принятии от них денег в счёт

уплаты налогов [12]; 29 апреля 1599 г. была составлена Мировая запись сысольских крестьян об учинённом ими между собою расчёте в ямских и земских доходах и расходах за 1596 и 1597 гг. [13]; 6 декабря 1600 г. составлена Посыльная запись двум сысольским крестьянам, подрядившимся отвезти в Москву деньги в счёт налогов с Сысольской земли-волости и с Ужгинской волости [14]; и другие документы.

Частноправовые акты представлены купчими, завещаниями и так называемыми деловыми записями (акт о разделе имущества). Так, от 1560 г. дошла Деловая Ивана Юмшана, Власа, Алексея и Трофима Исто-мы Константиновых детей Герасимова о разделе между ними пожен, до-ставшихся им от отца [15]; от 1537 г. сохранилась Духовная грамота (за-вешание) Тимофея Захарьина сына [16]; от 1564 г. – Купчая о покупке земли Ильёй и Василием Панфиловыми детьми Хорошего у попа Поли-карпа Михайлова сына [17]. До нас дошли и другие подобные документы, правда в очень незначительном количестве.

В 1564 и 1586 гг. территория основной части Коми края была опи-сана в рамках общероссийских писцовых описаний. Территорию «Вым-ского уезда» и Пустозерской волости описывал один писец Яким Романов. Сами писцовые книги, вероятно, не сохранились. Дозорная (писцовая) книга Пустозерской волости была составлена в 1574 году. От писцового (дозорного) описания Пустозерской волости 1574 г. сохранилась платёж-ница (фактически – копия), выданная данщику (лицу, ответственному за сбор налогов) Третьяку Асенову. В платёжнице приведены данные о на-селении города Пустозерска, в том числе о ненцах, проживавших в окрест-ностях города, и о населении Усть-Цилемской слободы [18]. Писцовая книга 1586 г. сохранилась в виде сотных (копий) с неё, выданных органам местного самоуправления. Известные нам сотные сохранились по Выче-годской земле-волости, Сысольской земле-волости, волостям Ужга и Гло-това слобода [19]. Отсутствуют подобные документы по Вымской земле-волости, Удорской волости и вотчине вологодских и пермских архиереев.

В писцовых описаниях фиксировались жилые и пустые дворы с ука-занием дворовладельца (иногда вместе с его взрослыми сыновьями), па-хотные (в четвертях земли), сенокосные (в копнах), охотничьи и рыболов-ные угодья населённого пункта (редко – отдельного дворовладения); об-рочные (арендованные у казны) сенокосные, рыболовные и охотничьи угодья отдельных крестьян. В начале описания погоста-волости фиксиро-валось наличие приходских храмов, причта, церковных земель. В конце описания указанных выше земель-волостей и волостей указывались об-щественные угодья (в основном реки, озёра и т.д.) и объём государственных налогов с разбивкой по отдельным налогам и сборам.

Всего нами выявлено 40 документов XVI века.

Летописи – 3:

1. Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. – Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1958. – Вып. 4. – С.264–268.

2. Устюжская летопись. Список Мациевича // Полное собрание русских летописей. Т.37: Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. – Л., 1982. – С.52.

3. Летописец Ивана Слободского. Первая редакция. Первый вид // Полное собрание русских летописей. Т.37: Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. – Л., 1982. – С.195.

Писцовые книги и другие материалы учёта населения – 5:

1. 1574 год. «Платёжница» с Пустоозерских дозорных книг Василия Третьякова сына Агалина и подьячего Степана Федорова сына Соболева, выданная из приказа Большого Прихода Пустоозерскому данщику Третьяку Асенеvu // Садиков П.А. Очерки по истории опричнины. – М.; Л.: Изд-во академии наук СССР, 1950. – С.463–482.

2. 1585–1586 год. Сотная с писцовых книг И.Г. Огарева и подьячего Ф. Юрьева на волость Ужгу // Зимин А.А., Копанев А.И. Материалы по истории Вымской и Вычегодской земли конца XVI века // Материалы по истории Европейского Севера СССР: северный археографический сб. – Вологда, 1970. – Вып. 1. – С.442–444.

3. 1585–1586 год. Сотная с писцовых книг И.Г. Огарева и подьячего Ф. Юрьева на город Яренск с уездом // Зимин А.А., Копанев А.И. Материалы по истории Вымской и Вычегодской земли конца XVI века // Материалы по истории Европейского Севера СССР: северный археографический сб. – Вологда, 1970. – Вып. 1. – С.444–463.

4. 1585–1586 год. Сотная с писцовых книг И.Г. Огарева и подьячего Ф. Юрьева на Глотову слободку // Зимин А.А., Копанев А.И. Материалы по истории Вымской и Вычегодской земли конца XVI века // Материалы по истории Европейского Севера СССР: северный археографический сб. – Вологда, 1970. – Вып. 1. – С.463–467.

5. 12 февраля 1600 года. Сотная с писцовых книг 1586 г. И.Г. Огарева и подьячего Ф. Юрьева на Сысольскую волость // Зимин А.А., Копанев А.И. Материалы по истории Вымской и Вычегодской земли конца XVI века // Материалы по истории Европейского Севера СССР: северный археографический сб. – Вологда, 1970. – Вып. 1. – С.468–486.

Публично-правовые акты – 12.

Царские грамоты – 11:

1–2. 16 марта 1545 года и 28 апреля 1554 года. Списки с жалованных грамот царя Иоанна IV, данных Ивашке Ластке на Усть-Цилемскую сло-

бодку // Дневник В.Н. Латкина во время путешествия на Печору в 1840 и 1843 годах. Ч.2 // Записки Русского географического общества. Кн.VII. – СПб., 1853. – С.139–143.

3. Около 1556 года. Земская уставная грамота Усольского уезда отписной сошки Луцкой Пермцы // Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства. – М.: Типография императорского Московского университета, 1909. – С.123–129.

4. 1559/60 год. 21 апреля 1630 года. Указная грамота царя Михаила Федоровича, подтверждающая грамоту царя Ивана IV 1559/60 года крестьянам Ужгицкой волости Вымского уезда // Каштанов С.М. Ценное свидетельство о земской реформе середины XVI века // Советские архивы. – 1968. – № 5. – С.53–54.

5. 6 апреля 1582 года. Грамота царя Ивана IV в Еренский городок, Вымь, Сысолу и Удору о порядке платежа ямских денег // Зимин А.А., Копанев А.И. Материалы по истории Вымской и Вычегодской земли конца XVI века // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сб. – Вологда, 1970. – Вып. 1. – С.438–442.

6. 3 мая 1590 года. Царская грамота в Соль Вычегодскую, о зачете следующих с Коряжемского монастыря Сольвычегодцам подможных на Сибирских жильцов денег, в счет перебранных на тот же предмет крестьянами Лузской Пермцы // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук. – СПб., 1836. – Т.1. – № 349. – С.442.

7. 10 февраля 1591 года. Царская жалованная грамота Глотовой слободки крестьянам, о неверстании их в платеж податей с Вымичами, Сысольчанами и Вычегодцами // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук. – СПб., 1836. – Т.1. – № 350. – С.423–424.

8. 28 февраля 1592 года. Список (копия) с царской грамоты о закрытии государевых кабаков и привозе собранных ранее кабацких денег в Москву // Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Коллекция № 153 (А.М. Шегрена). Оп.1. Д.23.

9. 16 января 1593 года. Грамота царя Федора Ивановича крестьянам Глотовой слободы на Выми об освобождении их от уплаты «ростов» по кабалам на деньги, занятые для уплаты царских податей // Зимин А.А., Копанев А.И. Материалы по истории Вымской и Вычегодской земли конца XVI века // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. – Вологда, 1970. – Вып. 1. – С.467–468.

10. 11 августа 1597 года. Список с царской грамоты о принципах функционирования земского самоуправления // Архив Санкт-Петер-

бургского института истории РАН. Коллекция № 153 (А.М. Шегрена). Оп.1. Д.25.

11. 15 декабря 1597 года. Грамота царя Федора Ивановича воеводе В.П. Головину о сборе с поморских городов хлебных запасов для отправки в Сибирь, о посылке туда «посошных людей» для постройки амбаров, житниц и судов // Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII в. / сост. Е.Н. Ошанина. – М.: Институт истории СССР АН СССР, 1982. – С.11–17.

Грамоты церковных иерархов – 1:

1. 2 марта 1592 года. Благословенная грамота митрополита Ростовского, Ярославского и Устюжского Варлама на строительство храма // Акты, относящиеся до юридического быта древней России. – СПб., 1857. – Т.1. – № 27. – Стб.65.

Частноправовые акты – 14:

1. 1514 год. Духовная грамота Дорофия Перхурьева сына // РГАДА. Ф.1178. Оп.1. Д.91. Сст.8. Это составная часть судебного дела по челобитью Ошлапецкой волости Якимки Архиповых об отдаче ему закладных дедом его той же волости крестьянами Михайлом да Максимом Поповыми пашенной земли и сенных покосов на выкуп. 7170 (1662. – *Примеч. авт.*) год.

2. 1529/30 год. Купчая Семена Устинова сына Олтомова у Петра Алексеева сына на пожню Кузочь на р. Кылтове выше Княжпогоста // Архив гостей Панкратовых XVII – начала XVIII в. Вступительная статья и подготовка текста Л.А. Тимошиной. – М.; СПб., 2007. – Т.2. – С.51.

3. 1537 год. Духовная грамота Тимофея Захарыина сына // РГАДА. Ф.1178. Оп.1. Д.41. Сст.2–4. Это составная часть судебного дела по челобитной земского судейки Алешки Никонова и старосты Конанка Павлова с товарищи о скотском выпуске не присаде. 7159 (1651. – *Примеч. авт.*) – 7178 (1670. – *Примеч. авт.*) гг.

4. 1544/45 год. Купчая Никиты Тарасова сына (Серегова) у Киляша и Нефеда Петровых детей и Семена Иванова сына на землю Пиурдон (под Сереговою горою на р. Выми) // Архив гостей Панкратовых XVII – начала XVIII века. Вступительная статья и подготовка текста Л.А. Тимошиной. – М.; СПб., 2007. – Т.2. – С.51–52.

5. 1555/56 год. Купчая Никиты Тарасова сына (Серегова) у Клина Перхова сына на подсеку Визьюр (в Княжпогосте) // Архив гостей Панкратовых XVII – начала XVIII века. Вступительная статья и подготовка текста Л.А. Тимошиной. – М.; СПб., 2007. – Т.2. – С.52.

6. 1558/59 год. Купчая Никиты Тарасова сына Серегова у Ивана, двух Авдотий, двух Юриев, Василия, Анны и Якова детей Мартыновых на пожню (в Княжпогосте) // Архив гостей Панкратовых XVII – начала

XVIII века. Вступительная статья и подготовка текста Л.А. Тимошиной. – М.; СПб., 2007. – Т.2. – С.52.

7. Март 1561 года. Купчая Ивана Федорова сына Терентьева у Никифора Федорова сына Бабинова на пожню Воитвиз // Архив гостей Панкратовых XVII – начала XVIII века. Вступительная статья и подготовка текста Л.А. Тимошиной. – М.; СПб., 2007. – Т.2. – С.53.

8. 1562 год. Деловая Ивана Юмшана, Власа, Алексея и Трофима Истома Константиновых детей Герасимова о разделе между ними пожен // РГАДА. Ф.1178. Оп.1. Д.6. Сст.4–5. Это составная часть судебного дела по челобитью Никиты Прохорова Юмшанова и Ярафея Сергеева на Павла Власова сына в сильном завладении пожнями и землей 7146 (1638. – *Примеч. авт.*) года.

9. 1564 год. Купчая о покупке земли Ильей и Василием Панфиловыми детьми Хорошего у попа Поликарпа Михайлова сына // РГАДА. Ф.1178. Оп.1. Д.41. Сст.10–11. Это составная часть судебного дела по челобитной земского судейки Алешки Никонова и старосты Конанка Павлова с товарищи о скотском выпуске не присаде. 7159 (1651. – *Примеч. авт.*) – 7178 (1670. – *Примеч. авт.*) годов.

10. 1573 год. Купчая о покупке Иваном Юмшаном Константиновым сыном у своего брата Алексея Константинова сына земель, пожен, двора, поскотины и рыбных угодий // РГАДА. Ф.1178. Оп.1. Д.6. Сст.7–8. Это составная часть судебного дела по челобитью Никиты Прохорова Юмшанова и Ярафея Сергеева на Павла Власова сына в сильном завладении пожнями и землей 7146 (1638. – *Примеч. авт.*) года.

11. 1588 год. Деловая Ивана Павлова сына, Федора Григорьева сына и Ильи Филимонова сына Преснецова о разделе между собой пожни // РГАДА. Ф.1178. Оп.1. Д.75. Сст.3. Это составная часть судебного дела по челобитью боярина князя Якова Куденетовича Черкасского крестьян Степанки да Алешки Никоновых детей Преснецовых, Ленского наволока на крестьянина Максима Онофриева сына Варенцова в завладении пожней сильно. 7162 (1654. – *Примеч. авт.*) год.

12. 1590 год. Деловая Василия Максимова сына Вилежанина и Никифора Клементьева сына о разделе между собой купленной у Тимофея Максимова земли // РГАДА. Ф.1178. Оп.1. Д.81. Сст.4–6. Это составная часть судебного дела по челобитью Конанка Осколкова Цылибской волости на Леонтия Котомина в завладении пашенной землей. 7165 (1657. – *Примеч. авт.*) год.

13. 11 июля 1593 года. Заемная закладная кабала неизвестного лица Леонтию Алексееву сыну Опарину на деревню и сенные покосы в Раковицах // Архив гостей Панкратовых XVII – начала XVIII века. Вступи-

тельная статья и подготовка текста Л.А. Тимошиной. – М.; СПб., 2007. – Т.2. – С.53.

14. 11 января 1596 года. Купчая Тимофея Иванова сына Конева из Шошек Савве Васильеву сыну Комарову на пожню за р. Вымью в Шошечкой волости // Архив гостей Панкратовых XVII – начала XVIII века. Вступительная статья и подготовка текста Л.А. Тимошиной. – М.; СПб., 2007. – Т.2. – С.53–54.

Делопроизводственные документы – 6:

1. 1569 год. Отпись в принятии оброка с Гловой слободки // Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Коллекция № 174 (Коллекция актов до 1613 г.). Оп.1. № 296.

2. 4 ноября 1580 года. Платежная отпись в приеме налогов с волости Глова слободка // Акты, относящиеся до юридического быта древней России. – СПб., 1864. – Т.2. – № 246. – Стб.747.

3. 4 октября 1596 года. Расписка Терентия Савельева сына Чечуева сысольским целовальникам и крестьянам о получении с них денег // Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Коллекция № 82 (Собрание С.Е. Мельникова). Оп.1. Д.2.

4. 1598 год. Рядная запись о выполнении ямской гоньбы // Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Коллекция № 82 (Собрание С.Е. Мельникова). Оп.1. Д.3.

5. 29 апреля 1599 года. Мировая запись сысольских крестьян об учиненном ими между собою расчете в ямских и земских доходах и расходах за 1596 и 1597 годы // Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Коллекция № 82 (Собрание С.Е. Мельникова). Оп.1. Д.4.

6. 6 декабря 1600 года. Посыльная запись. // Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Коллекция № 82 (Собрание С.Е. Мельникова). Оп.1. Д.6.

Итак, из 37 нелетописных документов к первой половине XVI в., до 1550 г., относятся 5, остальные – ко второй половине этого столетия. Причём к 1590-м гг. относятся 15 документов, к 1580-м гг. – 6, к 1570-м гг. – 2, к 1560-м гг. – 4, и к 1550-м гг. – 5 документов.

Часть из них представлена в виде полностью или почти современных подлинникам копий (копии XVI в.), часть – в виде копий, изготовленных уже в XVII веке. Несколько документов дошли до нас в виде копий первой половины XIX столетия.

Копии XVI века. Сотные с писцовой книги 1585/86 года. Три сотные (на волость Ужгу, Еренский городок с Вычегодской землей-волостью и волость Глову слободу), по мнению А.А. Зимина и А.И. Копанева, «являются подлинными документами, выданными населению писцами

(писцом И.Г. Огаревым и подъячим Ф. Юрьевым): они заверены их подписями и печатями» [20]. Одна же сотная (на Сысольскую землю-волость) дошла до нас в виде копии (списка) с подлинной писцовой книги, изготовленной и выданной 12 февраля 1600 г. по царскому указу в связи с тем, что выданная раньше населению сотная сгорела во время пожара. Платёжница Пустоозерской волости является копией с Пустоозерских дозорных книг Василия Третьякова сына Агалина и подьячего Степана Федорова сына Соболева 1574/75 года. Платёжница была выдана пустоозерскому данщику (сборщику податей. – *Примеч. авт.*) Третьяку Асенеvu, вероятно, на следующий год после составления дозорных книг, т.е. в 1576 году. Царская грамота Фёдора Ивановича о принципах функционирования земского самоуправления в Вымский уезд представлена так называемым съёмом, т.е. одновременной с подлинной царской грамотой копией 11 августа 1597 года. А царская грамота Фёдора Ивановича о закрытии государевых кабаков и привозе собранных ранее кабацких денег в Москву (28 февраля 1592 г.) представлена в виде списка, выданного из центрального приказа дьяка Василия Щелкалова.

Копии XVII века. Ещё один список с сотной на Сысольскую землю-волость был изготовлен, по мнению А.А. Зимина и А.И. Копанева, в середине XVII в. [21]. В данном списке имеется информация, отсутствующая в копии 1600 г., и наоборот.

Семь частноправовых актов дошли до нас благодаря тому, что списки с них (копии) были включены в судебные дела XVII столетия.

Земская уставная грамота Усольского уезда отписной сошкой Луцкой Пермцы и жалованная грамота царя Ивана IV 1559/60 г. крестьянам Ужигицкой волости Вымского уезда сохранились благодаря тому, что они были продублированы в XVII в. в грамотах других государей.

Копии XVIII века. В копиях XVIII в. до нас дошли жалованные грамоты царя Ивана IV слободчику Ивану Ластке. О возобновлении действия этих грамот, а следовательно, об автономии Усть-Цилемской слободы просил Правительствующий Сенат Российской империи депутат от Архангелогородской провинции И. Чупров. Он представил в Сенат подлинные документы, с которых была снята копия, отданная Чупрову.

Копии XIX века. В копиях первой половины XIX столетия сохранились Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихьевская) летопись, 4 купчие грамоты на землю, позднее приобретённую владельцами Серёговского солеваренного завода Панкратьевыми. Копия летописи была сделана по указу правящего Вологодского архиерея Евгения, поскольку ему был отправлен подлинный документ; копии купчих грамот вошли в состав свод-

ного тома документов, свидетельствующих о легитимности владения землёй серёговских заводчиков.

Степень сохранности документов XVI в. сравнительно хорошая. Благодаря копированию их значительная часть в полном виде дошла до нашего времени. Правда, сотная с писцовой книги 1585/86 г. на Вычегодскую землю сохранилась без начала. Утрачена информация об Еренском городке и околгородных деревнях. Другие документы пострадали меньше. Причём все случаи дефектности документов (потёртость текста, повреждение документа мышами, оторванность незначительных фрагментов бумажного листа и другое), приведшие к утрате какой-либо части текста (иногда – одной или нескольких букв), отмечались публикаторами.

Документы изначально были сосредоточены в архивохранилищах Москвы и Санкт-Петербурга: Российском государственном архиве древних актов, архиве Санкт-Петербургского Института истории (бывший архив императорской Археографической комиссии Российской империи), отделах рукописей Государственной библиотеки Российской Федерации (бывшая Государственная библиотека СССР имени В.И. Ленина) и Национальной библиотеки РФ (бывшая Публичная библиотека имени М.Е. Салтыкова-Щедрина). Опубликовано 26 из 40 документов, 14 – существуют только в виде архивного документа и ждут своего публикатора.

Таким образом, комплекс документов XVI в. достаточно представительный, многоплановый и включает в себя разнообразные, в том числе и весьма ценные для изучения истории Коми края, документы, позволяющие в ряде случаев составить представление о происходивших событиях, а иногда досконально исследовать какое-либо явление.

* * *

1. История Коми АССР с древнейших времён до наших дней. – Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1978. – С.38–50.

2. История Коми с древнейших времён до современности. – 2-е изд., испр. и доп. – Сыктывкар: Анбур, 2011. – Т.1. – С.77–108.

3. Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихьевская) летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. – Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1958. – Вып. 4. – С.264–268.

4. Устюжская летопись. Список Мациевича // Полное собрание русских летописей. Т.37: Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. – Л., 1982. – С.52.

5. Летописец Ивана Слободского. Первая редакция. Первый вид // Полное собрание русских летописей. Т.37: Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. – Л., 1982. – С.195.

6. Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Коллекция № 153 (А.М. Шегрена). Оп.1. Д.23.
7. Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Коллекция № 153 (А.М. Шегрена). Оп.1. Д.25.
8. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук. – СПб., 1836. – Т.1. – № 350. – С.423–424.
9. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук. – СПб., 1836. – Т.1. – № 349. – С.422.
10. Дневник В.Н. Латкина во время путешествия на Печору в 1840 и 1843 годах. Ч.2 // Записки Русского географического общества. – СПб., 1853. – Кн.VII. – С.139–143.
11. Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Коллекция № 174 (Коллекция актов до 1613 года). Оп.1. № 296.
12. Акты, относящиеся до юридического быта древней России. – СПб., 1864. – Т.2. – № 246. – Стб.747.
13. Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Коллекция № 82 (Собрание С.Е. Мельникова). Оп.1. Д.4.
14. Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Коллекция № 82 (Собрание С.Е. Мельникова). Оп.1. Д.6.
15. РГАДА. Ф.1178. Оп.1. Д.6. Ст.4–5.
16. РГАДА. Ф.1178. Оп.1. Д.41. Ст.2–4.
17. РГАДА. Ф.1178. Оп.1. Д.41. Ст.10–11.
18. *Садиков П.А.* Очерки по истории опричнины. – М.; Л.: Изд-во академии наук СССР, 1950. – С.463–482.
19. *Зимин А.А., Копанев А.И.* Материалы по истории Вымской и Вычегодской земли конца XVI в. // Материалы по истории Европейского Севера СССР: северный археографический сб. – Вологда, 1970. – Вып. 1. – С.442–467, 468–486.
20. *Зимин А.А., Копанев А.И.* Указ. соч. – С.437.
21. *Зимин А.А., Копанев А.И.* Указ. соч. – С.437.

В.В. Сморгунов,
*сектор отечественной истории
Института языка, литературы
и истории Коми НЦ УрО РАН*

ПОВСЕДНЕВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРИСУТСТВУЮЩИХ УСТЬ-СЫСОЛЬСКОГО НИЖНЕГО ЗЕМСКОГО СУДА С 1780 ПО 1801 г.

Нижние земские суды относились к административно-полицейским учреждениям и во многом были схожи по выполняемым функциям с городническими правлениями. Только власть нижнего земского суда распространялась на территорию уезда, за исключением собственно границ уездного города, а нижний земской суд был подведомствен губернатору и губернскому правлению. В отличие от судебных инстанций, работавших сессиями, нижним земским судам предписывалось работать круглогодично.

Нижний земской суд в Усть-Сысольском уезде официально был открыт в сентябре 1780 г., практически одновременно с официальным присвоением Усть-Сысольску статуса города и, соответственно, с образованием Усть-Сысольского уезда.

Источниками для данного исследования послужили преимущественно материалы Национального архива Республики Коми (далее – НА РК), сосредоточенные в основном в двух фондах: Ф-99 «Усть-Сысольский уездный суд» и Ф-335 «Усть-Сысольская нижняя расправа». Следовательно, деятельность Усть-Сысольского нижнего земского суда реконструируется преимущественно по материалам судебных инстанций.

К присутствующим (т.е. ведавшим присутствием) Усть-Сысольского нижнего земского суда относились капитан-исправник и заседатели суда. Капитан-исправник – глава нижнего земского суда.

Заседатели суда – лица, призванные помочь в работе земского исправника, срок полномочий – 3 года. В разные периоды ими были: с 1780 по 1786 г. – заседатели от селян (4 человека), с 1786 по 1796 г. – по 2 сельских и дворянских заседателя, с 1796 по 1801 г. – 2 дворянских заседателя. Как минимум 2 заседателя должны были непременно участвовать в заседаниях суда, без них они в большинстве случаев не имели силы. С 1784 г. законодательно предусмотрена возможность направлять заседателей

из нижней расправы, если в земском суде не могли набрать 2 заседателей для присутствия на судебных заседаниях.

Полномочия и обязанности земских судов прописаны в «Уложениях о учреждении губерний...» отдельно для суда и исправника и поэтому частично дублируют друг друга.

«Уложения о губерниях...» (ст.235) дают следующую информацию о полномочиях нижнего земского суда в уезде:

- 1) земская полиция, или благочиние;
- 2) приведение в исполнение закона, т.е. решений уполномоченных на то инстанций;
- 3) приведение в действие повелений правления и пр.

В обязанности нижних земских судов также вменялось пресекать незаконную торговлю и контрабанду, составлять статистику «справочных нижних цен» на хлеб и другие продукты питания и ежемесячно вести записи об этом. Разрозненные свидетельства по ведению подобной статистики имеются в документах Усть-Сысольского уездного казначейства.

Земской суд смотрел за мерами и весами в уезде; принимал меры, дабы население не укрывало беглых; смотрел за исправным состоянием дорог, мостов и переправ. В.А. Кошман на основе анализа деятельности нижних земских судов Таврической области выводит следующую функцию: «Кроме того, сами нижние земские суды выполняли информационную функцию на местах, которая заключалась в доведении различных сведений до населения, обычно о торгах или о желающих взять на откуп или же совершить поставки» [1]. В условиях Усть-Сысольского уезда земской суд также стал промежуточной инстанцией для различных прошений. Так, в декабре 1787 г. нижним земским судом принято и затем переслано в Вологодское наместническое правление прошение Усть-Сысольского купца третьей гильдии В.Д. Чукичева на постройку мукомольной мельницы и вырубку под строительство казённого леса [2].

В гл.XVIII «Уложения о губерниях...» прописаны и обязанности «земского исправника или капитана». Капитан-исправник осуществлял общее руководство нижним земским судом, выполняя распоряжения вышестоящих властей. В установленный срок он докладывал вышестоящим инстанциям о происшествиях, пресекал различные противоправные действия. Он также надзирал за охраной тишины и спокойствия в уезде. Исправнику было предписано следить в целом за нравами в уезде и осуществлять надзор за крестьянским самоуправлением. Так, в 1785 г. исправником у старост были собраны книги для записи «прихода и расхода общественных сумм», чтобы в дальнейшем переслать Вологодскому эконом-директору [3].

Исправник проводил предварительное досудебное следствие по уголовным делам, выполнял судебные функции, разбирая мелкие правонарушения среди государственных крестьян. Параллельно он следил за исправной уплатой населением уезда податей. Совместно с заседателями суда исправник взыскивал с подотчётных селений или волостей накопленные ими из-за неуплаты (полной или частичной) различные подати, в первую очередь это касалось подушной подати. Исправник обязан был оказывать помощь уездным и губернским присутственным местам, принуждая население выполнять распоряжения гражданских властей.

На исправника возлагали и множество иных функций: в частности, при появлении «прилипчивых болезней» проводить самостоятельно или совместно с уездным медицинским персоналом противоэпидемиологические и противозпизоотические мероприятия (ст.238). В ст.239–240 дана инструкция по ликвидации очага заражения, а ст.241 регламентировала действия исправника по борьбе с эпизоотией. В архивах сохранились отдельные документы, позволяющие получить представление о борьбе с эпизоотией в Усть-Сысольском уезде. Так, в 1787 г. в Усть-Сысольском земском суде отчитались в том, что на последовавший 15 июля 1787 г. рапорт старосты Небдинской волости Я. Савина и соцкого П. Ладанова о начавшемся 9-го числа в деревне Сторожевской падеже скота согласно ст.241 «Учреждения о губерниях...» предприняты следующие действия: «...отправлен был сего суда заседатель Петр Попов посколику земский исправник тогда был болен с тем что бы по прибытии приказал оных упалых скотин зарыть в отдаленных от жилья местах в глубокие ямы и зараженной скот от здорового отделить равно и обводная мимо те селений дороги проложить...» [4].

Исправник пресекал массовые «ослушания» в уезде и согласно ст.244 должен был выявлять «скопища» воров и беглых и принимать меры по их ликвидации, а «каждое селение» должно было оказывать ему посильную помощь. В противном случае их ждал штраф (аналогичные меры следовали и за укрывательство беглых).

Капитан-исправник следил за дорожным хозяйством, осуществляя инспекцию и побуждая сельское самоуправление к ликвидации недостатков и чистке дорог.

Исправник надзирал за воинскими частями, находившимися в уезде или проходившими через него, в нашем случае это солдаты при Северо-Екатерининском канале. К сожалению, документов о конкретном взаимодействии с данным формированием не сохранилось. Инструкция по взаимодействию с воинскими частями представлена в ст.247–248, 250.

Капитан-исправник проводил противопожарные мероприятия в уезде, при необходимости принимая меры к тушению пожара. Кроме того, он следил за тем, чтобы в селениях имелся запас хлеба. Это в первую очередь выражалось в общем надзоре за волостным самоуправлением. Сохранился рапорт Яренского нижнего земского суда за сентябрь 1799 г., адресованный Вологодскому гражданскому губернатору Ф.К. Норману: «... Яренский нижний земской суд доносит что 27 числа Яренский земский исправник <...> дал знать что по случаю бывших в минувшем августе <...> в селениях а именно Шешецкой, в Турецкой, Венденской, в Глотовском, Косланском, Венденском Важгорском и Низовском яровому и озимому хлебом им свидетельство учинены по которым открылось: что того хлеба в том августе месяце на ниже писанные числа в Турецком на 24 е а в Глотовском, Косланском, Венденском, Важгорском и Низовском селениях на 19 число тех селеньев разных деревень у крестьян поздних севов обоего рода хлеба ярового три части ржаного менее половины, который однако ж ко употреблению в пищу человеческую годен а на посев совсем не годиться» [5]. Имеются косвенные свидетельства о продаже хлеба неимущим крестьянам. Так, по возвращении из служебной командировки исправник П.И. Языков 11 февраля 1786 г. сообщал о взыскании денег «с пяти волостей за проданной неимущих крестьянам хлеб» [6].

Статьей 252 в обязанности исправника вменялось «иметь особое попечение о прокормлении нищих», но только из своих селений, прочих полагалось высылать из уезда. Беглых или задержанных без паспорта следовало отсылать «куда принадлежат». Отдельно выделялась функция по поимке беглых крепостных и контролю над населением с целью предотвратить укрывательства или иную помощь им со стороны населения. Речь идёт об общем надзоре задержания лиц в основном производились представителями волостного самоуправления. Так, в октябре 1791 г. волостными начальниками Небдинской волости задержана не имеющая письменного «вида» Пажгинской волости крестьянка Параскева [7], позже отправлена в Усть-Сысольский нижний земской суд. Веским стимулом для волостных властей в подобных задержаниях становился обязательный допрос «беглых» и «безпаспортных» на предмет их места жительства в «бегах», а также знали ли лица, их приютившие, об их нелегальном статусе. Земский исправник мог налагать на старост, выборных и сотских, виновных в укрывательстве беглых крестьян, штраф – по рублю с человека [8].

Исправник наблюдал за организацией крестьянами уезда «ямской гоньбы» и был первой инстанцией для жалоб черносотных крестьян

относительно исправления неправильного, по их мнению, «о ямское гоньбе подвод расписания».

Капитан-исправник или другие присутствующие нижнего земского суда организовывал помощь землемерам и зачастую сам принимал участие в их работе, в том числе в проведении межевания границ Усть-Сысольского уезда.

С 1790 г. в течение нескольких лет исправником как руководителем земского суда стал осуществляться общий надзор и за судебными местами волостей – организованными в тот период волостными присудами (к началу XIX в. система присудов была ликвидирована).

Ю.В. Тот сообщает: «Служебные обязанности между членами земского суда не распределялись, а полномочия не определялись» [9]. Фрагментарно сохранившиеся документы непосредственно Усть-Сысольского нижнего земского суда это замечание Ю.В. Тота, отражающее ситуацию, сложившуюся к началу XIX в., не опровергают, но и не позволяют гарантированно утверждать обратное. Сохранившиеся следственные дела в основном обрисовывают взаимодействие присутствующих в проведении следствия. Заседатели, особенно сельские, участвовали совместно с местными властями в расследовании уголовных дел на территории Усть-Сысольского уезда. Например, в конце декабря сельский заседатель П. Попов сообщал в рапорте: «В силу по постановленной в оном нижнем земском суде резолюции велено мне на месте допросить здешней округи Мыелдинской волости крестьянина Тимофея Паршукова» [10]. В июле 1789 г. сельский заседатель А. Михайлов был отправлен для расследования вопроса о предположительном принятии на заводы купца Курочкина беспаспортного крестьянина Е.А. Кипрушева [11]. В июле 1792 г. для исследования по делу крестьянина А.Е. Логинова в Печерскую волость «для исследования» отправлен сельский заседатель Г. Попов [12]. Существует достаточно большой массив подобных документов.

О повседневной деятельности капитана-исправника в области расследования позволяет составить представление копия с журнала Усть-Сысольского нижнего земского суда за декабрь 1787 года. Исправник И.П. Кузьмин сообщает: «... во время прошедшего объезда им Устьсысольской округи по Верховычегодской части хотя и было поручено ему от земского суда по делам учинить крестьянам допрос Пезмогской волости крестьян в сходстве присланного из нижней расправы указа в сильном ловлении рыбы и казенной оброчной ловли Ферилакта Изьюрова и прочих написанных в том указе людей но в бытность его господина исправника Кузьмина в тех волостях в разсуждении отлучки показанных

потребных к допросам крестьян на зверинные промыслы а протчих за укрывательством от рекрутской отдачи требуемым тем крестьянам допросов не учинено...» [13].

Ю.В. Тот отмечает: «“Учреждения о губерниях” определяли земской суд “как передвижное присутственное место”, исполнявшее свои функции в любом пункте уезда» [14]. Уложением прямо предписывалось организовывать выездные допросы, когда было необходимо опросить большое количество людей, дабы не отлучать их от домов, работ и ремесла. Приговор также мог выноситься на месте. Апелляцию на исполнение нижним земским судом решения вышестоящих инстанций можно было подать в 4-недельный срок в ту инстанцию, решение которой суд исполнял. Кроме случаев, когда дело решено самим нижним земским судом, исправником, стряпчим или по заявлению истца – тогда жалоба подавалась в нижний земской суд. Так, в октябре 1794 г. по прошению крестьян Осипа, Козьмы, Петра, Григория и Ивана Петруновых на состоявшееся в 1789 г. несправедливое, по их мнению, решение земельного спора велено Усть-Сысольскому нижнему земскому суду «предписать указом с тем чтоб оной с получением онаго оное дело прислал в сию расправу со всеми во оном без остатку документами и по присылке что по рассмотрению окажется о том присутствующим доложить особо» [15].

Заседателям поручались аресты и задержания подозреваемых в совершении преступлений. Например, согласно протоколам Усть-Сысольского нижнего расправного суда дворянским заседателем С.Р. Лесковым 8 января 1787 г. в суд доставлены живущие в лесу «суеверцы» вместе с предметами культа [16]. Позже вписаны ещё 3 изъятых ружья. В документе сообщается, что дворянский заседатель С.Р. Лесков был с командою, видимо, это военнотружущие Усть-Сысольской штатной воинской команды.

Заседатели могли самостоятельно инициировать и расследование. Так, в июле 1788 г. согласно рапорту Усть-Сысольского нижнего земского суда «производившееся в оном суде следственное дело начатое по рапорту бывшего сего суда дворянского заседателя подпоручик Лескова в упорстве и ослушании против него Лескова в проезде по Верхневыхегодской части и в замахивание на него колом Мыелдинской волости крестьянином Тимофеем Осиповым Паршуковым равно и за небытие никогда на исповеди и у святого причастия и за побег от рекрутства...» [17]. Данное дело для дальнейшего рассмотрения было послано в Усть-Сысольскую нижнюю расправу.

Периодически на проведение расследований выезжали все присутствующие. Так, в ходе производившихся в апреле 1794 г. следственных

мероприятий по делу дворянского заседателя Бибикова по приказу уездного суда «... для повеленного следствия отправиться на место в Шошкинскую волость всему суду взяв с собой для усмирения в случае многда послушания и бунта истребовав от здешнего господина городничего из воинской команды четырех человек солдат...» [18]. По прибытии на место суд должен был «открыть присудствие», начав его с допросов ямщиков. В следственных действиях обязали принять участие волостной присуд, старосту и соцкого с десятком «добросовестных крестьян» [19].

Присутствующие Усть-Сысольского нижнего расправного суда в ходе предварительного следствия проводили внешний осмотр «мёртвых тел» (если позволяли обстоятельства, в осмотре принимал участие медицинский работник) и по его окончании выдавали разрешение на погребение. В отсутствие медицинского персонала присутствующие проводили самостоятельно внешний осмотр потерпевших на предмет наличия и тяжести телесных повреждений. В частности, в июне 1789 г. исправник Кузмин выдал крестьянину Шешкинской волости Ф.Т. Попову свидетельство «в битии сыном ево родным Михеем и от того битья причиненным знакам и ранам чинил свидетельство...» [20].

Присутствующими нижнего земского суда проводились и допросы. Так, в декабре 1787 г. сельским заседателем П. Поповым произведены допросы по делу об оброчной рыбной ловле [21]. В некоторых случаях в процессе расследования практиковался и так называемый повальный обыск – опрос соседей подозреваемого на предмет «худого» поведения проводился лично одним из присутствующих суда, в документах зафиксированы сельские или дворянские заседатели суда. Например, дворянский заседатель Е. Бурмакин в июне 1788 г. рапортовал остальным присутствующим суда: «По постановленной в сем суде резолюции какого было Устьсысольской округи Мыелдинской волости крестьянин Тимофей Паршуков наперед сего состояния повальной обыск многим учинен который присеем оному суду и представлен» [22].

Присутствующие Усть-Сысольского нижнего земского суда могли самостоятельно доставить подозреваемого в суд. Они же решали, достаточно ли накопленного материала для передачи дела на рассмотрение суда. Постановлением присутствующих для предотвращения «утечки» подозреваемого могли отослать к городничему для помещения под стражу.

В случае передачи дела в суд подозреваемый переходил под ответственность судебной инстанции, и указания по его перемещениям теперь исходили от суда, а земской суд выполнял решения судебных инстанций относительно перемещения фигурантов дел, но все действия касательно экономических крестьян по-прежнему проходили через него. В частности,

в случае необходимости суд организовывал этапирование подозреваемых в совершении преступлений в вышестоящие судебные инстанции.

В случае возбуждения дела непосредственно в судебной инстанции земской суд сразу начинал действовать по её указаниям, минуя стадию сбора материалов. Так, в середине января 1792 г. Усть-Сысольский нижний расправный суд, получив прошение от крестьянина И.А. Оплеснина, «по выслушании сего прошения приказали о сыску реченного крестьянина Устина Микушева здешнему нижнему земскому суду предписать указом», но лишь для того чтобы земской суд предписал о его доставке «волостным начальникам», а после сыску прислать в Усть-Сысольскую нижнюю расправу [23].

Присутствующие Усть-Сысольского нижнего земского суда приводили в исполнение приговоры судебных инстанций, касавшиеся черносошного крестьянства. Так, дворянским заседателем Бибиковым в июне 1789 г. исполнено решение суда о наказании крестьянина Паршукова за уклонение от рекрутского набора плетью и за нехождение ежегодно на исповедь денежным штрафом, о чём Усть-Сысольскому нижнему расправному суду и доносилось [24]. Телесное наказание обычно совершалось публично и по месту жительства осуждённого, а в исключительных случаях в уездном городе.

В случае, когда подозреваемый в совершении преступления не доставлялся в Усть-Сысольский нижний земской суд в разумные сроки, его объявляли в розыск. Дальше оставалось только дожидаться результата, поскольку аппарат земских судов практически не был приспособлен к самостоятельному поиску преступников.

Заседатели помогали капитан-исправнику в сборе накопившихся недоимок. Так, в рапорте, написанном в сентябре 1787 г., дворянский заседатель подпоручик Лесков сообщал: «... и потом едуча на лодке из Мыелдинской в Пожегодскую волость для взыскания состоящих на крестьянх государственных податей недоимки...» [25]. В том же документе находим следующие строки: «... а по последнему и взыскание поручить от правляющемуся ныне за взысканием [доимки] по Вычегодской части с крестьян недоимки и за исполнением подобных сим дел поручить сего суда сельскому заседателю Петру Попову» [26].

Датированный декабрём 1787 г. рапорт исправника позволяет примерно представить деятельность дворянского заседателя Усть-Сысольского нижнего земского суда: «... по рапортам дворянского заседателя подпоручика Лескова 1-е при коем приложил поданное к нему Устьсысольских окружных питейных зборовь содержателя Понамарева от поверенного ево Дмитрия Попова о поступлении по законам здешней округи

Керчемской волости с крестьянами Фомой и Лазарем Катаевыми в битии ими ево Попова и о прочем. 2-е о поступлении по законам Корткеровской волости с крестьянином Дмитрием Коюшевым в похвальных ево словах Устьсысольского купца Васелья Чеусова и Вологодской межевой канторы канцеляриста Антона Соколова прибить до смерти и в произведении им Коюшевым в противность государственных законов вешным и Китайским и Россиским товарами торговли. 3-е о поступлении здешней округи Мыелдинской волости с крестьянином Тимофеем Паршуковым который неведомо с чего метался на того заседателя Лескова с колом и в намерении вынуть имеющегося с ним топора. 4-е по сообщению Устьсысольскаго старшего землемера подпоручика Чичерина о поступлении здешней округи Вишерской волости с крестьянами Степанам Игушевым и Семёном Габовым в ругани ими ево Чичерина скверными словами и в битии команды его солдата Терскаго. 5-е по указу Вологодского наместнического правления о взыскании по приложенному регистру с не явившихся в каранную 1787 года работу работу работных людей и о поступлении с теми за неустойку их по законам...» [27].

Таким образом, сохранившиеся документы в силу их специфики повествуют в первую очередь о проведении разнообразных следственных мероприятий. Гораздо реже встречаются документы, свидетельствующие о других сторонах деятельности земского суда, таких как взыскание штрафов и недоимок, борьба с эпизоотиями или приведение приговоров в исполнение. Совсем поверхностно и эпизодически освещены такие действия, как составление списков справочных нижних цен или помощь беднейшим крестьянам.

Несмотря на фрагментарность многих источников автор считает, что выявленных документов достаточно для получения представления о повседневной деятельности присутствующих Усть-Сысольского нижнего земского суда.

* * *

1. Кошман В.А. Каймаканские и нижние земские суды в период существования Таврической области (1784–1796 гг.) // Актуальные проблемы сравнительного правоведения: сб. материалов II Всероссийской науч.-практ. конф. профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов. – Симферополь, 2017. – С.99.

2. Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Ф.13. Оп.1. Д.262.

3. НА РК. Ф.335. Д.43. Л.7 об.

4. ГАВО. Ф.13. Оп.1. Д.237. Л.2.
5. НА РК. Ф.3. Д.1. Л.1.
6. ГАВО. Ф.13. Оп.1. Д.190.
7. НА РК. Ф.335. Д.93. Л.2+.
8. *Абрамов Д.А., Исаев А.П.* Управление калужским наместничеством в последней четверти XVIII века. – СПб.: СЗАГС, 2008. – С.91.
9. *Том Ю.В.* Проблема реорганизации местного управления и земской полиции в правительственной политике России первой трети XIX в. // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. – 2010. – № 1. – С.253–254.
10. НА РК. Ф.335. Д.64. Л.6.
11. НА РК. Ф.335. Д.75. Л.27.
12. НА РК. Ф.335. Д.100. Л.5.
13. НА РК. Ф.335. Д.64. Л.5.
14. *Том Ю.В.* Указ. соч. – С.253.
15. НА РК. Ф.335. Д.110. Л.4.
16. НА РК. Ф.335. Д.219. Л.9 об.
17. НА РК. Ф.335. Д.64. Л.1а.
18. НА РК. Ф.335. Д.106. Л.4 об.
19. НА РК. Ф.335. Д.106. Л.4 об.
20. НА РК. Ф.335. Д.76. Л.9.
21. НА РК. Ф.335. Д.59. Л.13.
22. НА РК. Ф.335. Д.64. Л.17.
23. НА РК. Ф.335. Д.97. Л.2.
24. НА РК. Ф.335. Д.64. Л.66 об.
25. НА РК. Ф.335. Д.64. Л.1.
26. НА РК. Ф.335. Д.64. Л.5 об.
27. НА РК. Ф.335. Д.64. Л.5–5 об.

П.П. Котов,

канд. ист. наук, зав. сектором

отечественной истории

Института языка, литературы

и истории Коми НЦ УрО РАН;

доцент кафедры истории России

и зарубежных стран ФГБОУ ВО

«Сыктывкарский государственный

университет имени Питирима Сорокина»

ИСТОЧНИКИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ОТМЕНЫ КРЕПОСТНОГО ПРАВА В УДЕЛЬНОЙ ДЕРЕВНЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ*

Реформы 1860–1870-х гг. отменяли основы феодально-крепостнических порядков в России и постепенно замещали их капиталистическими нормами. Начались эти преобразования после выхода известного Манифеста и Положения 19 февраля 1861 года. Однако по ним отменялось крепостное право только для помещичьих крестьян, которые составляли менее половины сельских тружеников страны. После того как законодатель получил первоначальный опыт проведения преобразований и пресечения протестов в помещичьей деревне, он логично стал отменять крепостничество и у других категорий крестьянства. С 1863 г. крепостные порядки стали отменять в удельной деревне, позже, с 1866 г., – у государственных поселян.

Изучение отмены в России крепостного права началось вскоре после проведения крестьянских реформ [1]. Правда, долгое время основное внимание уделялось преобразованиям в помещичьей деревне. К концу 1930-х гг. был выявлен новый массовый вид источников – уставные грамоты [2]. Они являлись теми документами, по которым крестьяне в ходе реформы получали земельные угодья и в которых фиксировались выкупные платежи. Именно в рамках изучения отмены крепостного права в помещичьей деревне П.А. Зайончковский в начале 1950-х гг. разработал методику «сплошной» обработки уставных грамот, которая была применена им при создании фундаментальных трудов по истории крестьянских реформ в России [3].

© Котов П.П., 2018

* Публикация подготовлена при поддержке проекта Программы научных исследований УрО РАН «Этнодемографические процессы у финно-угорских народов Европы в Средневековье и Новое время в контексте изменений климата».

Предложенная методика стала своеобразным образцом для других исследователей, в том числе изучавших и изучающих отмену феодальных порядков не только у помещичьих крестьян. Понятно, что Г.И. Богатикова, как ученик П.А. Зайончковского, в полной и неизменной форме использовала методику своего учителя при изучении отмены крепостного права в удельной деревне России [4]. К сожалению, это привело к искажённой оценке результатов отмены крепостничества у удельных крестьян. Особенно основательными эти искажения оказались по губерниям «лесной полосы». Предложенное ошибочное представление об отмене крепостнических отношений в удельной деревне воспроизводилось и воспроизводится в региональных исследованиях вплоть до настоящего времени [5].

Причины указанного явления явно лежат в источниковедческой области, в связи с чем характеристика источников для изучения отмены крепостного права в удельной деревне приобретает особую актуальность. Дополнительное внимание следует обратить на анализ источников, которые отображают историю отмены крепостничества в удельных селениях в губерниях «лесной полосы» и Европейского Севера в том числе, т.е. источников по тем регионам, по которым укоренились явно ложные оценки.

Основные сюжеты проведения отмены крепостного права в удельной деревне России отображают законодательно-нормативные и делопроизводственные источники. Первые зафиксированы в Полном собрании законов Российской империи (собрание второе). Большая часть делопроизводственных источников сосредоточена в фонде 515 – Главное управление уделов (прежде всего опись 74) Российского государственного исторического архива. Некоторая доля документов по удельным владениям Европейского Севера отложилась в ряде других фондов названного архива и хранилищах Государственных архивов Архангельской и Вологодской областей.

Важным источником, регламентирующим проведение отмены крепостного права в удельной деревне, выступает указ от 26 июня 1863 г. [6]. Он применительно к удельным крестьянам во многом повторял, частично дополнял или уточнял нормы упомянутого Положения 19 февраля 1861 года. В нём регламентировались наделение крестьян землёй, отрезки и прирезки угодий, определение выкупных платежей и ряд других вопросов по отмене крепостнических элементов в удельной деревне. По мере возникновения затруднений в проведении реформы 26 июня 1863 г. принимались дополнительные нормативные акты, в которых уточнялись или развивались некоторые нормативы (на ряд из них, к сожалению, в нашей историографии не было обращено должного внимания). В частности, были уточнены правила отрезки крестьянских «лесных сенокосов» [7],

нормы поземельного сбора [8] и управления удельными владениями [9], права удельных крестьян Архангельской губернии на выкуп оброчных (арендных) земель [10], изменения в распределении «капиталов народного продовольствия» [11] и некоторые другие нормативы.

Главными документами, в которых отобразились результаты реформы 26 июня 1863 г. в удельной деревне России, выступали уставные грамоты. Их тексты, как и прямые копии, отложились в Российском государственном историческом архиве. Уставные грамоты состояли из нескольких частей. В первой части фиксировались все селения (или часть селений), на которые распространялось действие конкретной уставной грамоты, их местоположение, вхождение в соответствующие удельные волости и приказы или отделения. После начала реформы первые из них переименовывались в сельские общества, а удельные приказы и отделения – в общепринятые волости, что и закреплялось в документах. Здесь же отображалось число наличных душ и число крестьян, на которых выделялись земельные наделы. Численность последних определялась по X ревизии, проведённой в 1858–1859 годах. Тем самым материалы уставных грамот показывают, что земельных наделов изначально лишалась часть крестьян (разница между наличными и ревизскими душами на 1863 г. составляла свыше 6%).

Вторая часть уставных грамот посвящалась земельному вопросу. Вначале в ней указывалась площадь крестьянской земли до реформы по «табелям поземельного сбора» (по материалам податных сборов 1820 – начала 1860-х гг.) и по «инструментальному измерению» (по данным специальных обмеров, проведённых землемерами в 1840 – начале 1860-х гг.). Цифровые показатели последних более точно, близко к реальным, установили размеры земельных владений крестьян и удела и значительно превосходили аналогичные показатели по «табелям поземельного сбора». Так, зафиксированные в уставных грамотах совокупные наделы удельных крестьян Вологодской губернии по «табелям поземельного сбора» относительно «инструментального измерения» составляли от 45,7% по Кузнецовской волости до 80,1% по Спасской волости. Этот фактор был учтён, и все остальные цифровые данные о земельных наделах удельных крестьян Европейского Севера России определялись в уставных грамотах по «инструментальному измерению» [12].

Далее во второй части уставных грамот указывались размеры отрезаемых у крестьян и прирезаемых им угодий. Одной из важных задач решения земельного вопроса по реформе 1863 г. выступала ликвидация чересполосицы крестьянских и подведомственных уделу владений. Первоначально предполагалось решить её главным образом путём отрезок

крестьянских угодий, которые располагались за пределами единой площади их наделов. На Севере под сокращение попадали прежде всего сенокосы, т.к. многие участки именно этих угодий были разбросаны в окружающих лесных массивах. В результате удельные крестьяне региона должны были потерять в Архангельской губернии около 18,5% покосов (в Шеренском сельском обществе – до 58,3%); в Вологодской губернии около 20 сельских обществ лишались бы свыше половины сенокосов (в Нижнеподюжском сельском обществе – до 74,3%). В качестве компенсации крестьянам снижались бы выкупные платежи по правилам пресловутой «градации повинностей». Напомним: при указанной процедуре предоставление первой десятины душевого земельного надела оценивалось в половину всего среднечеловеческого выкупа за высший надел, вторая предоставляемая десятина составляла четверть от выкупа. Стоимость всех последующих десятинок определялась как среднеарифметический показатель от оставшейся четверти суммы выкупа за высший надел. Иными словами, удел, как и помещики по реформе 19 февраля 1861 г., был заинтересован в отрезке крестьянской земли, т.к. сумма выкупа сокращалась незначительно, непропорционально меньше сокращения наделов.

Однако массовое неприятие удельными поселянами России принципов «градации повинностей» и «временнообязанного состояния» обусловило принятие в 1865 г. специального циркуляра (распоряжения) удельного ведомства об их отмене, что имело важное последствие [13]. С одной стороны, сократились (а по отдельным сельским обществам отменялись) отрезки крестьянских угодий. Хотя на Европейском Севере страны к отрезке по-прежнему предполагались, прежде всего, сенокосы, и по ряду уставных грамот северные удельные крестьяне потеряли до 2/3 таких угодий.

С другой стороны, после выхода упомянутого циркуляра взамен отрезаемых земель крестьянам стали предлагать компенсацию в виде прирезок угодий. Факты прирезок земельных участков удельным крестьянам Севера фиксировались в «Протоколах» и, как правило, в нескольких «Дополнительных условиях», а отдельные цифровые показатели о наделах уточнялись ещё и в «Актах». Они прилагались к уставным грамотам и являлись, по сути, их неотъемлемыми элементами. Заметим, что «Дополнительные условия» составлялись в течение ещё длительного времени. Последние из них для бывших удельных крестьян Европейского Севера были оформлены уже после отмены выкупных платежей – в 1907 г., – и касались они передачи крестьянам «рыбных ловель». Данные уставных грамот и прилагаемых к ним указанных материалов свидетельствуют о том, что удельным крестьянам Европейского Севера прирезались «дровяные и кустарные заросли» (участки леса, на 1 десятине которых росло

не более 15 строевых деревьев), «билетные земли» (расчистки крестьянами леса под пашню и сенокос) и «оброчные угодья» (арендуемые селянами у удела земли).

На структуру земельных прирезок в нашей историографии, к сожалению, не было обращено внимания. В результате закрепилось ошибочное мнение о том, что в ходе реформы 1863 г. удельные крестьяне «лесной полосы» в противоположность другим регионам получили значительные прирезки угодий, а на Европейском Севере расширение крестьянских наделов вообще было кратным. Такой вывод проистекал ещё и от того, что исследователи использовали материалы так называемых «Ведомостей о земельных наделах по уставным грамотам». Они были составлены по каждой удельной конторе России и представляли собой краткие выписки из уставных грамот, которые делались чиновниками для собственных нужд и не имели отношения к научной выборке данных. Кроме того, в «Ведомостях», например по Европейскому Северу, не были учтены материалы некоторых «Дополнительных условий» и «Акт», имелись неточности относительно уставных грамот [14]. Однако «Ведомости» оказались привлекательными для исследователей, т.к. в них содержались требуемые для обработки по методике П.А. Зайончковского цифровые сведения.

При детальном же изучении формирования упомянутых в уставных грамотах и сопровождающих их материалах «прирезаемых» земельных угодий вырисовываются совершенно противоположные выводы. Так, лесные массивы (включавшие в основном качественные лесные участки) были выделены государством в 1840 – начале 1860-х гг. в рамках так называемого наделения законной пропорцией земли» именно удельным крестьянам [15]. В 1820-х гг. тогда ещё в казённых лесах удельным поселянам Севера разрешили достаточно свободно расчищать участки под сенокос и пашню. Делать это они могли по специальным «билетам» – письменным разрешениям от местных форштмейстеров (лесников). Разработанными угодьями крестьяне могли пользоваться «семейно» (индивидуально) в течение 40 лет, затем они должны были поступать в общинное пользование [16]. После начала проведения реформы вопреки закону и «билетные земли» были объявлены удельным ведомством своими [17].

Подчеркнём: из всех «прирезаемых» земель собственно удельными являлись только «оброчные угодья» [18]. Предоставление же некачественных лесных участков и некоторых участков «билетных земель» нужно рассматривать в качестве оставления удельным крестьянам Европейского Севера только части принадлежавших им до реформы 1863 г. угодий. Напротив, основная их часть отрезалась (лесов – свыше 90%) в пользу удела. Именно этим в первую очередь объясняется массовый отказ удельных

крестьян Европейского Севера от подписания уставных грамот, и абсолютное большинство грамот незаконно осуществлялось на практике. Ведь каждая уставная грамота считалась введённой в действие после её подписания представителем (чиновником) удела, мировым посредником и крестьянами или выборными от последних в случаях, когда документ обнимал интересы большого числа удельных селян. Уставные грамоты подписали крестьяне (но не все), получившие высший надел, и часть крестьян, которым отрезаемые угодья передавались в аренду за дополнительную плату или без таковой на срок 5, 7, 20 или 25 лет (чаще плата не назначалась именно при кратковременной аренде).

Отметим важный момент: анализ всей совокупности источников по проведению реформы 26 июня 1863 г. позволяет выявить структуру до- и пореформенных наделов удельных крестьян Европейского Севера по «инструментальному измерению», т.е. подсчитать общие и душевые цифровые показатели по усадебным, пашенным, сенокосным, выгонным и лесным угодьям. В частности, выясняется, что далеко не по всем удельным сельским обществам и волостям фиксировались выгоны и пастбища. Многие северные крестьяне использовали для выпаса скота лесные участки, не обозначая их в качестве каких-либо своих угодий.

Напомним, что одной из важнейших задач прирезок-отрезок являлось преодоление чересполосицы владений удельного ведомства и крестьян. Однако материалы о проведении реформы 26 июня 1863 г. свидетельствуют о том, что поставленная задача так и не была решена. Во всяком случае, внутри крестьянских наделов в Архангельской губернии сохранилось свыше 1 612 участков, или почти 5,5 тыс. десятин, только оброчной удельной земли, в Вологодской губернии – около 1 579 участков, или около 4,2 тыс. десятин угодий. Но кроме этих земель внутри крестьянских владений располагались удельные лесные угодья, участки под мельницами, питейными лавками, «пековаренными» и прочими подобными «заведениями».

По материалам уставных грамот и сопутствующих документов достаточно чётко определяется, что в удельной деревне Севера крестьянская земля находилась в распоряжении как крупных (сложных), так и простых крестьянских общин. Первые обнимали по несколько (иногда десятки) деревень, в которых проживало и до нескольких сотен крестьян. Простые общины включали в себя часто 1 селение, реже – несколько селений, и они выявляются в основном в Вологодской губернии – главным образом в Турундаевской волости (располагалась в 3 южных уездах губернии) и в Кузнецовской волости (территориально входившей в Сольвычегодский и Великоустюгский уезды).

Считалось, что отмена крепостных порядков в удельной деревне Европейского Севера России завершилась в 1869 г. и что, как ранее указывалось, не предполагалось «временнообязанного состояния» крестьян. Однако в некоторых документах в отношении удельных поселян Вологодской губернии такое состояние фиксировалось вплоть до начала 1880-х гг. [19]. Это, конечно, не было сродни «временнообязанному состоянию» помещичьих крестьян. Вероятно, в источниках подчёркивалось, что вопросы отмены крепостного права, прежде всего по земле, в ряде селений бывших удельных крестьян так и не были окончательно отрегулированы. Впрочем, данные источники требуют дополнительного внимания и анализа.

В третьей – заключительной – части уставных грамот подсчитывалась общая сумма выкупных платежей. Здесь же подсчитывались размер годового выкупа и его сумма в расчёте на душу. Данные показатели, как и размеры угодий, уточнялись в «Протоколах», «Дополнительных условиях» и «Актах». Как и помещичьи, удельные крестьяне должны были выплачивать по 6% в год от общей суммы выкупа в течение 49 лет. Однако в помещичьей деревне этот процент определялся по значению примерно 4/5 от выкупа, тогда как в удельной – от его полной суммы. В результате удельные крестьяне должны были выплачивать большие денежные суммы, чем помещичьи крепостные.

Отметим, что вскоре после начала реформы, вопреки закону от 26 июня 1863 г., удел переложил на казну обязанности по сбору выкупа с крестьян, а причитающие по выкупу деньги стал получать непосредственно из министерства финансов России. Тем самым он избегал коллизий с неуплатами выкупа со стороны крестьян и необходимости взимания недоимок по выкупным суммам [20].

В ряде случаев архивы предоставляют возможность для проверки данных о проведении реформы 26 июня 1863 г., т.е. для сопоставления сведений из других источников с материалами уставных грамот и сопутствующих документов. Так, по Архангельской губернии автором статьи были выявлены документы, составленные в конце XIX в. [21]. В частности, в них по всем сельским обществам и волостям бывшей удельной деревни Шенкурского уезда приведены сведения по X ревизии и на 1895 г. о числе душ, получивших наделы по реформе 26 июня 1863 г. [22]. Естественно, показаны размеры крестьянских наделов до и после реформы, с отображением структуры угодий, т.е. с указанием площади усадьбы, пашни, сенокоса, леса, всей удобной и неудобной земли (в том числе в расчёте на душу). В источнике отображены общие и ежегодные подушные выкупные суммы, величины отрезанных и прирезанных угодий и земель,

предоставленных в аренду, размеры купленных крестьянами в 1865–1895 гг. земельных участков с указанием цены [23]. Подобные материалы позволяют оценить не только объективность источников собственно по реформе 26 июня 1863 г., но и её последствия.

Таким образом, совокупность представленных источников позволяет в полной мере охарактеризовать проведение реформы 26 июня 1863 г. в удельной деревне Европейского Севера России. По ним можно достаточно объективно выявить структуру крестьянских наделов, цифровые показатели отрезки и прирезки угодий. Источники позволяют коренным образом изменить оценку наделения землёй удельных крестьян Европейского Севера России относительно ошибочно принятой в нашей историографии. Это позволяет говорить и о необходимости пересмотра результатов наделения землёй удельных крестьян как минимум всех губерний «лесной полосы».

Данные источников предоставляют возможность сравнить размеры полученных наделов и выкупных сумм в удельной деревне Севера с таковыми же по помещичьим селениям. Подобные сопоставления представляются более корректными и объективными, нежели проводимые до настоящего времени сравнения в целом по губерниям.

* * *

1. *Вильсон И.* Выкупные за земли платежи крестьян-собственников бывших помещичьих. 1862–1876. Выкупные за земли платежи бывших удельных крестьян. 1871–1876. Статистические исследования. – СПб.: Типография В. Киршбаума, 1878.

2. *Левашов В.* Реформа 1861 г. в Самарской и Симбирской губерниях. – Куйбышев: Госполитиздат, 1940.

3. *Зайончковский П.А.* Отмена крепостного права в России. – М.: Просвещение, 1968.

4. *Богатикова Г.И.* Реформа 26 июня 1863 г. в удельной деревне // Исторические записки. – 1958. – Т.63. – С.81–123.

5. *Котов П.П.* Отмена крепостного права в удельной деревне по реформе 26 июня 1863 года в русской историографии // Известия Коми НЦ УрО РАН. – 2017. – № 4 (32). – С.79–87.

6. *Июня 26 [1863 года].* Именной указ, 26 июня 1863 года, данный Правительствующему Сенату, опубликованный 15 июля. – Высочайше утвержденное Положение о крестьянах, водворенных на землях Государевых, дворцовых и удельных // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе (далее – ПЗСРИ-2). С 12 декабря 1825 года

по 28 февраля 1881 года. Т.I–LV. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1866. – Т.XXXVIII. – 1 отд. – № 39792. – С.678–702.

7. Февраля 5 [1864 года]. Высочайше утвержденное положение Главного Комитета об устройстве сельского состояния, опубликованное 1 апреля. – О пояснении постановления касательно замены лесных сенокосов при разверстывании крестьянских угодий в имениях Государевых, дворцовых и удельных // ПСЗРИ-2. – СПб., 1867. – Дополнение Т.XXXIX. – 1 отд. – № 40561. – С.89.

8. Сентября 14 [1864 года]. Высочайше утвержденное положение Главного Комитета об устройстве сельского состояния, опубликованное 27 октября. – Об открытии поземельного сбора на мировые учреждения в имениях Государевых, дворцовых и удельных // ПСЗРИ-2. – СПб., 1867. – Дополнение Т.XXXIX. – 1 отд. – № 41274. – С.886–887.

9. Октября 14 [1865 года]. Именной, данный Министру Императорского Двора и Уделов. – О преобразовании удельного управления // ПСЗРИ-2. – СПб., 1867. – Т.XL. – 2 отд. – № 42557. – С.59.

10. Апреля 8 [1865 года]. Высочайше утвержденное положение Главного Комитета об устройстве сельского состояния. – О предоставлении некоторым сельским обществам Архангельской губернии, Шенкурского уезда, права на выкуп оброчных земель, принадлежащих удельному ведомству // ПСЗРИ-2. – СПб., 1867. – Т.XL. – 1 отд. – № 41995. – С.435.

11. Апреля 25 [1866 года]. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета, опубликованное 23 мая. – О распределении капиталов народного продовольствия // ПСЗРИ-2. – СПб., 1868. – Т.XLI. – 1 отд. – № 43240. – С.474–483.

12. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф.515. Оп.74. Архангельская губерния: Шенкурский уезд – Д.86. Л.3–146 об. – Благовещенская волость; Д.87. Л.2–147 – Великониколаевская волость; Д.88. Л.4–189 – Кургоминская волость; Д.89. Л.2–383 – Предтеченская и Усть-Важская волости; Д.90. Л.2–244 об. – Усть-Паденская волость. Вологодская губерния: Вельский уезд – Д.91. Л.2–445 об. – Верховская волость; Д.92. Л.2–653 об. – Тавренская волость; Д.93. Л.2–135 об. – Усть-Вельская волость; Вологодский, Кадниковский и Грязовецкий уезды – Д.94. Л.2–187 об. – Турундаевская волость; Сольвычегодский уезд – Д.95. Л.5–67 об. – Афанасьевская волость; Д.96. Л.2–58 – Верхотомская волость; Сольвычегодский и Великоустюгский уезды – Д.97. Л.4–124 – Кузнецовская волость; Тотемский уезд – Д.98. Л.2–76 об. – Спасская волость; Д.99. Л.3–44 об. – Шевденицкая волость.

13. РГИА. Ф.515. Оп.34. Д.1849, 1850. – По вопросам, возникшим при составлении и введении в действие уставных грамот.

14. РГИА. Ф.515. Оп.74. Д.85. – Ведомость о земельных наделах по уставным грамотам Вельской удельной канторы.

15. *Котов П.П.* Наделение удельных крестьян России лесными угодьями в 1797–1863 годах: По материалам Европейского Севера // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «История. Социология. Политология». – 2012. – № 2. – Июль–декабрь. – С.101–106.

16. *Котов П.П.* Тягловые земли удельных крестьян Европейского Севера России в конце XVIII – первой половине XIX в. // Вестник НИИ гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия. – 2012. – № 2 (22). – С.45–53.

17. Июня 23 [1864 года]. Высочайше утвержденное положение Главного Комитета об устройстве сельского состояния, опубликованное 18 августа. – О порядке пользования лесными участками, отведенными уделом крестьянам под расчистку // ПСЗРИ-2. – СПб., 1867. – Т.XXXIX. – 1 отд. – № 41003. – С.543.

18. *Котов П.П.* Арендные и покупные земли в удельной деревне Европейского Севера России // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. Серия «Общественные и гуманитарные науки». – 2018. – № 2 (171). – Февраль. – С.49–53.

19. РГИА. Ф.1263. Оп.1 – Отчёты Вологодского губернатора за 1870–1880 гг.; Экономический быт сельского населения Вологодской губернии // Вологодский сборник. – Вып. 2. – Вологда, 1881. – С.27, 41.

20. Июня 26 [1863 года]. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета, объявленное Министерству внутренних Дел Департаментом Уделов 7 декабря 1865 года. – О порядке расчетов Министерства Финансов с удельным ведомством по выкупу земель крестьянами, водворенных в имения Государевых, дворцовых и удельных // ПСЗРИ-2. – СПб., 1867. – Дополнение к XXXVIII тому. – Т.XXXIX. – 2 отд. – № 39793 а. – С.4.

21. РГИА. Ф.515. Оп.78. Д.219 (Об улучшении экономического положения бывших удельных крестьян Шенкурского уезда (ч.1)); Ф.515. Оп.78. Д.220 – Об улучшении экономического положения бывших удельных крестьян Шенкурского уезда (ч.2).

22. РГИА. Ф.515. Оп.78. Д.219 – Об улучшении экономического положения бывших удельных крестьян Шенкурского уезда (ч.1). Л.17–65; Ф.515. Оп.78. Д.220 – Об улучшении экономического положения бывших удельных крестьян Шенкурского уезда (ч.2). Л.18–25.

23. РГИА. Ф.515. Оп.78. Д.220 – Об улучшении экономического положения бывших удельных крестьян Шенкурского уезда (ч.2). Л.18–25.

И.И. Лейман,

*канд. ист. наук, ст. научный
сотрудник Института языка,
литературы и истории
Коми НЦ УрО РАН*

**РАЗВИТИЕ ТОРГОВЛИ
НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ В СЕРЕДИНЕ XIX в.
(по материалам Военно-статистического обозрения
Российской империи)***

В конце первой трети XIX в. рост промышленности (в первую очередь в центральной части страны), усиление товарно-денежных отношений и разложение натурального хозяйства способствовали дальнейшему развитию внутреннего и внешнего рынков [1]. Кроме того, особый характер внутреннему рынку придавали дробность промышленного производства, сосредоточение главных отраслей мануфактурной промышленности в немногих центрах и различная плотность населения. Структура внутреннего рынка отличалась незначительной специализацией и множеством посредников при переходе товара от производителя к потребителю, а отсутствие широкого кредита и неразвитость сети путей сообщения обуславливали медлительность торгового оборота [2]. В связи с этим важнейшими проводниками торговой деятельности в городах и селениях Российской империи являлись ярмарки, благодаря которым даже самые незначительные населённые пункты хотя бы на короткое время превращались в важные торговые центры [3].

Комплексному пониманию состояния ярмарочной торговли в той или иной местности в рассматриваемый период может способствовать наличие информации по следующим пунктам: перечень ярмарок (с указанием названия, места и сроков проведения); история ярмарок (время зарождения, динамика развития); процесс организации ярмарок; описание путей сообщения; характеристика товарооборота (включая перечень основных товаров и материалы по торговцам); культурно-досуговая и бытовая составляющие ярмарок.

© Лейман И.И., 2018

* Публикация подготовлена при поддержке проекта Программы научных исследований УрО РАН «Этнодемографические процессы у финно-угорских народов Европы в Средневековье и Новое время в контексте изменений климата».

Проанализируем возможности изучения состояния ярмарочной торговли на Европейском Севере России на базе материалов Военно-статистического обозрения Российской империи. Из известных нам авторов ранее никто подробно не рассматривал данное издание в подобном ключе.

Семнадцать томов обозрения были изданы в период с 1848 по 1858 г. типографией Департамента Генерального Штаба в Санкт-Петербурге [4]. Описание территории Европейского Севера России в обозрении представлено в томе втором «Северо-восточные губернии»: это часть первая «Архангельская губерния» (издана в 1853 г.) и часть третья «Вологодская губерния» (издана в 1850 г.) [5].

В обозрении Архангельской губернии указано, что «ежегодно в Архангельской губернии бывает шесть ярмарок» (хотя далее обозначено 7): это «Евдокиевская самая главная в Шенкурском уезде в удельном Благовещенском приказе»; Маргаритинская в г. Архангельске; Благовещенская и Никольская в г. Пинеге; Сретенская в г. Шенкурске; Крещенская в г. Мезени; Сумская в Сумском посаде Кемского уезда [6]. Однако согласно архивным материалам во второй трети XIX в. в Архангельской губернии проводилось 8 ярмарок: в обозрении не отмечена Покровская ярмарка в Кузоменском селении Кольского уезда. Село Кузомень Кольского уезда наряду с Сумским посадом Кемского уезда ещё в первой половине XIX в. являлось торговым центром, где на выгодных условиях можно было сбывать продукцию промыслов и закупать нужные товары. Покровская ярмарка проходила здесь с 10 октября по 11 ноября и по своим торговым оборотам значительно превосходила Сумскую ярмарку. Также нужно отметить, что обозначенная в обозрении Сумская ярмарка в Сумском посаде Кемского уезда на деле носила название «Никольская» [7].

Относительно указанных в обозрении сроков проведения ярмарок необходимо отметить следующее. Так, о Маргаритинской ярмарке написано, что она «бывает 3 сентября», хотя сроки ярмарки, официально учреждённой в 1844 г., – с 1 сентября по 1 октября [8]. О Благовещенской ярмарке в г. Пинеге значится, что она проходила с 23 марта по 31 марта [9]. Однако согласно «Всепопданейшим отчётам начальника Архангельской губернии» конца 1840-х–1850-х гг. она проводилась с 25 по 31 марта [10]. Немного не совпадают с архивными данными и обозначенные сроки Крещенской ярмарки в Мезени: в тексте обозрения указано 6–20 января, в то же время во «Всепопданейших отчётах начальника Архангельской губернии» второй половины 1840-х – начала 1860-х гг. отмечено, что ярмарка начиналась 10 января [11].

В Вологодской губернии в середине XIX в. проходило более 90 ярмарок. В связи с большим объёмом данных для анализа и ограниченно-

стью печатной площади сравним представленные в обозрении сведения по ярмаркам одного уездного города (Грязовца) и одного уезда (Никольского) Вологодской губернии.

Согласно тексту обозрения Вологодской губернии в г. Грязовце проводилось 3 ярмарки: Антоньевская (15 января), Петровская (29 июня), Введеньевская (21 ноября) [12]. Однако архивные данные свидетельствуют о том, что в 1830-х–1840-х гг. Антоньевская ярмарка проходила с 15 по 18 января, Введеньевская – с 17 по 22 ноября, а Петровская на протяжении всего XIX в. длилась с 27 по 30 июня [13].

Относительно ярмарок Никольского уезда Вологодской губернии в обозрении отмечено следующее: «Ярмарки въ Никольскомъ уезде учреждены въ следующихъ местахъ: 1) Благовещенская при с. Вохомско-Вознесенскомъ съ 17 по 26 марта... 2) Рождественская при с. Вохомско-Вознесенскомъ съ 25 декабря по 1 января... 3) Никольская при Подосиновской пристани съ 28 ноября по 8 декабря... 4) Евдокиевская тамъ же на 1 и 2-й неделяхъ великаго поста... 5) Кичменско-Спасская при Кичменскомъ погосте 2 июля...» [14]. В данном случае все сведения полностью подтверждаются архивными данными [15].

Таким образом, материалы обозрения в отношении перечня ярмарок Европейского Севера России (включая название, место и сроки проведения) в целом подтверждаются архивными материалами. Есть некоторые расхождения в длительности проведения (хотя в целом месяц указан верно); по некоторым административным единицам указаны не все ярмарки.

Сведения, касающиеся истории развития ярмарок, а также процесса их организации, в обозрениях по Архангельской и Вологодской губерниям практически не представлены. В обозрении Архангельской губернии есть только экскурс об истории развития внешней торговли на территории губернии начиная с конца XVI в., а также небольшая историческая заметка о Евдокиевской ярмарке в с. Благовещенском Шенкурского уезда [16]. Скудность данных обусловлена назначением обозрения, а именно: Генеральный Штаб «постоянно встречал необходимость в современных, систематически собранных и изложенных, статистических сведениях о губерниях и областях Российской Империи», важных «в кругу своих занятий и в особенности при размещении и передвижении войск» [17]. То есть в военном отношении подобные материалы не представляли ценности.

В свою очередь подробное описание местности и характеристика сухопутного и водного сообщения были весьма актуальны для сферы деятельности Генерального Штаба. В этом направлении офицерами, отвечавшими за сбор данных в той или иной губернии Российской империи, была

продела масштабная и скрупулёзная работа. В общем объёме собранных материалов есть интересные сведения о торговых путях.

Согласно материалам обозрения в Вологодской губернии было много торговых и больших просёлочных дорог, например, из Вологды в Кириллов, из Кадникова в Кириллов, из Вельска в Каргополь, из Устюга в Архангельск и в Лальск, из Усть-Сысольска в Орлов и в Троицко-Печорский погост, из Грязовца в Пошехонье, из Яренска в Венденгу, а оттуда в Важгорт и др. Указанные дороги не только служили для развития товарообмена внутри Вологодской губернии, но и связывали последнюю с близлежащими губерниями – Вятской, Костромской, Новгородской, Олонецкой, Череповецкой, Ярославской [18]. Кроме того, многие дороги Вологодской губернии служили транзитом для северных губерний – Архангельской и Олонецкой, сообщавшихся таким образом с центром страны. Например, дорога из Устюга в Архангельск имела «первостепенную торговую важность въ Вологодской губернии», т.к. соединяла «Архангельскъ съ Устюгомъ и далее съ Костромскою и Вятскою губерниями, откуда доставляются почти все обозы преимущественно со льномъ, льнянымъ семенемъ, пряжей, холстомъ, постнымъ масломъ, солониной и пр. в Архангельскъ а откуда съ разными колониальными товарами» [19].

Развитию торговли в губернии способствовали и почтовые дороги. Вологодско-Архангельский тракт представлял собой «главный путь, соединяющий Архангельскъ съ Москвою» и «Вельский уездъ съ г. Вологдою», также по нему отправляли «въ зимнее время обозы съ дегтемъ и другими лесными изделиями на ярмарки въ Ярославскую губернию и далее» [20]. Московско-Вологодский тракт имел «торговую важность по сношениямъ Вологодской губернии съ Ярославскою, изъ которой привозится большая часть товаровъ, продаваемыхъ на многочисленныхъ ярмаркахъ Грязовецкаго и Вологодскаго уездовъ» [21].

Рельеф местности, по которой проходили торговые дороги Вологодской губернии, был различным. В юго-восточной части губернии через цепь «высокихъ, но имеющихъ весьма отлогия покатои холмовъ, сплошь покрытыхъ лесомъ» проходили торговые пути из Великого Устюга в Котельнич и Орлов Вятской губернии, «затруднительныя для проезда, даже въ летнее время, по причине болотистой местности, а не по крутости спусковъ и подъемовъ» [22]. Болот на территории губернии было немало, через них проходили торговые дороги в Вельском, Кадниковском, Тотемском, Усть-Сысольском уездах; в весеннее время проезд по этим дорогам был крайне затруднителен [23].

Зимой в Вологодской губернии устанавливались зимние пути, которые нередко были гораздо короче летних торговых дорог, проложенных

по направлению течения рек. Зимние пути, «посредствомъ которыхъ все разстояния значительно сокращаются и которые притомъ проходя волоками, разстилающимися по совершенно ровной местности представляють все удобства къ скорой езде», широко использовались для доставки товаров на ярмарки, как на местные, так и на проходившие в соседних губерниях [24].

Не меньшую важность в торговом отношении имели водные пути сообщения, благоприятствовавшие развитию внутренней и транзитной торговли Вологодской губернии [25]. В обозрении отмечены наиболее активно использовавшиеся для перевозки товаров пристани: в городах Вологде, Лальске, Никольске, Устюге, сёлах Ношуле, Подосиновце, Устье и др. [26]. Большое значение для транзитной торговли имела Северная Двина: «торговая речная деятельность целой губернии сосредоточивается на р. Северной Двине». Из Архангельска в Вологодскую губернию таким путём доставлялась преимущественно морская рыба (сушёная и сырая), а также «колонияльные товары» [27]. Из Вологодской губернии в Архангельск шёл скипидар, песок, железо, лён, рожь, ячмень, дичь, беличьи шкуры [28].

В Архангельской губернии сочетание больших поросших лесом площадей и малой плотности населения не способствовало развитию сети путей сообщения. В связи с этим в обозрении Архангельской губернии сведений о торговых путях практически не представлено: «число постоянныхъ сухопутныхъ сообщений въ Архангельской губ. весьма невелико и ограничивается дорогами между губернскимъ и уездными городами» [29]. В пункте «Пути сообщения» подраздела «Местность отмечено, что «во всей губернии находится всего только 6 дорогъ», в том числе «две торговые дороги: одна, отделяющаяся отъ Московскаго тракта и идущая вдоль по р. Двине въ Великий Устюгъ, и другая – отъ г. Онеги вверхъ по р. Онеге, на соединение съ Петербургскимъ трактомъ» [30].

Непропорциональность объёмов представленной в обозрении двух губерний информации о торговых путях вполне логична: численность населения Архангельской губернии, по площади вдвое превосходящей Вологодскую, была в 5 раз меньше, чем в Вологодской губернии. Этим также объясняется и разное количество ярмарок: менее 10 в Архангельской и чуть более 90 в Вологодской губернии.

В обозрениях Архангельской и Вологодской губерний есть сведения о количестве купцов во всех их городах [31]. Например, «въ г. Кадниковъ объявлено купечествомъ только 15 капиталовъ и все они 3 гильдии»; «въ г. Устьсысольске, въ 1848 году, объявлено было купеческихъ капиталовъ 2 гильдии два и 3 – шесть»; «в Мезени 3-й гильдии 1» и др. [32]. Представлены материалы о купеческом сословии в целом, о роли купече-

ства в тех или иных населённых пунктах Архангельской и Вологодской губерний. Так, по Архангельской губернии отмечено, что «иностранное купечество имеет предъ здешнимъ большое преимущество въ капиталахъ», в связи с чем «торговля производится, более на иностранныхъ корабляхъ» [33]. О г. Никольске Вологодской губернии сказано, что хотя здесь и «записаны некоторые богатые купцы, ведущие беломорскую торговлю», однако они «никогда не живутъ въ немъ, и городъ представляетъ виде чрезвычайной бедности» [34]. Есть интересные сведения о купеческом быте: «В Устюге купцы составляютъ, такъ сказать, городскую аристократию; некоторые изъ нихъ имеютъ подъ своею фирмою конторы въ Англии, и необходимость, для успеха торговыхъ оборотовъ, следить за всемъ темъ, что делается за границей, породила въ нихъ склонность къ чтению, къ образованию себя на заграничный ладъ и, наконецъ, къ перемене русскаго образа жизни на инстранный» [35]. Присутствуют материалы о купцах из других губерний. Например, об их участии в местных ярмарках: на Алексеевскую ярмарку в Верховажском посаде Вельского уезда Вологодской губернии «приезжаютъ купцы изъ Костромской, Ярославской и Вологодской губернии»; о роли купцов в развитии путей сообщения внутри губернии: «отъ с. Верходворскаго, Вятской губернии, проведена въ недавнее время зимняя дорога на Быковскую пристань, находящуюся на р. Лузе, иждивениемъ Орловскихъ купцовъ, для гужевоы доставки товаровъ на пристань» и др. [36].

В целом, несмотря на фрагментарность и разрозненность сведений, данные материалы дают общее представление о состоянии купеческого сословия Архангельской и Вологодской губерний середины XIX века.

В обозрениях Архангельской и Вологодской губерний есть информация по ярмарочным товарам – как статистического, так и описательно-го характера. Приводятся данные по объёму товарооборота. Так, в обозрении Архангельской губернии отмечено, что на Маргаритинскую ярмарку в Архангельске в 1844 г. было привезено товаров на сумму 310 000 руб., продано на сумму 285 000 руб.; те же цифры обнаруживаем в Отчёте о состоянии губернии за 1844 г. [37]. По данным обозрения Вологодской губернии, на Январскую ярмарку в Вологде в 1848 г. привезено товаров на сумму 280 435 руб., продано на сумму 94 310 руб.; аналогичные данные находим в публикации Вологодских губернских ведомостей [38].

В обозрениях Архангельской и Вологодской губерний есть сведения об основных направлениях товарообмена между ними. Так, на Афанасьевскую ярмарку в г. Вельск Вологодской губернии «товаръ привозится закупленный большею частию въ Москвѣ и Ярославлѣ Верховажскими купцами. Отпускъ товаровъ изъ города заключается въ скипидаре и песке,

которые отправляются в С. Петербургъ, Москву и Архангельскъ» [39]. О ярмарках в Тотме сказано, что отпуска товаров «никакого и ни въ какихъ места не производится, а получаютъ различнаго рода товары и припасы съ Нижегородской и Ростовской ярмарокъ, а также изъ городовъ Вологды, Архангельска и Ярославля на сумму примерно до 98,000 руб. сер.» [40].

В тексте обозрений представлен перечень товаров, привозимых на наиболее значимые ярмарки губернии. При этом весьма подробно расписаны статьи торгова архангельских ярмарок: называются не только виды товаров, но и их разнообразные подвиды. Например, среди товаров, привезённых на Благовещенскую ярмарку в г. Пинегу, в числе «шерстяных товаров» названы «сукна, байки, крашенины, овчины, замша, холсты, конная сбруя, кушаки, перчатки, рукавины, шапки, чулки» [41].

В обозрениях Архангельской и Вологодской губерний можно найти интересные детали, касающиеся бытовой стороны ярмарок. Есть материалы о том, какие помещения использовались во время ярмарок. В Вологде ярмарка проходила в «обширномъ тепломъ, каменномъ доме, принадлежащемъ градскому обществу» [42]. В Великом Устюге был целый гостинный двор «въ виде неправильнаго четырёхугольника, котораго наибольшій бокъ имеетъ 72 саж., въ немъ лавокъ 152, кладовыхъ и подваловъ 20» [43]. В с. Благовещенском Шенкурского уезда Архангельской губернии для Евдокиевской ярмарки, самой крупной в губернии, «построен был гостинный двор в 7175 (1667) году» [44]. Но, как правило, это были деревянные лавки (небольшие магазины); встречались также каменные лавки, «подвижные» лавки, «прикрытые прилавки» [45].

В обозрении Вологодской губернии отмечено высокое социально-культурное значение местных ярмарок как для городского, так и для сельского населения. «Вологда служить средоточиємъ общественной жизни, не только для окрестныхъ помещиковъ, но также и для соседнихъ Череповскаго и Пошехонскаго уездовъ, которые только въ административномъ отношеніи, связаны съ своими губернскими городами. Съездъ въ Вологду бываетъ весьма значителенъ въ зимнее время, особенно во время тамошней ярмарки, бывающей въ январѣ мѣсяцѣ. Это есть эпоха городскихъ увеселеній, баловъ въ благородномъ собраніи и у частныхъ лицъ» [46]. «Все сельскія и почти все городскія ярмарки имеютъ основаніемъ своимъ церковныя празднества, на которыхъ сблизаются и знакомятся жители деревень, иногда значительно удаленныхъ другъ отъ друга, и неимеющихъ, за исключеніемъ этихъ торжественныхъ дней, никакихъ взаимныхъ сношеній» [47].

Таким образом, материалы Военно-статистического обозрения Российской империи по Архангельской и Вологодской губерниям в совокуп-

ности создают достаточно полную картину состояния торговли на Европейском Севере России в XIX в.; данные подтверждаются архивными материалами и другими источниками. Более того, многие из представленных в обзоре сведений носят уникальный характер и существенно дополняют имеющиеся представления.

* * *

1. *Хромов П.А.* Экономическое развитие России в XIX – начале XX вв. (1800–1917). – М., 1950. – С.85.

2. *Хромов П.А.* Указ. соч. – С.86; *Миронов Б.Н.* Внутренний рынок России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. – Л., 1981. – С.55.

3. *Миронов Б.Н.* Указ. соч. – С.55.

4. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.16: Кавказский край. Ч.5: Кутаисское генерал-губернаторство. – СПб., 1858. – С.26.

5. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.2: Северо-Восточные губернии. Ч.1: Архангельская губерния. – СПб., 1853; Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.2: Северо-Восточные губернии. Ч.3: Вологодская губерния. – СПб., 1850.

6. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.2: Северо-Восточные губернии. Ч.1: Архангельская губерния... – С.231–232.

7. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф.1263. Оп.1. Д.2332. Л.1710.

8. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.2: Северо-Восточные губернии. Ч.1: Архангельская губерния... – С.234; Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО). Ф.4. Оп.23. Т.1. Д.410.

9. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.2: Северо-Восточные губернии. Ч.1: Архангельская губерния... – С.237.

10. РГИА. Ф.1263. Оп.1. Д.2332; Д.2252; Д.2406.

11. РГИА. Ф.1263. Оп.1. Д.2332; Д.2252; Д.2406; Д.3025.

12. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.2: Северо-Восточные губернии. Ч.3: Вологодская губерния... – С.229.

13. Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Ф.18. Оп.1. Д.784; Д.960; Ф.14. Оп.1. Т.1. Д.1051.

14. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.2: Северо-Восточные губернии. Ч.3: Вологодская губерния... – С.346.

15. РГИА. Ф.1263. Оп.1. Д.2406. С.425–430.
16. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.2: Северо-Восточные губернии. Ч.1: Архангельская губерния... – С.232, 242–246.
17. *Миронов Б.Н.* Указ. соч. – С.1.
18. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.2: Северо-Восточные губернии. Ч.3: Вологодская губерния... – С.201–215.
19. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.2: Северо-Восточные губернии. Ч.3: Вологодская губерния... – С.204–205.
20. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.2: Северо-Восточные губернии. Ч.3: Вологодская губерния... – С.191.
21. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.2: Северо-Восточные губернии. Ч.3: Вологодская губерния... – С.198.
22. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.2: Северо-Восточные губернии. Ч.3: Вологодская губерния... – С.20.
23. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.2: Северо-Восточные губернии. Ч.3: Вологодская губерния... – С.182.
24. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.2: Северо-Восточные губернии. Ч.3: Вологодская губерния... – С.215.
25. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.2: Северо-Восточные губернии. Ч.3: Вологодская губерния... – С.3.
26. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.2: Северо-Восточные губернии. Ч.3: Вологодская губерния... – С.224–231.
27. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.2: Северо-Восточные губернии. Ч.3: Вологодская губерния... – С.234–235.
28. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.2: Северо-Восточные губернии. Ч.3: Вологодская губерния... – С.336–350.
29. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.2: Северо-Восточные губернии. Ч.1: Архангельская губерния... – С.78.
30. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.2: Северо-Восточные губернии. Ч.1: Архангельская губерния... – С.78.
31. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.2: Северо-Восточные губернии. Ч.1: Архангельская губерния... – С.231–232; Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.2: Северо-Восточные губернии. Ч.3: Вологодская губерния... – С.336–350.
32. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.2: Северо-Восточные губернии. Ч.1: Архангельская губерния... – С.231; Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.2: Северо-Восточные губернии. Ч.3: Вологодская губерния... – С.339, 349.

33. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.2: Северо-Восточные губернии. Ч.1: Архангельская губерния... – С.245.
34. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.2: Северо-Восточные губернии. Ч.3: Вологодская губерния... – С.378.
35. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.2: Северо-Восточные губернии. Ч.3: Вологодская губерния... – С.256.
36. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.2: Северо-Восточные губернии. Ч.3: Вологодская губерния... – С.219, 341.
37. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.2: Северо-Восточные губернии. Ч.1: Архангельская губерния... – С.234; ГАО. Ф.1. Оп.4. Т.1. Д.514.
38. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.2: Северо-Восточные губернии. Ч.3: Вологодская губерния... – С.337; Вологодские губернские ведомости. – 1852. – 27 февр. – № 9. – С.53.
39. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.2: Северо-Восточные губернии. Ч.3: Вологодская губерния... – С.341.
40. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.2: Северо-Восточные губернии. Ч.3: Вологодская губерния... – С.342.
41. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.2: Северо-Восточные губернии. Ч.1: Архангельская губерния... – С.237.
42. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.2: Северо-Восточные губернии. Ч.3: Вологодская губерния... – С.367.
43. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.2: Северо-Восточные губернии. Ч.3: Вологодская губерния... – С.376.
44. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.2: Северо-Восточные губернии. Ч.1: Архангельская губерния... – С.232.
45. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.2: Северо-Восточные губернии. Ч.1: Архангельская губерния... – С.265–272; Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.2: Северо-Восточные губернии. Ч.3: Вологодская губерния... – С.369–381.
46. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.2: Северо-Восточные губернии. Ч.3: Вологодская губерния... – С.253.
47. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.2: Северо-Восточные губернии. Ч.3: Вологодская губерния... – С.263.

М.В. Хайдуров,

канд. ист. наук,

ст. научный сотрудник

Института языка, литературы

и истории Коми НЦ УрО РАН

ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИЕ ЛЕТОПИСИ КОМИ КРАЯ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.: ОПЫТ АНАЛИЗА*

Обращение к церковно-приходскому летописанию конца XIX – начала XX в. не является новой темой отечественной историографии. Ещё в 1970-е гг. одним из первых её исследователей на общероссийском (общесоюзном) уровне стал С.О. Шмидт [1]. Сегодня она продолжает разрабатываться, выйдя на уровень уже не только статей, но и диссертационных исследований, в частности в работах С.И. Добрянского [2]. Активно идёт научная разработка и северорусского церковно-приходского летописания, например, в трудах Ю.С. Васильева, Г.Н. Чебыкиной, Р.П. Биланчука и др. [3]. Не стал исключением и Коми край, летописи которого становились объектом изучения Т.А. Малковой и автора настоящей публикации [4], а также А.Г. Малыхиной.

Параллельно с вводом в научный оборот новых церковно-приходских летописей, их публикацией закономерно возникает вопрос о возможностях летописей как исторического источника, ведётся и поиск методов и способов извлечения из них информации, помимо лежащих на поверхности и очевидных сведений (фактологический материал, различные описания и т.д.). Попытка подобного анализа предпринимается и в данной работе, целью которой является выявление целесообразности и возможностей использования метода тематического контент-анализа для изучения содержимого приходских летописей.

Напомним, что своим возникновением в качестве массового явления церковно-приходские летописи последней трети XIX в. обязаны инициативе оренбургского епископа Варлаама (Денисова), по почину которого в 1865 г. были заведены приходские летописи в его епархии. В 1866 г. идею владыки Варлаама поддержал Синод, обратившись к епархиальным архиереям с вопросом, не признают ли они «возможным и полезным»

© Хайдуров М.В., 2018

* Публикация подготовлена при поддержке проекта Программы научных исследований УрО РАН «Этнодемографические процессы у финно-угорских народов Европы в Средневековье и Новое время в контексте изменений климата».

перенять этот опыт в своих епархиях. В Вологодской епархии в том же 1866 г. заведение церковно-приходских летописей признали «не излишним», и в следующем году в «Вологодских епархиальных ведомостях» была опубликована статья епископа Варлаама с примерной программой летописи [5].

Комплекс выявленных церковно-приходских летописей Коми края, хранящихся в Национальном архиве Республики Коми, представлен 10 памятниками. Это летописи Аныбской Преображенской, Донской Вознесенской, Подчерской, Палаузской Богородской, Пезмогской Прокопьевской, Позтыкеросской Троицкой, Пожегской Спасской, Щугорской Стефановской, Ибской Вознесенской и Ижемской Преображенской церквей. Часть из них опубликована, остальные готовятся к публикации.

В качестве объекта анализа нами была взята летопись Палаузской Богородской церкви [6]. С одной стороны, это достаточно типичный образец такого рода сочинений, с другой – несёт в себе индивидуальные черты, обусловленные личностями авторов (яркие описания отдельных событий, пространная историческая справка об истории Палаузской церковно-приходской школы (далее – ЦПШ). Летопись была начата в 1869 г., последние отражённые в ней события относятся к 1918 г., завершается она записью о просмотре её благочинным 20 января 1919 года. Авторами летописи являлись несколько человек. Нет полной ясности, кто именно начал её ведение, вероятно, это был священник Константин Александров Попов, который завершает список священников, служивших на палаузском приходе с XVII в.: «в 1867 г. переведен к сей церкви, где и поныне священствует» (Л.8 об.–9). Если это так, то именно ему принадлежит авторство исторической части, т.е. описание первоначальной истории и общее описание прихода. Сложнее обстоит дело с начальными (до 1880-х гг.) записями повременной части – они носят не погодный характер, а подытоживают деятельность отдельных священников, служивших начиная с Константина Попова, переведённого в 1876 г. на другой приход, и до назначения настоятелем в мае 1883 г. Александра Ключкова, а также (ещё в октябре 1882 г.) псаломщика Александра Попова. Именно эти 2 человека и являются авторами большей части повременных (за единственным исключением ежегодных) записей палаузской летописи. О том, что авторами являлись они оба, говорит чередование почерков и прямые подписи. Так, запись за 1910 г. прямо подписана Александром Поповым, рукоположенным к тому времени во диаконы с занятием псаломщической штатной должности (Л.53 об.). С 1914 г., в связи с назначением нового священника, и до окончания ведения летописи её автором становится священник Стефан Попов.

При анализе содержимого летописи был использован метод тематического контент-анализа, предполагающий формализацию нарратива. Летопись была разбита на смысловые блоки в соответствии с рекомендацией в «Вологодских епархиальных ведомостях» [7] программой с определением объёма текста каждого из блоков, т.е. нарративный текст был переведён в количественные характеристики. В качестве информационной единицы и единицы счёта использовалось слово, включая предлоги, частицы и союзы. Разбивка проводилась как по тематике, так и по годам (применительно к повременной части).

Итак, в примерной программе летописей, опубликованной в «Вологодских епархиальных ведомостях», авторам рекомендовалось, во-первых, выделить уже упомянутые историческую и повременную части. В исторической части вместе с описанием прихода «сначала, в виде общего введения, должно кратко изложить историю храма и прихода» с указанием, какой имеется храм (деревянный или каменный), когда и кем построен, какие были переделки, что примечательного имеется в храме, какие в приходе существуют особенные крестные ходы и молебны, помимо общепринятых, какие имеются приписные церкви и часовни, что из недвижимого имущества имеется у церкви, где находятся кладбища, сколько при храме прежде и во время описания имелось причта, каковы способы его содержания, имеется ли при церкви училище. «Засим уместно коснуться истории прихода и прихожан», дать описание их национального и социального состава, указать наличие раскольников, мусульман и язычников, какие в приходе имеются общественные, учебные заведения, предприятия. После этого предлагалось переходить к повременной части и «излагать самую летопись по годам, месяцам и числам, ... в которую вносить сведения»:

1) о церкви или храме: освящение нового престола, смена антиминса, пристройки и переделки (с указанием стоимости), значительный ремонт; украшение живописью и покраска, сооружение нового или значительное поновление старого иконостаса; приобретение вкладом или покупкой ценных церковных вещей; несчастные случаи в церкви (похищения, пожары, повреждения от грозы и т.п.); посещения архиереем (и архиерейские службы) и другими важными лицами духовными и светскими;

2) о священноцерковнослужителях: имена причта, церковного старосты, перемены в составе причта;

3) о приходе и прихожанах: степень усердия к богослужению, посту, исповеди и причастию, беседам и поучениям, молебнам и другим делам благочестия; обращение из раскола и уклонения в раскол, обращение из иудаизма, ислама и язычества; расположение к христианской взаимопо-

мощи; открытие общественных благотворительных учреждений, умственное и нравственное развитие прихожан; отношение к грамотности; суеверия и предрассудки против веры и церкви, склонность к порокам (например, пьянству) и нравственность; занятия и промыслы, достаток и скудость;

4) необычные явления и события в приходе: необычные роды, смерть и долголетие; чрезвычайные природные явления (затмения, кометы, северное сияние, бури и грозы с последствиями, градобитие, пожары, бездождие и засухи, безведрие, долгие и сильные дожди, неурожай и обильные урожаи, снега, разливы и т.п.); повальные болезни и моровые язвы, падежи скота, появление хищников и диких зверей; общественные смуты в народе, замешательства и тревоги; «знамения особенного промысла Божия о людях и небесного покровительства» и т.п.;

5) в конце каждого года – общие выводы: из метрик, исповедных ведомостей и церковных сумм.

Добавим, что излагать всё это рекомендовалось простым языком, при этом «пишущий не должен присовокуплять к тому собственных размышлений и чувствований по поводу излагаемого им». К счастью для историков, последнего требования авторы придерживались не всегда. Обязанность ведения летописей возлагалась на всех членов причта, но главным руководителем в этом деле становился священник.

В соответствии с этой примерной программой в церковно-приходской летописи Балаузской Богородской церкви были выделены главные блоки: историческая часть с описанием прихода и повременная часть. Особенность данной летописи состоит в том, что фактически в ней есть и третья часть, помещённая в повременную, – это значительная по объёму (превышающему объём исторической части) история Палаузской ЦПШ, составленная в 1909 г. в связи с празднованием её 25-летия. Общая структура летописи Палаузской Богородской церкви показана на первой диаграмме (см. *рис. 1*). Цифры передают количество слов в соответствующем блоке, проценты – долю в общем тексте летописи. Следует оговориться, что здесь не учитываются таблицы, помещённые в летописи за 1897 г. и включающие в себя сведения за 1883–1897 гг. о движении населения, движении церковных сумм и о грамотности населения, т.к. по форме и сути они не могут быть сопоставлены с остальным формализуемым текстом.

Историческая часть, занимающая 16% текста, была составлена на основе как местных преданий и воспоминаний прихожан, так и документов из местного церковного архива, при этом автор здесь выступил как скрупулёзный исследователь. Например, определяя время появления церкви в Палаузе, «судя по рукописям найденным в архиве церковном, и относящимся к 1672 году с вероятностью можно отнести начало ее между

Рис. 1. Структура летописи Палаузской Богородской церкви

1660 и 1670 годами; ибо в рукописях к тому времени относящихся о Палаузском приходе встречается следующая оговорка: “что прежде была деревня”, что указывает на недавнее еще существование церкви» (Л.3 об.). В целом в описании прихода автор летописи придерживался предложенной в «Вологодских епархиальных ведомостях» схемы. Общая информация по объёму смысловых блоков (в количестве слов) этой части летописи представлена на рис. 2.

В повременной части выделяемые нами тематические блоки в целом соответствовали примерной программе, но с некоторыми коррективами, продиктованными как целесообразностью, так и особенностями анализируемого текста. Были выделены следующие темы:

1. Церковь (храм):

- а) освящение, постройка, пристройка, перedelка и ремонт;
- б) роспись, окраска, иконостас;
- в) вклады, покупки, пожертвования на церковные нужды и забота о причте;
- г) несчастные случаи, хищения, пожары, повреждения от гроз;
- д) посещения важных лиц, архиерейские службы.

2. Священноцерковнослужители: имена причта и старост, перемены в составе.

3. Приход и прихожане:

- а) благочестие;
- б) смена конфессии, раскол;
- в) взаимопомощь в приходе, благотворительные организации, пожертвования;

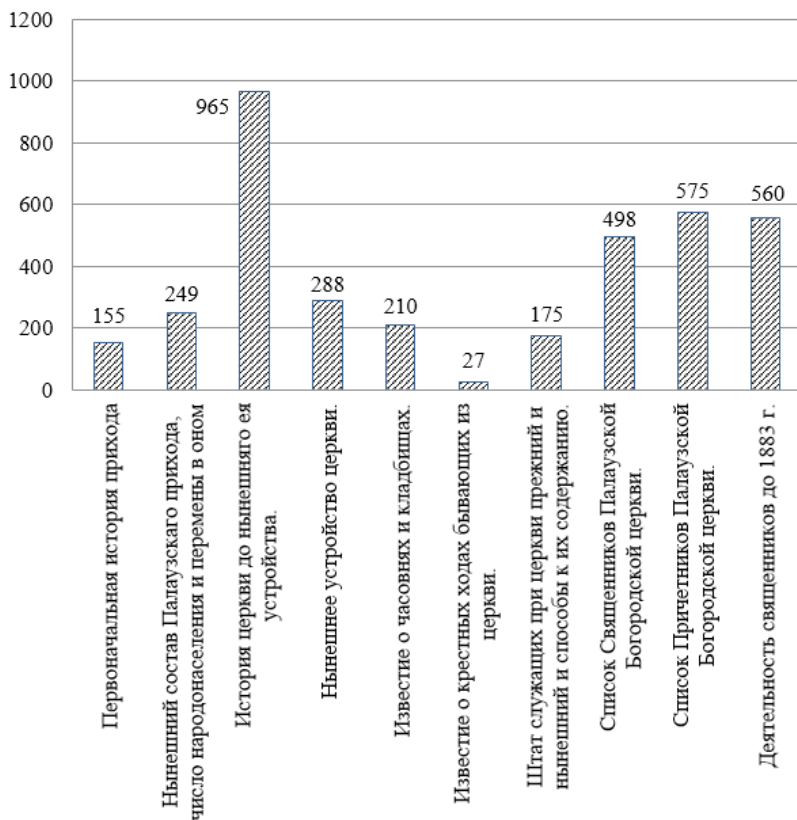

Рис. 2. Структура исторической части

г) интеллектуальное и нравственное развитие, грамотность и образование;

д) суеверия, предрассудки, нравы;

е) хозяйственная деятельность, благосостояние.

4. Необычные явления и события в приходе:

а) необычные роды, смерть, долголетие;

б) чрезвычайные природные явления и погода, связанные с ними молебны;

в) эпидемии и эпизоотии, связанные с ними молебны;

г) «общественные смуты», замешательства и тревоги, общероссийские события и их отражение в приходской жизни;

д) «знамения промысла Божия о людях».

5. Погодные выводы из метрик, исповедных и приходо-расходных книг (без учёта сводных таблиц, как было оговорено выше).

В нижеследующих сведениях, представленных на диаграммах, мы используем лишь совокупные данные по темам, без дробной разбивки по пунктам, что продиктовано ограниченностью объёма настоящей публикации. Фактически нами приводится анализ «в первом приближении», хотя даже он позволяет сделать некоторые выводы. Необходимо отметить, что вопросы урожайности нами учитывались в пункте о хозяйственной деятельности, а не о погоде, что, во-первых, представляется более логичным, во-вторых, вызвано сложностью разделения этих тем, слишком плотно переплетающихся в самом тексте. В связи со второй причиной и сведения о молебнах по поводу погодных явлений и эпидемий нами учитывались не в пункте о благочестии, а в разделах, связанных, соответственно, с погодой и болезнями. Кроме того, сами эти молебны были достаточно неординарными событиями.

Общий объём текста летописи, посвящённый обозначенным тематическим блокам повременной части, представлен на *рис. 3*. Очевидно, что наибольшее внимание уделялось таким темам, как события и погода, а также приход и прихожане. Вопросы церковного благоустройства освещались в меньшей степени (в основном в связи с обновлениями иконостаса).

Наконец, на *рис. 4* представлены сведения об объёме текста летописи с разбивкой не только по темам, но и по годам. Отметим, что с начала ведения погодных записей в 1883 г. авторы чётко не придерживались

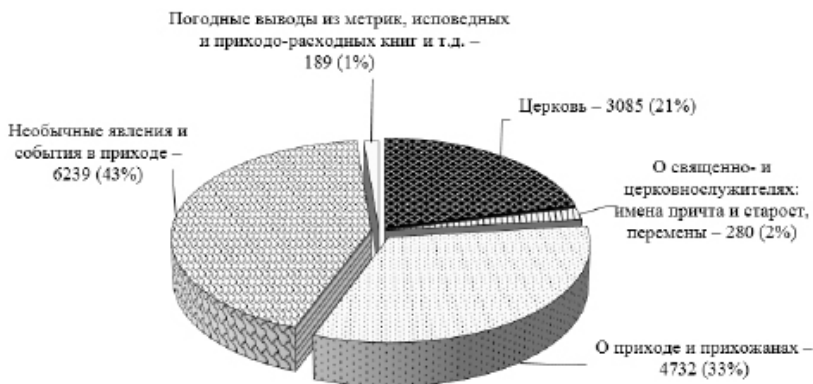

Рис. 3. Распределение сведений повременной части по темам

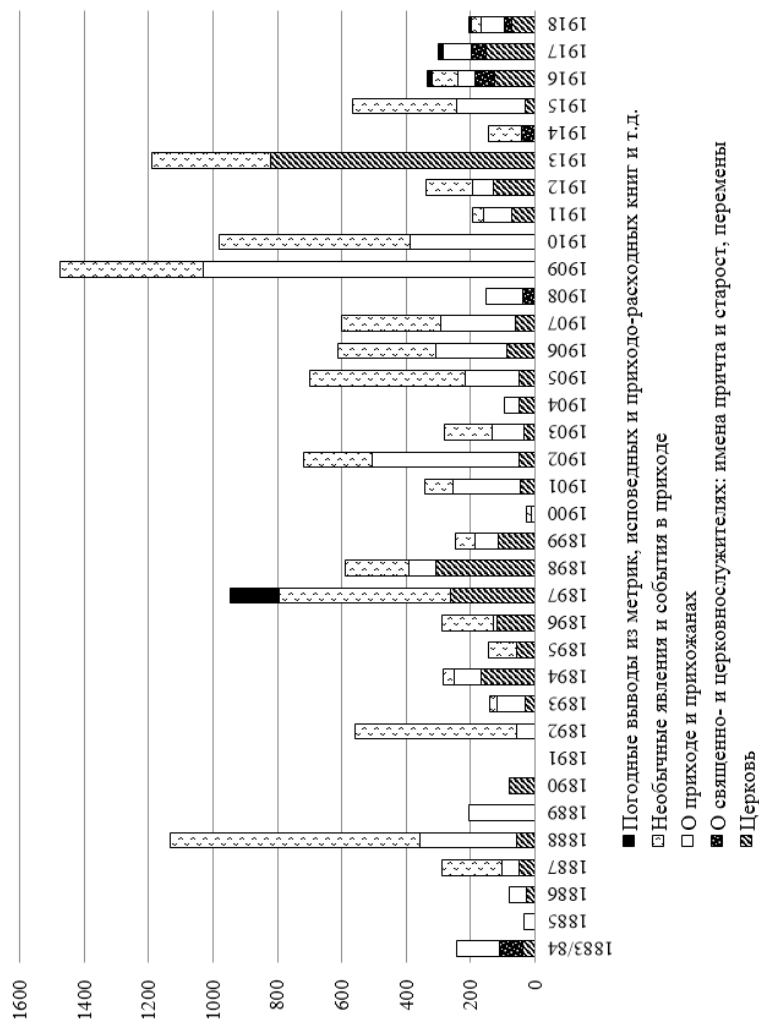

Рис. 4. Сведения повременной части по темам и годам

предлагаемой программы. По этому поводу в 1893 г. при осмотре летописи благочинным Михаилом Поповым было сделано замечание (вернее, предложение), после чего структура сведений стала ближе к примерной программе. Обязательными (хотя часто незначительными по объёму) блоками на протяжении практически всего времени ведения записей были погода и хозяйственная деятельность, т.е. вопросы самые животрепещущие, связанные с выживанием в буквальном смысле.

Особое внимание авторами летописи уделялось вопросам грамотности и народного образования. Тема эта не была такой постоянной, как предыдущие, и не упоминалась ежегодно, но, без сомнения, была крайне важна для авторов, о чём говорит объём, отведённый ей, даже без учёта исторической справки об истории Палаузской ЦПШ.

Большие «всплески» по отдельным данным на диаграмме – это описания различных событий, в которых ярче всего проявлялись авторский стиль и отношение к описываемому. Это, например, пропажа и благополучные поиски юноши на охоте (1888 г.), пожар в приходе (1892 г.), участие в переписи населения 1897 г., война с Японией и связанный с ней призыв военнообязанных (1905 г.), празднование 25-летия местной церковно-приходской школы и дня памяти святых Кирилла и Мефодия (1909 г.), работы по церковному иконостасу (1913 г.) и др.

В освещении этих событий, в особенности общероссийских, и реакции на них отражается личность автора, его взгляды, временами проявляющиеся достаточно чётко (несмотря на рекомендацию «не присовокуплять собственных размышлений и чувствований»). Примеры того – в описании войны с Японией, роспуска Государственной думы, событий времён Первой мировой войны. Заметим, что здесь уместно и целесообразно привлечение не только тематического, но и модального контент-анализа, позволяющего выявить отношение духовенства к происходившим событиям на основе особенностей их описания на страницах летописи.

Историческое описание Палаузской ЦПШ представляет отдельный интерес. Здесь автором использовались как собственные наблюдения, размышления и воспоминания, так и иные источники – в частности, записи инспекторов в ревизионной книге, свидетельствующие о состоянии учебного дела в школе, организации образовательного процесса и отношения к своему делу учителей.

В заключение отметим, что использование метода тематического контент-анализа применительно к приходскому летописанию, особенно в совокупности с модальным, в значительной степени повышает ценность церковно-приходских летописей в качестве исторического источника.

* * *

1. *Шмидт С.О.* Церковноприходские летописи как источник по изучению русской деревни // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1971. – Вильнюс, 1974. – С.397–404; *Шмидт С.О.* Сельские церковно-приходские летописи как историко-краеведческий материал // *Шмидт С.О.* Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. – М., 1997. – С.136–153.

2. *Добренский С.И.* Церковно-приходские летописи второй половины XIX – начала XX века как источник по истории северной деревни // Русская культура на рубеже веков: Русское поселение как социокультурный феномен. – Вологда, 2002. – С.121–122; *Добренский С.И.* Церковно-приходские летописи как исторический источник (середина XIX – начало XX в.): дис. ... канд. ист. наук. – М., 2006.

3. *Чебыкина Г.Н.* Церковно-приходское летописание в Устюжском крае во второй половине XIX – начале XX века // Религия и церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера (к 450-летию преподобного Трифона, Вятского чудотворца): материалы Международной науч. конф. – Киров, 1996. – Т.1. – С.456–459; *Биланчук Р.П., Истомин А.А.* Церковно-приходская летопись Дмитриевской Николаевской церкви Вельского уезда Вологодской губернии 1868–1913 годов как источник по истории и культуре верхней Устьи // Заволочье. Устьянская земля: Исследования и материалы. Статьи и сообщения VII–IX межрегиональных историко-краеведческих чтений, посвящённых памяти М.И. Романова. – Октябрьский, 2014. – С.362–472 и др.

4. *Малкова Т.А.* Летопись и делопроизводство церкви как источник по истории села Пезмог // Вестник культуры Коми АССР. – 1992. – № 1; Летопись Пезмогской Прокопьевской церкви Усть-Сысольского уезда Вологодской Епархии за 1856–1915 гг. // Известия Общества изучения Коми края. – 2006. – № 3 (9); Летопись Подчерской церкви Устьсысольского уезда Вологодской епархии 1901–1918 годов // Известия Общества изучения Коми края. – 2006. – № 2 (8); Летопись Щугорской Стефановской церкви Устьсысольского уезда Вологодской епархии 1858–1917 гг. // Известия Общества изучения Коми края. – 2006. – № 1 (7); *Хайдуров М.В.* Церковное летописание о религиозной жизни в Коми крае XIX – начала XX вв. // Социокультурная динамика российской северной провинции: история и современность (на материалах Республики Коми): сб. статей. – Сыктывкар, 2016. – С.26–36; *Хайдуров М.В.* Приходское духовенство

о нравственном состоянии населения Коми края в начале XX в. (по материалам церковных летописей) // Архивы Республики Коми: из прошлого в будущее: материалы науч.-практ. конф. – Сыктывкар, 2012. – С.179–183.

5. Вологодские епархиальные ведомости. – 1867. – № 2. – Прибавления. – С.60–66.

6. ГУ РК «Национальный архив Республики Коми». Ф.230. Оп.1. Д.196.

7. Вологодские епархиальные ведомости...

С.А. Попов,

канд. ист. наук,

ст. научный сотрудник

Института языка, литературы

и истории Коми НЦ УрО РАН

АКТЫ РЕВИЗИЙ ВОЛОСТНЫХ ПРАВЛЕНИЙ УСТЬ-СЫСОЛЬСКОГО УЕЗДА НАЧАЛА XX ВЕКА: АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ*

Во второй половине XIX – начале XX в. высшей административной единицей в деревне являлась волость, которая могла как состоять из одного сельского общества, так и объединять несколько смежных обществ. Она имела волостное управление, представленное сходом, правлением и судом. На территории Коми края в разные периоды времени их деятельность последовательно контролировалась уездными органами власти в лице мировых посредников (1861–1882), чиновников по крестьянским делам (1882–1899) и земских начальников (1899–1917) [1]. При этом относительно своих предшественников последние имели наибольшие административно-судебные полномочия по надзору за крестьянскими учреждениями.

Одновременно с исполнением обязанностей, ранее возлагавшихся на мировых посредников, земским начальникам предписывалось производство ревизий органов крестьянского общественного управления «как по непосредственному... усмотрению, так и по поручениям Губернатора и Губернского Присутствия» [2]. Заметим, что в Высочайше утверждённом «Положении о земских участковых начальниках» от 12.07.1889 не регламентировалась периодичность проведения проверок волостных и сельских управлений и волостных судов. Следовательно, решение этого вопроса отдавалось на усмотрение губернских органов власти, а значит, в каждой административно-территориальной единице империи существовала своя периодичность.

В Вологодской губернии циркулярами губернского присутствия (от 29.02.1908, 28.08.1910 и 23.11.1911) устанавливалось: ревизии волостных правлений и судов производить не менее 2 раз в год, а сельских управ-

© Попов С.А., 2018

* Публикация подготовлена при поддержке проекта Программы научных исследований УрО РАН «Этнодемографические процессы у финно-угорских народов Европы в Средневековье и Новое время в контексте изменений климата».

лений – не менее раза в год [3]. По результатам проверки земский начальник обязан был составить акт и в двухнедельный срок направить его копию в присутствие. Несмотря на данное предписание, на практике, как правило, ревизии проводились единожды. Например, по Усть-Сысольскому уезду они осуществлялись в основном в конце года (ноябрь – декабрь), а по седьмому участку Кадниковского уезда – волостных правлений в первой половине года, сельских управлений – во второй половине года [4]. Возможно, именно поэтому 28 мая 1912 г. появился циркуляр губернатора за № 14, которым изменялась периодичность инспектирования волостных правлений и судов. Теперь земский начальник подведомственные ему волостные правления обязан был осматривать не менее раза в год, а волостные суды – не менее 2 раз в год с тем, чтобы одновременно обревизовано было не менее 1 сельского общества в каждой волости. В то же время копии актов предписывалось представлять в губернское присутствие не позднее 15 января, следующего за отчётным годом [5].

В Национальном архиве Республики Коми в фондах 26, 28, 29, 30 сохранились акты ревизий большинства волостных правлений, а также отдельных сельских управлений по первому, третьему, четвёртому и пятому земским участкам Усть-Сысольского уезда соответственно [6]. В процессе анализа этих фондов было выявлено 57 документов, характеризующих результаты проверок волостей, и 24 документа, посвящённые итогам инспектирования сельских обществ. Они датируются 1909–1910, 1911–1913 и 1916 годами. Данная работа посвящена рассмотрению структуры актов ревизий волостных правлений с тем, чтобы выявить аспекты, которые позволяет исследовать этот источник касаясь формирования и деятельности высшей административной единицы управления в деревне.

Являясь делопроизводственной документацией министерского периода, материалы обладают чёткой структурой изложения. Обусловлено это разработкой Министерством внутренних дел примерной программы проведения ревизии, которая была разослана по местам. В частности, в некоторых документах содержатся сведения о поступлении к земским начальникам уезда циркуляра МВД от 20.03.1912 за № 18 с этой программой [7]. К сожалению, в нашем распоряжении нет данного документа, и не представляется возможным провести его сравнение с информацией, содержащейся в актах. Однако по зафиксированным в источнике сведениям можно судить о том, что губернская администрация стремилась в процессе инспектирования охватить весь комплекс вопросов из области формирования и функционирования волостного правления.

Материалы актов ревизий условно можно разделить на 2 блока: сюжеты, связанные с вопросами формирования и комплектования волостно-

го правления, и вопросы, касающиеся его деятельности. Каждый из разделов включает в себя ряд аспектов. При этом второму блоку посвящено 2/3 объёма источника, что естественно, т.к. главной целью ревизий являлся в первую очередь контроль над деятельностью волостных правлений. Исключение составили документы за 1913 г. по третьему и пятому земским участкам и за 1916 г. по четвёртому участку [8]. В них отсутствуют сведения по организационным вопросам, а внимание уездных чиновников полностью сконцентрировано на проверке делопроизводственной документации. В ряде документов содержится информация о результатах инспектирования функционирования волостных судов. В частности, составитель акта представил характеристику «Настольного реестра уголовных и гражданских дел», «Книгу для записи словесных жалоб для передачи на волостной суд» и «Книгу по исполнению решений волостного суда».

Итак, первую часть документа составляли характеристики помещения, в котором располагалось правление, и состава должностных лиц. Ревизионным лицом обследовалось состояние здания, его планировка, внешний и внутренний облик. Следует заметить, что некоторые земские начальники представляли довольно подробное описание занимаемых волостной администрацией площадей. В частности, они отмечали факты, которые не имели непосредственного отношения к функционированию правления. Например, по результатам осмотра помещения Вильгортского волостного правления в ноябре 1911 г. В.Н. Городецкий зафиксировал в документе его габариты – «длина и ширина 6 сажень, высота комнаты 3 $\frac{3}{4}$ аршина», а описывая имеющиеся в «присутственной комнате» вещи, указал на наличие «на присутственном столе» зеркала [9]. Ценность этой информации состоит в том, что исследователь имеет возможность рассмотреть бытовые условия, в которых трудились крестьяне конкретной волости.

Проверка штатного состава правления заключалась в анализе личных и профессиональных качеств должностного лица, указании его возраста, сословной принадлежности, размера получаемого жалования, описании продвижения по службе. Однако необходимо подчеркнуть, что ею были охвачены не все представители волостной администрации. Как правило, уездный чиновник обращал внимание на должность старшины, писаря и – при наличии – их помощников. Только в нескольких документах содержится информация о сельских старостах и писарях, смотрителях хлебозапасных магазинов и сборщиках податей [10]. При этом она менее информативна и сводится к указанию их возраста, сословной принадлежности, срока службы и размера жалования.

Как отмечалось выше, значительный объём информации в источнике – фиксация результатов проверки волостных правлений по основной

деятельности. При этом здесь представлены не столько итоги инспектирования исполнения местной администрацией своих непосредственных обязанностей, сколько анализ правильного с точки зрения закона ведения книг (нарядов) и своевременного их заполнения. Обращает на себя внимание тот факт, что акты изобилуют информацией, имеющейся в этих книгах. Это, на наш взгляд, является преимуществом документа, т.к. позволяет специалисту получить общее представление о том или ином наряде и фиксировавшейся в нём информации.

В процессе работы с актами нами был выделен ряд направлений функционирования волостной власти, по которым земским начальником ежегодно проводилась ревизия. Рассмотрим каждое из них. Одним из основных векторов деятельности крестьянских органов управления являлось обеспечение своевременного поступления в казну причитающихся с местных жителей сборов в полном объёме. Поэтому в процессе проверки уездный чиновник обращал особое внимание на финансовое состояние деревни. В акте ревизии отражены итоги инспектирования делопроизводства в сфере денежных отношений. В частности, «Денежные книги»: запасного мирского капитала, мирских волостных сумм, переходящих сумм, в редких исключениях – библиотечных сумм. В каждой из них фиксировался приход и расход средств по данным статьям расходов, а также остаток по ним на конец года. Параллельно просматривались материалы по учёту финансово подотчётных должностных лиц правления – старшины и сборщика податей. В процессе их проверки земского начальника интересовали правильность и законность оформления учётных приговоров крестьянских сходов, полнота и достоверность внесённой в книги информации, наличие подтверждающих расписок и финансовых документов. Одновременно инспектировалась податная часть, а именно поселенная окладная книга. В ней осматривались сведения о поступлении казённых, земских и мирских сборов по волости согласно утверждённым срокам.

Следующий блок сведений, содержащихся в акте, связан с деятельностью крестьянских сходов, правления и старшины. Здесь представлены следующие книги: приговоров сходов, постановлений волостного правления, постановлений волостного старшины. В этих нарядах отражены данные о состоявшихся в волости собраниях домохозяев и принятых на них приговорах; количество решений, утверждённых по ст.107 и 104 Общего Положения о крестьянах правлением и старшиной соответственно. Проверяющее лицо обращало внимание на законность приговоров и постановлений. С целью выявления эффективности деятельности правления по исполнению поступивших к нему предписаний, циркуляров, прошений чиновником ревизировались журналы входящих и исходящих бумаг.

При выявлении их неисполнения им нередко выяснялись причины данного факта. Например, зафиксировав подобный случай в Слободском волостном правлении по итогам 1912 г., инспектор в своём отчёте указал: «Неисполненных бумаг встречено 2, по причинам, не зависящим от волостного правления» [11]. Аналогичное объяснение наличия «долгов» по производству документов содержится в акте ревизии Важкурского правления от 30 ноября 1913 г. [12].

Третья группа сюжетов, представленных в характеризуемом источнике, связана с социально-демографическими аспектами. Внимание проверяющего лица концентрировалось на инспектировании делопроизводства по вопросам миграции местного населения, состояния института опеки в волости, а также продовольственной части.

Относительно движения сельского населения как в пределах, так и за пределы волости, земский начальник изучал «Книгу паспортных бланков и книжек» и «Настольный паспортный реестр». Его интересовали статистические данные об имевшемся в правлении остатке паспортных документов на начало года проверки; количество материалов, поступивших на места в отчётный период, и численность различных видов на жительство, выданных в рассматриваемый календарный год. В акте представлены паспортные бланки и книжки, которые характеризуются по раздельности. Более того, эти виды на жительство различались по цвету – могли быть, белыми, розовыми, синими и жёлтыми.

Как и в случае с финансовой документацией, деятельность уездного чиновника сводилась к сравнению показателей, зафиксированных в указанных «Книге...» и реестре, с фактическим наличием в волостном правлении паспортных бланков и книжек. В итоге этот раздел акта ревизии насыщен цифровыми данными. Их анализ требует от исследователя знакомства с паспортной системой Российской империи XIX–XX веков. Привлекая рассматриваемые материалы в качестве источника изучения миграционных процессов в северной деревне, специалисту необходимо иметь представление, во-первых, о паспортных бланках и книжках, во-вторых, их градации по цветам и, соответственно, о назначении как первого, так и второго.

Анализируя раздел акта, посвящённый итогам инспектирования 2 книг – «по учреждению опеки» и «об имуществе лиц опекаемых», можно говорить об институте опекунов в крестьянской общине Коми края как социальном явлении. В документе фиксировался незначительный объём информации, посвящённой существующим по волости опекам и закреплённому за опекаемым лицом движимому и недвижимому имуществу. Так, земским начальником указывались: дата её учреждения; инициалы,

возраст и местонахождение подопечных; опекуны; члены сельского общества, несущие ответственность за имущество и – при наличии – земельный надел подопечных. Что касается вопроса об имуществе, то в источнике не содержится конкретики в его описании, а указана лишь стоимость в денежном эквиваленте.

Отдельное внимание чиновник уделял эффективности исполнения лицами, которым поручалась опека, обязанностей, возлагавшихся на них сельским обществом. С этой целью им просматривались учётные приговоры сходов и «опекунские книжки». Результат этой деятельности фиксировался в акте посредством отметки о времени проведения учёта на собрании домохозяев и заключения последнего об отсутствии (или наличии) «злоупотреблений и растрат» со стороны проверявшихся крестьян.

В целом содержащиеся в документе сведения ограничивают возможности изучения института опекунства в сельском обществе. Несмотря на это, их ценность – в возможности получить общее представление об этом аспекте социальных отношений, а также выявить все опеки, существовавшие в определённый период времени в отдельно взятой волости. Упоминание в акте даты учреждения опеки и проведения учёта опекунов позволяет исследователям для последующего всестороннего анализа этой проблемы привлекать дополнительный источник – приговор крестьянского схода.

Относительно продовольственной части в акте ревизии отражены результаты проверки прихода-расходных книг по хлебозапасным магазинам, книг лицевого счетов и платёжных книжек домохозяев. Земский начальник осматривал внесённые в соответствующие документы записи о количестве выданного крестьянам в ссуду озимого и ярового хлеба, сопоставлял объёмы отпущенного и возвращённого зерна с его фактическим наличием в магазине. Отдельное внимание обращалось на его качество и время обновления [13]. В единичных случаях уездным начальником фиксировалось состояние здания, в котором хранилось зерно. Например, после ревизии Небдинского волостного правления 15 ноября 1911 г. было указано: «Здание Небдинского хлебозапасного магазина вполне исправное, построено по техническому плану» [14]. А по итогам осмотра магазинов Шешкинской волости было отмечено: «Здание Граддорского магазина представляет из себя простой крестьянский амбар с неправильно устроенными сусеками и настолько мал, что нет ни одного свободного сусека. Требуется безотлагательно построить новое здание магазина по плану, утверждённому губернским земством» [15].

В процессе ревизии волостных правлений земский начальник инспектировал противопожарное состояние деревни. Осматривая пожарные

сараи (которые, заметим, имелись в каждой волости), он сверял степень их комплектования соответствующим инструментом согласно предписанию нормативных актов. Обращает на себя внимание тот факт, что при правлениях содержались разнообразны́е виды таких инструментов, многие из которых насчитывали десятки штук. Так, в 1912 г. в Мординской волости имелось 5 сараев. В них находилось: «5 пожарных труб, 5 дрог, 5 одноколок, 9 саней, 74 багров, 69 ухватов, 26 топоров, 10 лестниц, 5 бочек и 10 верёвок» [16]. Дополнительно к содержанию общественных сараев правлению вменялось в обязанность составлять список противопожарных снарядов, которые каждый домохозяин должен иметь в личном подворье и являться с ним на пожар. Его наличие также осматривалось проверяющим.

Помимо проанализированных нами проблемных блоков в актах ревизии встречаются сведения и о других делопроизводственных документах, характеризующих повседневную деятельность волостного правления. Однако, в отличие от проанализированных книг, информация о них содержится не во всех материалах. Как правило, ревизия этих «Книг» со стороны земского начальника сводилась к проверке их наличия в правлении и правильности оформления. Укажем наиболее распространённые разделы, но заметим, что название их в источнике разнится: список домохозяев, имеющих голос на сходе; книга сделок и договоров; посемейный список, инвентарная книга волости; страховые списки; по мобилизации.

Общим итогом акта ревизии являлось постановление земского начальника, в котором излагались поручения крестьянским должностным лицам по устранению выявленных замечаний. Как правило, оно состояло из 3 основных блоков, в которых чиновник формулировал чёткие требования к исполнению персонально для старшины и писаря, правления и суда.

Таким образом, в актах ревизии волостных правлений отражена разнообразная информация об их деятельности. Формуляр документа имеет чёткую структуру, в которой выделяется ряд проблемных сюжетов. Стремление земского начальника охватить в процессе инспектирования все области функционирования высшей административной единицы управления в деревне отразилось на том, что в источнике содержится большой объём фактического материала. При этом представленные в нём аспекты разнятся по степени рассмотрения. В целом проанализированный источник позволяет как получить общее представление о функционировании волостных правлений в Коми крае начала XX в., так и изучить конкретное направление в деятельности отдельно взятой волости.

* * *

1. Чупров В.И. Крестьянская община и деятельность волостных судов Коми края во второй половине XIX – начале XX века // Февральские чтения: сб. материалов науч.-практ. конф. профессорско-преподавательского состава СЛИ по итогам научно-исследовательской работы в 2007 году. – Сыктывкар: СЛИ, 2008. – С.135.

2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. – СПб., 1891. – Т.9. – № 6196. – Ст.23.

3. Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Ф.82. Оп.1. Д.49; ГУ РК «Национальный архив Республики Коми» (далее – НА РК). Ф.26. Оп.1. Д.91. Л.177; Ф.28. Оп.1. Д.31. Л.28.

4. ГАВО. Ф.82. Оп.1. Д.49; НА РК. Ф.26. Оп.1. Д.121; Д.164; Д.190; Ф.28. Оп.1. Д.31; Д.80; Ф.29. Оп.1. Д.45; Ф.30. Оп.1. Д.23.

5. НА РК. Ф.30. Оп.1. Д.23. Л.3.

6. НА РК. Ф.26. Оп.1. Д.121; Д.164; Д.190; Ф.28. Оп.1. Д.31; Оп.1. Д.80; Ф.29. Оп.1. Д.45; Ф.30. Оп.1. Д.23.

7. НА РК. Ф.30. Оп.1. Д.23. Л.5, 17.

8. НА РК. Ф.28. Оп.1. Д.80; Ф.29. Оп.1. Д.45; Ф.30. Оп.1. Д.23.

9. НА РК. Ф.26. Оп.1. Д.121. Л.45.

10. НА РК. Ф.28. Оп.1. Д.31. Л.24, 30.

11. НА РК. Ф.26. Оп.1. Д.164. Л.4.

12. НА РК. Ф.26. Оп.1. Д.190. Л.9.

13. НА РК. Ф.26. Оп.1. Д.121. Л.34; Д.164. Л.5, 84 об.

14. НА РК. Ф.26. Оп.1. Д.121. Л.2 об.

15. НА РК. Ф.26. Оп.1. Д.121. Л.11 об.

16. НА РК. Ф.26. Оп.1. Д.164. Л.66.

УДК 94:314“19”

Д.В. Вишнякова,
*канд. ист. наук,
ст. научный сотрудник
Института языка,
литературы и истории
Коми НЦ УрО РАН*

ПОДВОРНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СЕЛЕНИЙ ПЕЧОРСКОГО УЕЗДА КАК ИСТОЧНИК ПО ДЕМОГРАФИЧЕСКИМ ПРОЦЕССАМ НАСЕЛЕНИЯ ПЕЧОРСКОГО КРАЯ В НАЧАЛЕ XX в.*

Документы, позволяющие проследить количественную, а в какой-то степени и качественную характеристику социально-экономических и демографических процессов начала XX в., представлены сборниками сведений, которые издавались по итогам подворных переписей крестьянских хозяйств. Данные материалы рассматривались в качестве исторических источников в региональной историографии, подчёркивался их потенциал при изучении вопросов крестьянского хозяйства, землеобеспечения, развития промыслов, аграрного курса российского правительства в отношении северного крестьянства [1]. Тем не менее возможности изучения подворных переписей как исторического источника не исчерпаны.

В каждом регионе местные условия накладывали отпечаток как на происходящие модернизационные процессы в целом, так и экономический курс российского правительства. Во второй половине XIX – начале XX в. интенсивно шёл процесс освоения новых земель по рекам Уса, Колва, Ижма, средняя Печора. В колонизации этих районов в основном принимали участие выходцы из южных и западных частей Коми края. Приток переселенцев повлёк за собой как расширение этнической территории коми-зырян, так и значительный рост численности населения Печорского уезда [2]. Печорский уезд Архангельской губернии был образован в 1891 г., его созданию предшествовала длительная подготовительная работа губернских и центральных органов управления. Первоначально территория Печорского уезда входила в состав второго и Запечорского станов Мезен-

© Вишнякова Д.В., 2018

* Публикация подготовлена при поддержке проекта Программы научных исследований УрО РАН «Этнодемографические процессы у финно-угорских народов Европы в Средневековье и Новое время в контексте изменений климата».

ского уезда Архангельской губернии. Мезенский уезд занимал довольно обширную территорию, а связь между его частями была весьма затруднена. Проблема выделения восточной территории Мезенского уезда в самостоятельный уезд стала подниматься уже со второй половины 60-х гг. XIX столетия. Как отмечает П.П. Котов, население второго стана Мезенского уезда активно осваивало всё новые территории и относительно быстро увеличивалось, происходило освоение богатейших природных ископаемых, возрастало экономическое значение Припечорья. Тем не менее на выделение Печорского уезда понадобилось более четверти века: 21 мая 1891 г. Александр III подписал указ о создании самостоятельного уезда с уездным управлением в с. Усть-Цильма [3].

Изучив динамику численности населения Европейского Севера России в пореформенный период, Д.И. Пинаевский отнёс Печорский уезд Архангельской губернии к району с высоким уровнем прироста населения. По данным исследователя, Печорский уезд наряду с Мезенским занимал второе место по уровню прироста населения на Европейском Севере [4]. Динамика абсолютной численности населения уезда в конце XIX – начале XX в. выглядела следующим образом. В 1893 г. Печорский уезд состоял из 28 955 жителей (13 774 мужчины и 15 181 женщина) [5]. В 1900 г., по сведениям Архангельского ГСК, в нём проживало 37 180 человек (18 198 мужчин и 18 982 женщины) [6], в 1902 г. в том же уезде насчитывалось уже 38 088 человек (18 262 мужчины и 19 826 женщин) [7], а в 1906 г. – 40 237 (20 985 мужчин и 21 552 женщин) [8].

Переписи крестьянских домохозяйств активно начали проводиться земскими органами с 80-х гг. XIX века. Подворные переписи территорий Коми края – в начале XX века. Экспедиционные работы были обусловлены новым государственным курсом аграрной политики и направлены на изучение возможностей колонизации территорий края. Подворные переписи основной своей задачей ставили широкое освещение экономического положения крестьянства. Переписи подлежало всё приписное население, как наличное, так и отсутствующее. Двор являлся главной единицей наблюдений при земских подворных переписях. Земские статистики рассматривали двор так же, как хозяйственный союз. Существенных разногласий при определении двора у них не было. Это, возможно, объясняется и тем, что понятие двора было заимствовано статистиками у самих крестьян [9]. Все дворы вписывались в переписную ведомость по порядку. Напротив каждого номера обозначалось имя, отчество и фамилия домохозяина, и затем о каждом хозяйстве собирались различные сведения: сколько жилых строений, из какого материала они построены, размер строений, сколько дворов, горниц, амбаров, сараев, риг; число скота (лошадей, коров,

овец, свиней), число ульев; состав семьи (число душ мужского и женского пола), число работников своих – мужчин и женщин, промысел местный (постоянный, временный), отхожий (постоянный, временный), заработок семьи, получаемый от промыслов (как местных, так и отхожих), число душевых наделов, находящихся во владении семьи, число грамотных мужского пола и женского и др.

В 1903 г. управляющим казённой палатой Архангельской губернии А.П. Ушаковым на средства Комитета для помощи поморам Русского Севера была организована экспедиция в Печорский уезд. Для описания и сплошной переписи отдельных хозяйств было командировано 12 человек. Программы, по которым производилась перепись, были составлены заведующим статистическим бюро Вологодского губернского земства П.П. Румянцевым. За всё время исследования было описано 105 селений, в состав которых входило 2 616 хозяйств.

Работы носили комплексный характер, в ходе их проведения с помощью статистико-экономических методов был собран обширный материал, обследование проводилось в Пустозерской, Красноборской, Усть-Кожвинской и Усть-Цилемской волостях. Результатом экспедиции стало издание в 1904 г. книги «Печорский край. Подворно-экономическое исследование селений Печорского уезда» (Ч.1) [10]. В публикации содержатся сведения об этническом составе населения отдельных волостей, половозрастном составе, брачной структуре населения, численном составе семейств (см. *Приложение*). Следует также отметить, что многие приводимые в исследовании материалы даны с привязкой к этническим общностям, что представляет особую ценность, т.к. статистические материалы и работы того времени дают довольно скудную информацию, касающуюся этнической проблематики. В работе представлены материалы, позволяющие исследовать этнический состав, семейно-брачную структуру, населённость дворов, возрастной состав жителей, численный состав семьи, уровень обеспеченности домохозяйств рабочей силой среди различных этнических групп (русских, ненцев и коми), численность населения по различным группам трудоспособных и нетрудоспособных возрастов, количество нетрудоспособного населения.

В следующем году была напечатана вторая книга – «Печорский край. Подворно-экономическое исследование селений Печорского уезда, произведённое С.В. Мартыновым» [11]. Однако сам С.В. Мартынов подворно-экономического исследования не производил, в результате активных архивных разысканий Цюю Ун-Ен удалось выявить занимавшихся этим лиц [12]. Ими оказались политссыльные Н.П. Грацианский и Д.В. Тихомиров, которым, возможно, по цензурным соображениям было отказано

в авторстве. Работа представляла собой комплексное исследование Печорского края: приводились сведения о климате, почве, быте крестьян, экономических условиях, медицине. В отношении сведений по демографии следует отметить, что некоторые данные были заимствованы из официальной статистики. Однако в связи с тем, что официальная статистика по численности и движению старообрядческого населения отсутствовала, авторами были предложены свои методы получения данных по этой группе населения. Так, например, ими были разработаны опросники, позволившие рассчитать процент детской смертности, а также получить другие сведения о старообрядцах. В исследовании рассматривались вопросы внутрисемейного быта коми, причины высокой детской смертности, связанные с половозрастным распределением функций в хозяйстве семьи, а также развитием здравоохранения и медицины.

Сведения были получены авторами непосредственно во время экспедиций по Печорскому краю и контактов с местным населением, они содержат не только цифровой материал и статистические таблицы, но и пояснительный текст, комментарии специалистов, собравших и обработавших эту информацию. В работах охватывались основные социально-экономические и демографические характеристики крестьянского хозяйства. Ценной особенностью работ являлось и то, что при решении методологических вопросов изучения крестьянского хозяйства учитывались местные условия. Таким образом, происходило обогащение методологии исследований и анализа крестьянского хозяйства конкретного региона. Рассмотренные материалы подворных обследований коррелируются со сведениями из других источников по динамике населения и подтверждают общие демографические тенденции, наметившиеся в данный период в Печорском уезде.

* * *

1. *Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н.* Стоявшие у истоков (Очерки истории становления гуманитарной науки в Коми). – Сыктывкар, 2005; *Малкова Т.А.* Научные исследования территории Республики Коми в первой половине XX века. – Сыктывкар, 2008; *Цой Ун-Ен.* Дореволюционные исследования крестьянского хозяйства Коми края в начале XX в. как исторический источник // Научные доклады. Коми филиал АН СССР. – Сыктывкар, 1986. – Вып. 154; *Чупров В.И., Бондаренко О.Е.* Социально-экономическое развитие Коми края в начале XX века (1900–1917 гг.): (историографический обзор) // Историография коми. – Сыктывкар, 1999. – С.41–47.

2. *Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н.* Миграции и исторические предпосылки формирования многонационального населения Республики Коми. – Сыктывкар, 2001. – С.175–181.

3. *Котов П.П.* Образование Печорского уезда в 1891 г. // Актуальные проблемы краеведения Республики Коми: тезисы докладов науч.-практ. конф., посвящённой 75-летию Общества изучения Коми края. – Сыктывкар, 1997. – С.51–52.

4. *Пинаевский Д.И.* Демографические процессы на Европейском Севере России в XVIII в. – начале XX в. – Сыктывкар, 2002. – С.11–12.

5. ГААО. Ф.6. Оп.8. Д.159. Л.18.

6. ГААО. Ф.6. Оп.8. Д.758. Л.5.

7. Отчёт Архангельского губернского статистического комитета за 1902 г. – Архангельск, 1904. – С.46.

8. ГААО. Ф.6. Оп.2. Д.332. Л.27 об.–28.

9. *Пьянков С.А.* Структура населения крестьянского двора Пермской губернии по данным земских переписей конца XIX – начала XX века // Вестник Челябинского государственного университета. История. – 2009. – № 10 (191). – Вып. 39. – С.31.

10. Печорский край: подворно-экономическое исследование селений Печорского уезда. – СПб.: Типография И. Усманова, 1904. – Ч.1.

11. *Мартынов С.В.* Печорский край: подворно-экономическое исследование селений Печорского уезда, произведённое доктором С.В. Мартыновым. – СПб.: Типография И. Усманова, 1905. – Ч.2.

12. *Цой Ун-Ен.* Дореволюционные исследования крестьянского хозяйства Коми края в начале XX в. как исторический источник // Научные доклады. Коми филиал АН СССР. – Сыктывкар, 1986. – Вып. 154. – С.6.

Статистические таблицы по Пустозерской волости Печорского уезда, 1903 г.

Племенной состав селения	Население по X ревизии			Коренное население по переписи 1903 г.					
				наличное			отсутствующее		
	дворы	муж.	жен.	хозяйств	муж.	жен.	хозяйств	муж.	жен.
Русские	—	—	—	492	1 162	1 180	11	15	6
Зыряне	—	—	—	4	7	11	1	3	1
Самоеды	—	—	—	37	78	85	—	—	—
Всего	288	1 039	1 218	553 (1 неизв.)	1 247	1 276	12	18	7

Продолжение таблицы
по Пустозерской волости Печорского уезда, 1903 г.

Всего по волости	Наличное коренное население													
	Распределение по возрастам													
	Мужчины							Женщины						
	До 1 года	1–6 лет	7–13 лет	14–17 лет	18–40 лет	40–60 лет	Свыше 60 лет	Итого, муж.	До 1 года	1–6 лет	7–11 лет	12–15 лет	16–40 лет	41–55 лет
Русские	52	185	202	84	368	202	69	1 162	29	179	107	106	447	159
Зыряне	—	—	1	—	2	2	2	7	1	—	3	2	2	2
Самоеды	3	13	15	4	23	17	3	78	2	10	10	6	33	11
Всего	55	198	218	88	393	221	74	1 247	32	189	120	114	482	172
								Итого, жен.						
								Свыше 55 лет						
								Лиц обоего пола						
								на действ. службе						
Русские								14						
Зыряне								—						
Самоеды								—						
Всего								14						

Продолжение таблицы
по Пустозерской волости Печорского уезда, 1903 г.

Всего по волости	Наличное коренное население													
	убогие				семейное положение									
	муж.		жен.		неиз- вестное		разошед- шиеся		вдовые		женатые и замужние		холостые и девицы	
	все	работного возраста	все	работного возраста	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Русские	4	3	11	6	—	5	—	—	26	145	493	493	120	108
Зыряне	—	—	1	—	—	—	1	1	1	—	4	4	1	2
Самоеды	—	—	—	6	—	—	—	—	1	14	34	34	10	9
Всего	4	3	12	12	—	5	1	1	28	159	531	531	131	119

Источник: Печорский край: полворно-экономическое исследование селений Печорского уезда.— СПб.: Типография И. Усманова, 1904. — Ч. 1. — С. 65—68.

И.И. Ластунов,

канд. ист. наук, доцент,

зав. кафедрой истории

и теории государства и права

ГОУ ВО «Коми республиканская

академия госслужбы и управления»

КРАСНЫЕ И БЕЛЫЕ В КОМИ КРАЕ (1918–1920 гг.): КОЛИЧЕСТВО И КАЧЕСТВО ВОЙСК (ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА)

Революция 1917 г. и последовавшая за ней гражданская война стали в истории нашего Отечества крупнейшей социальной драмой, на долгие десятилетия определившей развитие страны и имевшей свои особенности в каждом регионе. Поэтому особенно важно изучение гражданской войны на территории современной республики как региона, где не были ярко выражены классовые противоречия, являвшиеся основой политического и военного противостояния. В исторической литературе названные вопросы до последнего времени рассматривались применительно к каждой из противоборствовавших сил в отдельности [1]. Однако именно на основе их сравнения и анализа можно увидеть сущность происходивших в регионе процессов.

Названные источники и литература позволили выделить вопросы о характере вооружённых столкновений на Европейском Северо-Востоке и их месте в масштабе гражданской войны на севере России, взаимодействии военных и гражданских властей, общем и различиях в составах вооружённых формирований противоборствовавших в регионе сил. Северный фронт ввиду удалённости от центра, неразвитости путей сообщения, малочисленности населения на протяжении всей гражданской войны имел второстепенное значение. Это отмечали представители как красного, так и белого командования. Большое значение в военной победе той или иной противоборствующей стороны имеет соотношение сил, включающее в себя: общую численность войск противников, боевой состав, т.е. количество штыков, сабель (конкретных бойцов), орудий, пулемётов и т.д.; мобилизационные возможности противников, состояние тыла: транспорта, военной промышленности, сельского хозяйства; духовную стойкость войск. Численность войск Красной и белой армий сложно подсчитать. Довольно часто

командиры воинских частей подавали списки личного состава, не соответствовавшие действительности. Как правило, численность войск завышалась для получения большего довольствия. В списочный состав войск (т.е. количество едоков) входили все стоявшие на довольствии: бойцы, медсёстры, хозяйственная обслуга, похоронные, обозные и другие строевые команды и даже военнопленные. Боевой состав (количество штыков и сабель) как в Красной, так и в Белой армии колебался от 20 до 40% от списочного состава.

Согласно декрету Совнаркома от 15.01.1918 [2] Красная армия формировалась на принципах добровольчества. Вопросами её формирования ведал военный отдел каждого местного совета. Для нужд формирования Красной армии местные советы имели право пользоваться запасами местных складов военного ведомства. Советам как органам власти в пределах их района принадлежало полное, безусловное право распоряжения всеми вооружёнными формированиями, кроме того, каждый Совет самостоятельно определял необходимый для него контингент вооружённой силы. Двадцать девятого мая 1918 г. ВЦИК принял Постановление «О принудительном наборе в Рабоче-крестьянскую армию» [3], в котором говорилось о том, что «переход от добровольческой армии к всеобщей мобилизации рабочих и беднейших крестьян повелительно диктуется всем положением страны как для борьбы за хлеб, так и для отражения обнаглевшей на почве голода контрреволюции, как внутренней, так и внешней». И наконец, декретом СНК от 29.07.1918 всё военнообязанное население страны в возрасте от 18 до 40 лет бралось на воинский учёт и устанавливалась конская повинность [4]. В течение лета–осени 1918 г. все антибольшевистские силы также постепенно перешли к всеобщей воинской повинности и насильственной мобилизации в свои вооружённые силы. Одним из первых среди антибольшевистских правительств решение о восстановлении в пределах Северной области всеобщей воинской повинности и призыве 5 возрастов приняло 20 августа 1918 г. Временное управление северной области. Произошло это после того, как провалился добровольческий призыв в Российскую народную армию. В течение августа было завербовано около 1 000 человек, а на фронт прибыло не более 250. Ни на одном белом фронте офицеры и солдаты не получали такого содержания, как на Северном фронте, причём оклады изменялись в зависимости от падения рубля и повышения цен на предметы первой необходимости. Семьи солдат и офицеров были обеспечены пособиями. Так, за июль 1919 г. зарплата Печорского уездного коменданта составила 620 руб. 66 коп., делопроизводителя – 490 руб., писарей 1 разряда (2 человека) – по 116 руб. 67 коп., писарей 2 разряда (4 человека) – по 100 руб.,

солдат комендантской команды: женатых – 100–125 руб., холостых – 50–62 руб. в месяц. В сентябре 1919 г. жалование сотрудников Печорской уездной комендатуры составило: оклад уездного коменданта – 750 руб. в месяц плюс 200 руб. на содержание семьи, рядовые и унтер-офицеры получили от 66 руб. 66 коп. до 100 руб., т.е. жалование рядового состава, в отличие от жалования коменданта, повысилось незначительно. Военнослужащие Северной области кроме денежных окладов получали английский паёк. Так, Печорский партизанский отряд в составе 90 человек получил английский паёк на 28 дней, всего 2 520 дневных рационов. В него входили: бисквит и мука – 1 575 фунтов (645,75 кг, или 256 г на человека в день), овсянка – 292,5 фунтов (119,9 кг, или 48 г на человека в день), консервы – 1 260 фунтов (516,6 кг, или 250 г на человека в день), ветчина – 630 фунтов (258,3 кг, или 103 г на человека в день), чай – 78 фунтов (32 кг, или 13 г на человека в день), сахар – 470,5 фунтов (193 кг, или 77 г на человека в день), варенье – 315 фунтов (129 кг, или 51 г на человека в день), сало – 260 фунтов (106,6 кг, или 42 г на человека в день), маргарин – 180 фунтов (73,8 кг, или 29 г на человека в день), сыр – 164 фунта (67,24 кг, или 27 г на человека в день), горох – 224 фунта (91,84 кг, или 36 г на человека в день), соль – 39 фунтов (15,99 кг, или 6,3 г на человека в день), картофель сушёный – 210 фунтов (86,1 кг, или 34 г на человека в день), суп гороховый – 78 фунтов (31,98 кг, или 13 г на человека в день), спички – 720 коробков (по 8 на человека), лимонный сок – 15 галлонов (68,25 л), горчица и перец по 1 фунту (410 г) на человека.

Члены семей белых солдат и партизан получали особое пособие – до 100 руб. в месяц на человека. Члены семей белых солдат и партизан, павших в боях, – по 150–250 руб. в месяц на каждого члена семьи.

Офицерский корпус Северной армии состоял из 3 основных групп. Первую группу составляли прибывшие в область добровольцы, вторую – офицеры, третью – офицеры, доставленные в Северную область англичанами из английских лагерей, куда они попали после разгрома Гетмана Скоропадского на Украине. Основную массу этих 3 групп составляли офицеры военного времени. Местные офицеры, связанные с краем личными интересами, разделялись на 2 резко отличавшиеся друг от друга категории [5]. Одни из них не были склонны к активной борьбе: учитывая возможность перехода области к противнику, они старались устроиться главным образом в тыловых и хозяйственных учреждениях. Другую группу местных офицеров составляли командиры партизанских отрядов и местных воинских формирований, принадлежавшие к самым доблестным бойцам. Правда, офицерского в них было очень мало, т.к. по своему образованию и развитию они не сильно отличались от солдатской массы,

из которой вышли сами и для которой были малоавторитетны. Среди офицеров, особенно местных, было распространено пьянство, что являлось, с одной стороны, крупным козырем для агитации большевиков, с другой – «бичом» Северной армии, несмотря на принимаемые меры вплоть до разжалования в рядовые.

Проведение мобилизаций в белую армию было возложено на уездных комендантов, несших все обязанности уездного воинского начальника. Обязанности уездного военного коменданта в Печорском уезде исполняли: ротмистр Лопушинский (до декабря 1918 г.), штабс-капитан Коробов (временно исполнявший должность в декабре 1918 г. – феврале 1919 г.), штабс-капитан Глазов (с февраля 1919 г.). При уездном коменданте состояла комендантская команда – 45 человек: помощник, делопроизводитель, 6 унтер-офицеров, 1 ефрейтор и 36 солдат. К июлю 1919 г. в Печорском уезде было призвано в армию 1 165 человек, родившихся в 1890–1900 годах. Из них новобранцев, родившихся в 1899–1890 гг., – 284 человека (отправлены в распоряжение Архангельского уездного коменданта), в распоряжение генерала Шапошникова отправлено 263 человека, капитана Алашева – 207 человек. Рабочий батальон, находившийся в распоряжении заведующего военно-дорожной частью полковника Бараева, состоял из 403 человек, мобилизация родившихся в 1886–1889 гг. и 1901 г. дала армии ещё около 700 человек. С учётом числа партизан Печорский уезд направил в белую армию более 2 000 человек.

Кроме того, в мае–июне 1919 г. в Северной области согласно распоряжению генерал-губернатора Е.К. Миллера подлежали призыву все офицеры и военные чиновники до 45-летнего возраста включительно. В период с августа по ноябрь 1919 г. войсками Северной белой армии было взято в плен 14 тыс. красноармейцев, 95% из них влились в белые части. Но, как насильно мобилизованные, крестьяне несли Белой армии не силу, а разложение.

В отличие от своих противников, большевики создали более действенную систему мобилизации мужского населения в ряды Красной армии. Восьмого апреля 1918 г. СНК принял декрет об учреждении волостных, уездных, губернских окружных комиссариатов по военным делам и Положение о них. Согласно Положению волостные, уездные и губернские военкоматы создавались соответственно волостными, уездными и губернскими советами в составе 2 комиссаров по военным делам и 1 военного руководителя, которые утверждались соответствующими советами и Народным комиссаром по военным делам РСФСР. Один из членов военного комиссариата назначался волостным (уездным, губернским) комиссаром. По Положению волостной военкомат занимался учётом воен-

нообязанных, вербовкой добровольцев, мобилизацией и обучением военному делу рабочих и крестьян. Отделы в волостных военкоматах не создавались. Уездные военкоматы ведали учётом военнообязанных, материальных средств, мобилизационной работой, формированием частей и подразделений, обучением и снабжением войск. Штат уездных военкоматов регулярно изменялся.

В 1918 г. в Усть-Сысольский уездный военкомат входили следующие отделы: 1) общий; 2) формирования и обучения; 3) мобилизационный; 4) по делам пленных и беженцев (далее – пленбеж. – *Примеч. авт.*); 5) снабжения.

В 1919 г.: 1) общий; 2) мобилизационный; 3) всеобуча; 4) агитационно-просветительный; 5) пленбеж; 6) комиссия по борьбе с дезертирством; 7) снабжения.

В 1920 г.: 1) канцелярия; 2) мобилизационный; 3) всеобуча; 4) агитационно-просветительный; 5) пленбеж; 6) комиссия по борьбе с дезертирством; 7) снабжения.

В 1921 г.: 1) канцелярия; 2) мобилизационный; 3) политсекретариат; 4) комиссия по борьбе с дезертирством; 5) снабжения. Штатная численность работников уездных военкоматов составляла 90–100 человек [6].

Формирование военкоматов в Коми крае началось в июне 1918 г., к августу 1918 г. было создано 3 уездных и 105 волостных военкоматов. Одним из главных направлений деятельности военкоматов была агитационно-просветительская работа. По мнению политработников политотдела Пинего-Печорского края, работа велась неудовлетворительно, красноармейцы плохо понимали цели и задачи Советской власти. Наряду с мобилизациями в крае в ряды Красной армии вступали добровольцы. Данные об их количестве различны. Так, по одним данным, в 1918 г. добровольцами в Красную армию по Усть-Сысольскому уезду вступило 650 человек, из них 30 человек уволено по разным причинам. По другим данным, добровольцев за 1918 г. по уезду было 1 089 человек. По данным В.И. Прошева, в 1918 г. из Усть-Сысольского и Яренского уездов добровольцами вступили в ряды Красной армии 1 441 человек, из них: 81% – молодёжь в возрасте 18–25 лет; 70% – выходцы из бедняков и батраков; 14% вообще не были связаны с земледелием, т.е. в основном молодёжь и беднейшие слои населения в надежде получить хороший паёк в то время, когда в крае бушевал голод. В целом за 1918–1919 гг. по Усть-Сысольскому уезду было призвано 7 458 человек, из них добровольцев – 1 110: 1 089 человек – в 1918 г., 31 доброволец – в 1919 году. Всего в крае с июля 1918 г. по ноябрь 1920 г. было проведено 48 общих и частичных мобилизаций 22 возрастов (1879–1900 гг.). По данным В.И. Прошева, в РККА, партизанские и продовольственные отряды было мобилизовано

свыше 20 тыс. бойцов и командиров, что составляло 9–10% от общей численности населения края [7]. Главными причинами добровольного вступления в Красную армию были хороший красноармейский паёк (по разнообразию продуктов он уступал белогвардейскому, но превышал нормы питания беднейшего крестьянства края) и денежный оклад (см. *табл.*).

Т а б л и ц а

Красноармейский паёк на сентябрь 1919 г.

Продукты	Фронтальная норма (г/день)	Тыловая норма (г/день)
хлеб	615	410
сахар	55,38	38,34
чай	2,13	1,065
масло	12,78	8,52
крупы	102,24	76,68
рыба	205	102,24
сухие овощи	17	17
соль	25,56	25,56
сухая вобла	102,24	51,12
перец	0,71	0,71
мясо	204,48	102,24
жиры	34,08	21,3
мука	17,04	17,04
мыло	205 (в месяц)	205 (в месяц)
спички	4 коробка (в месяц)	4 коробка (в месяц)

Красноармейцы и командиры РККА получали также денежное довольствие (оклады). Так, в августе 1919 г. оклад начальника Усть-Сысольской караульной команды составлял 550 руб., помощника – 450 руб., командира отделения – 325 руб., в это же время пуд мяса в Усть-Сысольске стоил 83 руб. 10 коп., соли – 16 руб., масла коровьего – 474 руб. 33 коп., масла растительного – 128 руб., перца – 480 руб., сала – 240 руб., чая – 744 руб., сахара – 200 руб., табака – 480 руб., ящик спичек стоил 350 рублей. В конце 1919 г. в РККА все военнослужащие получали оклады по 18 разрядам. Оклады рядового состава, получавшего по 1 и 2 разрядам, составляли от 600 до 1 200 руб.; по 3–5 разрядам – младший командный состав – начислялась сумма в 1 000–1 900 руб.; 6–13 разряды – старший комсостав (от командира взвода до комполка) – 2 400–5 200 руб.; высший комсостав (от комбрига до командарма) составляли 14–18 разряды – 4 000–6 500 рублей.

Боевые качества мобилизованных в РККА крестьян были крайне низкими. 19 марта 1919 г. в Коми крае из красных партизанских отрядов были сформированы 3 полка: Ижмо-Печорский, Вашко-Мезенский и Кай-Чердынский. В конце мая 1919 г. Ижмо-Печорский и Вашко-Мезенский полки были переброшены на Северо-Двинское направление, в августе 1919 г. туда же был переведён и Кай-Чердынский полк. В боях 10–14 августа 1919 г. 478-й Ижмо-Печорский и 479-й Вашко-Мезенский полки потеряли не менее 50% личного состава [8].

В целом можно признать, что качественный состав частей Красной и белой армий был примерно одинаков. С обеих сторон на командных постах находились, как правило, офицеры и унтер-офицеры старой армии, наиболее боеспособную часть армии составляли добровольцы-партизаны со стороны белой армии и добровольцы, отряды матросов и интернационалистов в частях РККА. Мобилизованных в составе белой и Красной армий насчитывалось около 80%, они составляли наименее боеспособную часть армии. Ввиду того, что качественный состав вооружённых сил противников на Европейском Северо-Востоке был примерно одинаков, решающую роль в победе одной из сторон могли сыграть 3 фактора:

- 1) численный перевес одной из сторон в количестве бойцов и вооружения;
- 2) наличие крупных резервов, в нужный момент воспользовавшись которыми можно кардинально изменить боевую обстановку;
- 3) изменение баланса сил на других фронтах; разгромив врага, победившая сторона могла переброской войск быстро изменить ситуацию в свою пользу на других участках фронта.

В целом на территории Коми края в составе войск белой армии сражалось 5 000–6 000 бойцов (4 000–4 500 штыков и сабель), в феврале–марте 1920 г. красным в плен сдалось около 4 000 бойцов белой армии на территории Коми края. Данные И.И. Минца и ссылавшегося на него М.В. Таскаева о том, что в январе 1920 г. в составе 8-го Северного стрелкового полка (4 907 человек), 1-го Северного стрелкового полка (3 763 человека) и 10-го Северного стрелкового полка (3 329 человек) всего находилось 11 999 человек [9], на наш взгляд, сильно завышены. Данные В.И. Прошева и В.Н. Копытина [10] о том, что через ряды Красной армии прошло до 20 000 жителей Коми края, на наш взгляд, примерно в 2 раза завышены. Дело в том, что большая часть красноармейцев, призванных в 1918–1919 гг. в Коми крае в Красную армию, попали летом 1919 г. к белым в плен и были мобилизованы в белую армию. В феврале–марте 1920 г. они вторично сдались в плен Красной армии и были вторично призваны в РККА. Таким образом, налицо двойной призыв одних и тех же

лиц в РККА. Всего за 1918–1921 г. погибли примерно 300–500 белогвардейцев и белых партизан, красные потеряли 600–900 человек. Всего за 1918–1921 гг. на территории края погибли в боях, от террора, болезней и голода от 4 000 до 10 000 человек, т.е. 2–5% населения [11].

* * *

1. *Голдин В.И.* Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. – М., 1993; *Деникин А.И.* Очерки русской смуты: в 5 т. Брюссель, Берлин (1921–1926). – М.: Наука, 1991; *Какурин Н.Е.* Как сражалась революция. – 2-е изд. – М., 1990. – Т.1–2.
2. См.: *Какурин Н.Е.* Указ. соч. – Т.1. – С.127.
3. См.: Гражданская война в СССР / под ред. Н.Н. Азовцева. – М., 1980. – Т.1. – С.170.
4. См.: *Какурин Н.Е.* Указ. соч. – Т.1. – С.134.
5. *Ластунов И.И.* Политическая и социально-экономическая деятельность органов местного самоуправления на Европейском Северо-Востоке России (конец 1917–1921 гг.): монография. – Сыктывкар: КРАГСиУ, 2010. – С.179.
6. ГУ РК «Национальный архив Республики Коми» (далее – НА РК). Ф.Р-369. Архивная опись № 1. С.2–4; Оп.1. Д.38. Л.57.
7. *Прошев В.И.* За власть Советов. – Сыктывкар, 1980. – С.18–19.
8. *Прошев В.И.* Указ. соч. – С.41, 50, 53–55.
9. *Миц И.И.* Английская интервенция и северная контреволюция. – М.; Л., 1931. – С.179–180; *Таскаев М.В.* Небольшевистские партии и Белая армия в Коми крае (1917–1920 гг.). – Сыктывкар, 2000. – С.64.
10. *Копытин В.Н.* Формирование местных органов военного управления в Коми АССР: дис. ... канд. ист. наук. – Сыктывкар, 2002.
11. *Ластунов И.И.* Указ.соч. – С.110–113.

В.Н. Каракчиев,
*ст. лаборант Института языка,
литературы и истории
Коми НЦ УрО РАН*

ИСТОРИОГРАФИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЛОСТНЫХ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ КОМИТЕТОВ 1920-х гг.

Изучение формирования и деятельности органов государственной власти является важной задачей для исследователей разных эпох. Интерес представляет не только работа высших властных структур, но и функционирование местных властей. Благодаря анализу полученного опыта представляется возможным улучшение качества работы органов власти на современном этапе. Одним из периодов, которому следует уделить отдельное внимание, являются 1920-е годы. Это десятилетие стало важным этапом по восстановлению страны и активному развитию политической, социально-экономической и культурной сфер.

Волостные исполнительные комитеты Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов (далее – волисполкомы) являлись исполнительными органами власти в волостях. Наиболее активно эти органы стали образовываться в 1918 г. и просуществовали до ликвидации волости как территориальной единицы. В разных регионах это произошло в разные годы, к концу 1920-х гг. этот процесс был завершён по всей стране. Основными задачами волисполкомов являлось осуществление политики вышестоящих органов власти (уездных и областных исполнительных комитетов), а также социально-экономическое и культурное развитие волостей.

Исследование деятельности низового органа власти 1920-х гг. условно можно разделить на три этапа: I этап – 1920–1930-е гг., II – 1940–1990-е гг., III – 2000-е гг. – настоящее время.

Следует отметить, что на выстраивание управленческих органов существенное влияние оказали теоретические работы В.И. Ленина [1] и его сподвижников. В.И. Ленин обозначил историческую роль советов в новом социалистическом государстве, указав, что именно советы, обладая исполнительными функциями, являются органами государственной власти. В 1920-е гг. в помощь осуществлению формирования аппарата

и деятельности низовых органов власти издательства Москвы, Ленинграда, Казани публиковали работы разных авторов (таких как Д.Я. Кин, В.И. Игнатьев, И. Перелешин, Н. Житловский, А.С. Киселев, Ю.Я. Бурак, М.Ф. Владимирский, И. Муругов, А. Колесников, А. Лужин, М. Резунов, С.И. Чугунов и др.). Условно эти работы можно разделить на 2 группы.

К первой группе можно отнести издания, посвящённые организации и формированию аппарата низовых органов власти. В работе Д.Я. Кин даётся описание структуры советской власти, её устройства от высшего до низшего звена. В ней довольно подробно указываются направления и сферы деятельности всех уровней власти. Отдельно в издании уделяется внимание низовым органам власти (таким как волисполком, сельсовет). Автор указывает на то, что волисполком, проводя законы и распоряжения вышестоящих органов, должен научиться вести работу самостоятельно [2]. В.И. Игнатьев рассматривает вопросы, связанные с основными принципами построения новой советской волости, созданием административных центров на местах, осуществлением законов РСФСР в населённых пунктах и др. Ценность труда заключается в том, что в нём представлены базовые принципы выстраивания советского образа жизни в волостях [3]. Ю.Я. Бурак уделяет внимание вопросам организации низовых органов власти и выборам в них. Вторая глава работы «Сельсоветы и волисполкомы» посвящена исключительно волостным исполнительным комитетам. В неё включены описания структуры волисполкомов, прав и обязанностей сотрудников, а также принципы формирования личного состава волисполкомов и др. [4]. М.Ф. Владимирский в своей работе акцентирует внимание на структуре и деятельности волостных, уездных, губернских съездов советов, их президиумов и исполкомов. Отдельные главы посвящены взаимоотношениям центральных и местных органов власти, а также работе с населением. В приложении представлены Конституция РСФСР, «Положение о сельских советах», «Положение о волостных исполнительных комитетах» и др. [5]. И. Муругов и А. Колесников провели анализ кадров, структуры и основных направлений деятельности советов, касаясь оценки функционирования волисполкомов и сельсоветов [6].

Вторая группа работ связана с предложениями по повышению качества деятельности волисполкомов. А.С. Киселев рассматривает вопросы укрепления и улучшения деятельности волисполкомов. В частности, акцентируется внимание на взаимосвязь низовых органов на местном уровне и Центра (Москвы), отмечаются вопросы расширения сфер деятельности волисполкомов, их эффективного взаимодействия с местным населением и т.д. Автор указывает на то, что после издания Положения 1924 г. о волисполкомах низовые органы власти стали обладать более широкими

правами (право издания обязательных постановлений, право обладания юридическим лицом) [7]. В труде И. Перелешина выделяется планирование как основа для улучшения советского аппарата. Автором обосновывается необходимость составления плана для решения хозяйственных задач волостных исполнительных комитетов, а также при осуществлении работы с населением. Кроме того, отмечено, что необходимо внедрить в аппарат волостного органа власти экономное отношение к рабочему времени, обосновано введение календарного плана, развитие основ учётно-плановой системы и др. [8]. Работа Н. Житловского посвящена оживлению деятельности низовых органов власти. В ней рассмотрены основные методы повышения качества работы волисполкомов: меры по укреплению бюджета, привлечение населения к перевыборам, организация секций и комиссий и др. [9]. А. Лужин и М. Резунов не только использовали ценные статистические данные, опираясь на материалы обследования волисполкомов и сельсоветов, но и проанализировали формы руководства вышестоящих исполнительных комитетов низовым советским аппаратом, выявили недостатки в организации работы волисполкомов [10].

Следующий этап изучения структуры и деятельности органов власти – 1940–1990-е годы. Авторы (И.А. Азовкин, Т.П. Коржихина, А.А. Нелидов, А.И. Лепешкин, Е.П. Резников и др.) касались описания структуры и задач, принципов формирования аппарата и личного состава волостного исполнительного комитета.

Одной из наиболее крупных работ этого периода являются «Очерки по истории органов советской государственной власти» [11]. Это первая попытка освещения истории органов власти, выполненная коллективом научных сотрудников Всесоюзного института юридических наук. Работа охватывает период с 1917 по 1947 год. Каждая из глав (всего их 8) состоит из 3 разделов: высшие органы государственной власти, правительство, местные органы. В работе есть главы, посвящённые описанию структуры и функционирования местных органов государственной власти 1920-х гг.; в них представлена правовая основа низовых органов власти (Положения, постановления ВЦИК), принципы формирования рабочего аппарата (выборы, отделы), задачи волостных исполнительных комитетов и др.

История создания, организационное устройство, направления деятельности высших, центральных и местных учреждений советского государства рассматриваются в трудах Т.П. Коржихиной. Значительное место автором уделено созданию и компетентности органов власти и управления. В одной из работ она описывает правовую основу, структуру, а также направления деятельности низовых органов [12].

Труды А.А. Нелидова и А.И. Лепешкина касались исследований государственных учреждений СССР, а также вопросов функционирования местных органов власти 1917–1936 гг., включая описание правовой базы, структуры, аппарата и направлений работы советов [13].

Третий этап (2000-е гг. – настоящее время) характеризуется активным обращением историков к изучению деятельности местных органов власти. Работы посвящены анализу функционирования органов власти досоветского и советского периодов, а также современности. Издания представлены как трудами общего характера (И.А. Тропов, Т.В. Ящук и др.), так и региональными исследованиями (Е.К. Минеева, А.Р. Ратникова, Е.В. Булюлина, В.Н. Письменов, В.Н. Каракчиев и др.). Часть исследований указанных авторов непосредственно касается изучения формирования и деятельности волостных исполнительных комитетов 1920-х гг. (Чувашия, Нижнее Поволжье, Курская губ., Коми АО и др.).

И.А. Тропов анализирует эволюцию местных органов государственной власти в России. В его работе рассматриваются реорганизация административного аппарата, земского и городского самоуправления, становление и функционирование советских властных структур в 1920-х гг. и другие вопросы. Особое внимание уделяется развитию системы местного управления, «оживлению советов», а также работе сельских сходов и партийных организаций и др. [14].

В монографии Т.Ф. Ящук внимание сосредоточено на организационно-правовой стороне формирования и деятельности сельских и городских Советов, съездов Советов и их исполкомов, ревкомов. Автор акцентирует внимание на нормативных правовых актах, принципах организации и структуре местной власти [15].

В трудах Е.К. Минеевой и А.Р. Ратниковой проанализированы предпосылки создания, деятельность местных органов власти, освещена роль волисполкомов Чувашской АО в решении политических, социально-экономических и культурных проблем. Авторы отмечают, что в сложнейших условиях низовым органам власти удавалось справляться с таким непростыми проблемами, как ликвидация неграмотности, улучшение санитарного состояния деревни, оказания помощи социально незащищённым слоям населения, во многом благодаря чёткой и правильной организации работы. Исследователи считают, что волисполкомы выполнили историческую задачу по утверждению новых форм власти и подготовили условия для упрочнения административно-командной системы [16].

Деятельности местных органов государственной власти (волостных исполнительных комитетов и сельских советов) Нижнего Поволжья 1917–1928-х гг. посвящены работы Е.В. Булюлиной, в которых рассматрива-

ются правовая основа, формы и методы функционирования низовых органов, отмечаются недостатки организационно-правовой работы. Автором анализируется деятельность партийно-советского аппарата, местных органов управления народным хозяйством, социально-культурной сферой и др. Исследователь отмечает, что практической работе местных органов власти были присущи серьёзные недостатки: канцелярско-бюрократическое руководство со стороны вышестоящих органов, недостаточная связь с населением, отсутствие контроля за исполнением и др. [17].

Образованию и деятельности местных органов власти на территории Курской губернии в 1920–1928 гг. посвящено научное исследование В.Н. Письменова, в нём автор не только анализирует структуру, функции и состав губернского и уездных исполнительных комитетов, но и касается деятельности низовых органов власти (таких как горсоветы, волостные исполкомы, сельсоветы). В работе сделан акцент на аппарат, правовую основу и результаты работы низовых органов власти [18].

В статьях В.Н. Каракчиева рассмотрены формирование и деятельность волисполкомов Коми автономной области 1920-х гг., изучены их задачи, аппарат, личный состав, охарактеризовано функционирование в различных сферах (таких как образование, здравоохранение, социальная работа, культура). Автор отмечает, что в органы управления волостью выбирались представители местного населения, среди которых преобладали мужчины в возрасте от 20 до 40 лет, являвшиеся крестьянами, имевшие низкий уровень образования, прошедшие службу в Красной Армии. Во многом благодаря деятельности низовых органов власти реализовывались необходимые реформы, и в волостях постепенно стала развиваться социально-экономическая сфера [19].

Таким образом, исследование становления и деятельности низовых исполнительных органов власти 1920-х гг. является актуальным как для советского, так и для постсоветского периода. Издания 1920-х гг. оказали помощь низовым органам власти, в том числе в плане формирования личного состава, эффективного распределения обязанностей между сотрудниками, планирования работ, взаимодействия с населением и др. Они являлись инструктирующими указаниями для волостных исполнительных комитетов. Для работ второго периода (1940–1990-х) характерны описания структуры и функционирования местных органов власти, направлений их деятельности, а также публикация правовой основы их деятельности и др. Исследователями третьего периода (2000-е гг. – настоящее время) сделан упор на анализ организации и формирования властных структур, поиск решений проблем, назревших в этой сфере. Несомненно, взгляд в историческое прошлое может дать исследователям возможность поиска путей наиболее эффективного развития органов местного самоуправления.

* * *

1. *Ленин В.И.* Очередные задачи советской власти // Полное собрание сочинений. – М., 1981. – Т.36. – С.165–208; *Ленин В.И.* Что такое советская власть? // Полное собрание сочинений. – М., 1981. – Т.38. – С.238–239; *Ленин В.И.* О диктатуре пролетариата // Полное собрание сочинений. – М., 1981. – Т.39. – С.259–268; *Ленин В.И.* К населению // Полное собрание сочинений. – М., 1977. – Т.35. – С.65–67 и др.
2. *Кин Д.Я.* Советская власть и её устройство. – М., 1922.
3. *Игнатьев В.И.* Советская волость и стоящие перед ней задачи. – Л., 1924.
4. *Бурак Ю.Я.* Сельсоветы и волисполкомы. – Ленинград, 1926.
5. *Владимирский М.Ф.* Организация советской власти на местах. – М.: Госиздат, 1921.
6. *Муругов И., Колесников А.* Аппарат низовых советских органов. – М.; Л.: Госиздат, 1926.
7. *Киселев А.С.* Вопросы укрепления и улучшения работы волисполкомов и сельсоветов. – М., 1925.
8. *Перелешин И.* Плановое начало в работе волисполкомов и сельсоветов. – М.; Ленинград, 1926.
9. *Житловский Н.* Об оживлении работы низовых советских органов. – Казань, 1926.
10. *Лужин А., Резунов М.* Низовой советский аппарат. – М., 1929.
11. Очерки по истории органов советской государственной власти. – М., 1949.
12. *Коржихина Т.П.* История государственных учреждений СССР. – М.: Высш. шк., 1986.
13. *Нелидов А.А.* История государственных учреждений СССР. 1917–1936. – М., 1962; *Лепешкин А.И.* Местные органы власти советского государства. 1921–1936 гг. – М.: Госюриздат, 1959.
14. *Тропов И.А.* Эволюция местных органов государственной власти в России: 1917–1929 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. – СПб., 2012.
15. *Яцук Т.Ф.* Организация местной власти в РСФСР. 1921–1929. – Омск: Изд-во Омского госуниверситета, 2007.
16. *Минеева Е.К., Ратникова А.Р.* Деятельность волисполкомов на территории Чувашии в 1917–1927 гг.: исторический опыт и уроки. – Чебоксары: Новое время, 2011.
17. *Булюлина Е.В.* Формирование и деятельность местных органов государственной власти и управления в Нижнем Поволжье. 1917–1928 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. – Волгоград, 2012.

18. *Письменов В.Н.* Органы управления Курской губернии: механизм формирования и подбор кадров (1920–1928 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Курск, 2001.

19. *Каракчиев В.Н.* Освещение деятельности волисполкомов Коми автономной области в 1920-е гг. (по материалам областной газеты «Югыд туй» («Светлый путь»)) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: в 2 ч. – Тамбов: Грамота, 2016. – № 11 (73). – Ч.2. – С.115–118; *Каракчиев В.Н.* Развитие образования, здравоохранения и социальная помощь населению в волостях Автономной области Коми в 1920-х годах // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. – Петрозаводск, 2017. – № 5. – С.32–36; *Каракчиев В.Н.* Личный состав волисполкомов Коми автономной области в 1920-е гг. // Вестник Удмуртского университета. – Ижевск, 2017. – Вып. 1. – С.67–71.

Н.В. Кирсова,

*канд. ист. наук,
директор Научной библиотеки
ФГБОУ ВО «Сыктывкарский
государственный университет
имени Питирима Сорокина»*

**ИССЛЕДОВАНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ
УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАДРОВ
КОМИ АВТОНОМИИ В 1920–1930-е гг.
КАК АКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА***

Вопросы социально-политического развития Коми автономии в 1920–1930-е гг. ещё долгие годы останутся приоритетными направлениями исторических исследований. Сегодня значительный интерес вызывает тема осуществления на территории Коми кадровой политики в первые десятилетия становления её государственности. Предпринятая попытка проанализировать имеющиеся труды ставит новые задачи по переосмыслению социальной истории и адекватному отображению событий тех лет в научных публикациях.

Эффективность функционирования органов управления молодого Советского государства требовала подготовки соответствующих кадров для всех уровней. Значительная роль в этом вопросе отводилась партии большевиков. Поэтому ядром регионального управления и осуществления кадровой политики в Коми стала областная партийная организация. Выдвижение, подбор, расстановка кадров, в том числе национальных, личностные и профессиональные требования к управленцам, их учёт и многие другие мероприятия являлись механизмами и принципами формирования системы управленческих кадров. Накопление и изучение материала по данной проблематике позволяли подготавливать различные публикации и издавать научные труды.

Первые попытки обобщения и систематизации информации, в основном фактологической, были предприняты уже в 1920–1930-е гг., но эти работы носили ярко выраженный агитационно-пропагандистский характер, в них в основном описывались результаты деятельности партийных

© Кирсова Н.В., 2018

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ и Правительства Республики Коми (проект № 18-49-110002 а(р)).

органов, а авторами, как правило, являлись представители партийного руководства. К числу таких публикаций, например, можно отнести статьи первых секретарей Коми обкома М.П. Минина и Я. Потапова, в которых пояснялись причины образования партийной организации в Коми АО [1]. Кроме того, некоторые итоги её деятельности подводили известный краевед А.А. Цембер, член исторической секции Общества по изучению Коми края [2], и исследователи истории Коми В.М. Подоров [3] и Н.И. Ульянов [4]. Ценность данных работ заключается, прежде всего, в использовании авторами большого фактологического материала и рассмотрении вопросов партийно-государственного строительства в контексте общей истории региона. В предвоенный период также вышло несколько изданий, посвящённых роли Коми областной парторганизации в руководстве различными сферами государственного управления, что было характерно для публикаций тех лет [5].

Послевоенный период в отечественной историографии отмечен выходом не только новой «Истории КПСС» под редакцией Б.Н. Пономарева, но и фундаментальных работ по истории региональных партийных организаций в виде «очерков», источниками для которых послужили фонды партийных архивов, воспоминания руководителей и рядовых членов партии, материалы периодической печати. В них рассматривались вопросы по организационной работе комитетов КПСС, кадровой и идеологической политике, формам и методам партийного руководства различными сферами экономики, государственными органами и общественными организациями. В 1964 г. научными сотрудниками Коми филиала Академии наук СССР и преподавателями Коми государственного института были подготовлены «Очерки истории Коми партийной организации» [6], которые впоследствии были дополнены и переработаны, но раздел, охватывающий период 1920–1930-х гг., существенно не изменился [7].

Смена в стране общественно-политической обстановки, чему способствовали решения XX съезда КПСС, позволила ввести в оборот материалы партийных архивов и опубликовать ряд важнейших источников по истории КПСС. В 1960–1980-е гг. были изданы сборники таких документов, как «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», статистические сборники «КПСС в цифрах» и др. Так, материалы о развитии Коми областной партийной организации, рассматривавшие динамические изменения её численного, социального, половозрастного состава, образовательный уровень членов партии, их национальность, были сосредоточены в соответствующем издании [8]. Характерным для этого историографического периода является появление «Хроник», отражающих деятельность региональных партийных организаций. Докумен-

тально подтверждённые факты, оформленные в виде статей и расположенные в хронологической последовательности, способствуют проведению комплексного анализа проблем партийно-государственного строительства в Коми автономии [9].

Проблемы формирования управленческих кадров в первые десятилетия установления Советской власти всегда рассматривались в контексте национально-государственного строительства, автономизации территорий. Детальным исследованием становления Коми государственности занимались М.П. Дмитриков, А.А. Попов, А.Ф. Сметанин и др. Однако работы, в которых в комплексе рассматривались бы различные направления кадровой политики и анализировались механизмы формирования, структура, состав управленческих кадров, в этот период не издавались. Публиковались, прежде всего, материалы об отдельных событиях партийной жизни в Коми регионе. Например, вопросам истории формирования Коми областной партийной организации на I Всезырянском съезде коммунистов уделяли внимание В. Давыдов [10], В. Зыкин [11], организацию «ленинского призыва» рассматривал Р.Ф. Королько [12] и др.

На рубеже веков произошли существенные изменения в изучении социальной истории нашей страны. За счёт введения в научный оборот ранее неизвестных и недоступных архивных материалов расширился спектр исследований. Для отечественной историографии характерным становится появление различных изданий по истории национально-государственного и партийного строительства, реализации направлений кадровой политики в регионах. Научный интерес вызывают проблемы становления системы номенклатурных кадров и формирования партийно-государственной элиты, социальные характеристики и профессиональная подготовка управленцев, осуществление партийного и государственного контроля, организация и проведение чисток и др. Также изучаются особенности формирования региональных управленческих кадров.

В ряду современных научных исследований определённое место занимают работы учёных Республики Коми, в которых по-новому раскрываются вопросы становления государственности, реализации национальной политики, вовлечения местного населения в общественно-политическую жизнь региона в 1920–1930-е гг. [13]. Кроме того, вышло в свет и несколько научно-популярных изданий о жизнедеятельности первых руководителей Коми автономии [14]. Среди прочих следует выделить научный доклад, сделанный на заседании Учёного совета КНЦ УрО РАН и посвящённый изучению социального состава Коми областной партийной организации, проблемам выдвижения на номенклатурные должности, мероприятиям по чистке партийных рядов и другим направлениям кадровой политики [15].

Введение в научный оборот новых документов также позволяет проводить различные семинары, конференции, круглые столы, на которых обсуждаются актуальные исторические темы. Например, в ряде докладов на республиканской научной конференции «Коми областная партийная организация: исторический опыт и современность» озвучивались такие вопросы, как влияние партийных органов на становление национальной государственности, на взаимоотношения партийных структур с государственными и общественными организациями Коми АО в 1920–1930-е гг. [16]. Одной из актуальных является тема политических репрессий, в том числе в отношении руководящих кадров автономии данного периода [17].

Несмотря на широкий спектр научных исследований и возможность использования обширного архивного материала, проблемы формирования кадрового состава партийных и государственных структур Коми автономии в 1920–1930-е гг. специально не исследовались. Не ставилась задача изучения способов и механизмов формирования управленческих кадров и резерва, политической элиты региона, анализа их социальных характеристик, системы профессиональной подготовки и др. Таким образом, данная проблематика может стать новой историографической задачей.

* * *

1. *Минин М.П.* К шестой годовщине Коми автономии // Коми му. – 1927. – № 4–5; *Потанов Я.* Основные мотивы организации РКП(б) в Коми области // Югыд туй. – 1923.

2. *Цембер А.А.* Первое десятилетие Коми организации ВКП(б): (16 июня 1918 – 16 июня 1928) // Коми му. – 1928. – № 7.

3. *Подоров В.М.* Очерки по истории коми (зырян и пермяков): в 2 т. – Сыктывкар, 1933.

4. *Ульянов Н.И.* Очерки истории коми-зырян. – М.; Л., 1932.

5. *Иванов В., Конторин Д.* За перестройку партийно-массовой работы. – Сыктывкар, 1932; Коми парторганизация – организатор побед // За новый Север. – 1935; Культурное строительство в Коми АССР (материалы для агитаторов). – Сыктывкар, 1939.

6. Очерки истории Коми партийной организации. – Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1964.

7. Очерки истории Коми областной организации КПСС. – 2-е изд., доп. и перераб. – Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1987.

8. Коми областная организация КПСС в цифрах. 1921–1976: стат. сб. – Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1977.

9. Дорогой борьбы и побед. Хроника областной организации КПСС. 1917–1981. – Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1982.

10. *Давыдов В.* Первый съезд коми коммунистов // Красное знамя. – 1963. – 11 июля.

11. *Зыкин В.* Путеводная звезда: из истории Коми парторганизации // Заполярье. – 1960. – 28 февр.; *Зыкин В.* Странички истории // Молодёжь Севера. – 1963. – 28 июля.

12. *Королько Р.Ф.* Ленинский призыв // Красное знамя. – 1979. – 3 янв.; *Королько Р.Ф.* По ленинскому призыву // Красное знамя. – 1984. – 1 февр.

13. История Коми с древнейших времён до конца XX века: в 2 т. – Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 2004; История Коми с древнейших времён до современности: в 2 т. – 2-е изд., перераб. и доп. – Сыктывкар: Анбур, 2011; *Кузванова О.Ю., Попов А.А., Сметанин А.Ф.* В начале пути (Очерки истории становления и развития Коми автономии). – Сыктывкар, 1996; *Таскаев М.В.* Социально-политические процессы на Европейском Северо-Востоке России (1901 – первая половина 1930-х гг.). – Екатеринбург: УрО РАН, 2011; *Напалков А.Д.* Представительные органы власти Республики Коми: опыт конкретно-исторического анализа. – Сыктывкар, 1998.

14. *Дмитриков М.П.* Трагедия Дмитрия Батиева // Родники пармы. – Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1993; Создатели Коми автономии / И.Л. Жеребцов, А.Ф. Сметанин, М.В. Таскаев. – Сыктывкар: Кола, 2006.

15. *Напалков А.Д., Сметанин А.Ф.* Место и роль КПСС в советской политической системе (1918–1991 гг.): (на материалах Коми областной коммунистической организации). – Сыктывкар, 2011.

16. *Кузванова О.Ю.* Взаимодействие партийного и государственного контроля в системе КК–РКИ в Коми АО (20–30-е гг.) // Коми областная партийная организация: исторический опыт и современность: республиканская науч. конф. (г. Сыктывкар, 5–6 июня 1990 г.). – Сыктывкар, 1990; *Попов А.А.* О борьбе с так называемыми «двумя уклонами в национальном вопросе» в Коми областной парторганизации в 30-е гг. // Коми областная партийная организация: исторический опыт и современность: республиканская науч. конф. (г. Сыктывкар, 5–6 июня 1990 г.). – Сыктывкар, 1990; *Сметанин А.Ф.* Областная парторганизация в системе политической организации общества в 20-е гг. (по материалам Коми АО) // Коми областная партийная организация: исторический опыт и современность: республиканская науч. конф. (г. Сыктывкар, 5–6 июня 1990 г.). – Сыктывкар, 1990.

17. *Каракчиев В.Н.* Развёртывание политических репрессий против руководителей Коми облисполкома в 1930-х гг. // История и перспективы развития северных регионов России: роль ГУЛАГа, мемориальная деятельность: материалы I Международной науч. конф. (г. Сыктывкар, 25–29 октября 2011 г.). – Сыктывкар, 2011. – Ч.2; *Рогачев М.Б., Таскаев М.В.* Политическая ссылка в Коми АО в 20–30-е годы XX века // Политические репрессии в России. XX век: материалы региональной науч. конф. – Сыктывкар, 2001; *Таскаев М.В.* Троцкизм и троцкисты в Коми области // Политические репрессии и сопротивление несвободе: материалы Всероссийской науч. конф. – Сыктывкар, 2009.

Г.Ф. Доброноженко,

*д-р ист. наук, профессор кафедры
истории и методики обучения
общественно-правовым дисциплинам
ФГБОУ ВО «Сыктывкарский
государственный университет
имени Питирима Сорокина»*

«КУЛАК» КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ В КОНЦЕ 1920-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х гг.: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена характеристике видовой классификации и информационных возможностей основных документальных комплексов региональных властных структур, отложившихся в фондах архивов Европейского Севера.

Среди делопроизводственных материалов партийных органов выделим 3 основных типа комплексов документов.

К *первому типу* отнесём **протокольную и нормативно-распорядительную документацию**, позволяющую с максимальной полнотой проанализировать нормативную базу социальной политики в отношении кулаков: протоколы заседаний и материалы к ним (доклады и выписки из докладов, докладные записки, сводки обследований), решения и постановления секретариата и бюро Северного краевого комитета ВКП(б), бюро партийных структур по вертикали (уездных, окружных, Коми областного и районных комитетов партии).

Особый интерес представляют документы, раскрывающие процесс подготовки и проведения в крае политики «ликвидации кулачества как класса» в 1930–1932 годах. Отметим среди них документы крайкома партии (протоколы, постановления, директивные документы) и материалы особых комиссий, создаваемых при крайкоме в 1930 и 1931 гг. для руководства проведением экспроприации и выселения местных кулаков.

Однако даже фронтальное изучение этого типа документа не позволяет представить полную картину, раскрывающую механизм проведения и результаты социальной политики в отношении кулаков. В архивных до-

кументах почти нет сведений о проведении органами ОГПУ «операций» по «изъятию активного контрреволюционного кулацкого элемента из деревни», о внутрикраевом выселении весной 1930 года. Что касается массового выселения органами ОГПУ кулацких семей в 1931 г., то в доступных исследователю документах (протоколы заседания Севкрайкома ВКП(б), материалы специальной комиссии, созданной при крайкоме партии) сохранились исключительно директивные документы, определяющие организационную подготовку кампании. В фондах партийных структур практически отсутствуют документы, позволяющие изучить выселение в индивидуальном порядке в северные районы края в середине 1930-х гг. кулацких семей, члены которых были репрессированы органами ОГПУ и судами.

Большой тематический комплекс партийных документов директивного типа представляют материалы, раскрывающие дискриминационную политику в отношении кулаков при начислении налоговых платежей, определении заданий по лесозаготовкам и заготовкам сельскохозяйственных продуктов, репрессии, применяемые к кулакам за их невыполнение. В партийных документах устанавливались контрольные задания по выявлению кулаков, определялись директивные установки по определению признаков кулацких хозяйств, порядок взимания с них налогов и недоимок, начисления твёрдых заданий по заготовкам и оплате труда на лесозаготовках, методы борьбы с «кулацким саботажем» и проведения экспроприации хозяйств. Директивные партийные установки были «руководством к действию» для всех органов управления, они оформлялись постановлениями, циркулярами и распоряжениями органов исполнительной власти.

Вторым типом делопроизводственных документов партийных структур является **текущая переписка с вышестоящими и нижестоящими партийными органами, государственными структурами, ОГПУ и НКВД, суда и прокуратуры**. Во внутренней переписке можно обнаружить информацию, достаточно откровенно оценивающую реальную ситуацию и содержащую конкретные негативные для власти факты, не попадавшие в открытые источники. Следует обратить особое внимание на материалы районных комитетов партии, т.к. содержащаяся в них негативная информация, как правило, исключалась из документов, направляемых в вышестоящие партийные инстанции.

Третий тип партийных документов – **информационно-аналитические и отчётные материалы**: отчёты и доклады, справки партийных структур различного уровня, докладные записки и сообщения комиссий, проверяющих выполнение нижестоящими партийными организациями

различных «хозяйственно-политических задач» и партийных решений («о наступлении на кулака», выявлении кулацких хозяйств и начислении на них налоговых платежей и других повинностей, проведении заготовительных кампаний, раскулачивания и пр.).

Разнообразные материалы о содержании, особенностях и направлениях социальной политики в деревне и механизмах её реализации на Европейском Севере сохранились в архивных комплексах региональных органов исполнительной власти.

В фондах исполкомов различного уровня (Севкрайисполкома, губернских и окружных, Коми областного) сохранились нормативные документы, являвшиеся детализацией центрального законодательства и основой для практической деятельности на местах; широко представлена протокольная и распорядительная документация.

К числу документов критического характера относятся материалы многочисленных комиссий, создаваемых при исполкомах для проверки работы нижестоящих организаций и проведения различных «политических и хозяйственных кампаний». Эти документы, позволяющие восстановить достаточно реальную картину положения дел в деревне, являются важнейшим источником для изучения политики «экономического удушения» кулацких хозяйств при проведении налоговых и заготовительных кампаний.

В отчётных материалах исполкомов содержится разносторонняя статистическая отчётность, в том числе и о численности выявленных кулаков и раскулаченных семей. При этом отметим, что в архивных документах краевых и областных властных органов отсутствует статистическая информация об общем количестве репрессированных кулаков, т.к. после завершения политики «ликвидации кулачества» (в конце 1932 г. – начале 1933 г.) вся обобщающая статистика была изъята из документов и уничтожена.

При анализе отрывочных и нередко заниженных статистических сведений о количестве раскулаченных и осуждённых кулаков за отдельные периоды (как правило, несколько месяцев и не по всем районам), приводимых в документах краевых и областных властных структур, исследователь сталкивается с проблемой невозможности представить общую статистическую картину, раскрывающую масштабы репрессий в отношении кулаков на Европейском Севере.

Большой тематический комплекс документов по истории социальной политики в отношении кулаков представлен в фондах отделов Рабоче-крестьянской инспекции (далее – РКИ), созданных при региональных исполкомах. Среди документов отделов РКИ отметим материалы раз-

личных комиссий, проверяющих районные органы и сельсоветы (о проведении ими «хозяйственно-политических кампаний», «соблюдению революционной законности» и пр.), а также комиссий, рассматривающих жалобы крестьян в органы РКИ.

Большой объём фактической информации содержится в документах региональных финансовых органов. Эти документы являются наиболее важным источником для характеристики политики в отношении крестьян, отнесённых к группе «кулаки». Во-первых, именно при проведении кампаний по начислению сельхозналога проводилось выявление кулацких хозяйств. Во-вторых, конфискация имущества неплательщиков была одним из наиболее распространённых мотивов экспроприации кулацких хозяйств.

Нормативно-распорядительные документы, сохранившиеся в фондах крайфинуправления и финансовых отделов местных исполкомов, позволяют проанализировать официальные социальные границы группы «кулаки» (ежегодно принимаемые постановления о признаках кулацких хозяйств, а также циркуляры и инструкции, в которых даётся трактовка этих признаков). Большой интерес представляет переписка Севкрайфинуправления с НКФ РСФСР, запросы финотделов в вышестоящие финансовые структуры с просьбой дать разъяснения к полученным директивам.

В фондах финансовых органов отложились документы, регламентирующие порядок выявления кулаков, начисления сельхозналога в индивидуальном порядке, информационные и отчётные документы о ходе и итогах проведения налоговых кампаний. В отчётных документах приводится разнообразный статистический материал о количестве кулацких хозяйств, сведения о размерах начисленных и выплаченных налоговых платежей, содержится обобщающая информация о конфискации имущества кулацких хозяйств за невыплату налоговых платежей.

Директивные документы краевого финуправления позволяют также изучить основные «политические установки», которыми должны были руководствоваться в своей практической деятельности работники региональных финансовых и налоговых органов.

В фондах региональных исполкомов сохранились 3 важнейших комплекса архивных документов, позволяющих раскрыть критерии выявления кулацких хозяйств в практике налоговых кампаний: материалы налоговых комиссий, создаваемых при исполкомах комиссий для рассмотрения крестьянских жалоб, поимённые списки и книги учёта кулацких хозяйств.

Особую ценность для исследователя представляют документы сельских и районных налоговых комиссий, которые следует признать первич-

ным и наиболее достоверным источником, позволяющим составить представление о критериях, которыми руководствовались местные работники при идентификации кулацких хозяйств. Эти документы «дают представление о том, кто же в действительности попадал в число кулаков, причём исходя не из формально утверждённых признаков, а из того, как эти признаки преломлялись в сознании людей, облечённых властью привлекать к индивидуальному обложению» [1].

В фондах районных исполкомов и финотделов сохранились протоколы заседаний и постановления комиссий, в которых перечисляются признаки отнесения крестьян к кулакам, различные первичные материалы, прилагаемые к протоколам. К ним относятся: решения собраний граждан деревни, групп бедноты, общих собраний колхозов об отнесении крестьян к кулацкой группе, справки сельсоветов о наличии эксплуататорских доходов, акты и описи изъятия и реализации имущества кулацких хозяйств и др.

В материалах комиссий сохранились заявления, жалобы крестьян на неправильное отнесение к кулакам, различные справки, собранные ими в качестве доказательства отсутствия нетрудовых доходов (например, опросы односельчан, показывающие фальсификацию эксплуататорских признаков).

Важнейшим источником для изучения социального портрета кулаков являются материалы различных комиссий, создаваемых при исполкомах для рассмотрения крестьянских жалоб (на неправильное отнесение к кулакам и начисление в индивидуальном порядке сельхозналога, дачу твёрдых заданий, раскулачивание), заявлений о восстановлении в избирательных правах. Так, в делах комиссий за 1930–1937 гг., работавших при Коми облисполкоме, есть протоколы заседаний и документы к ним, решения, выписки, статистическая отчётность по итогам рассмотрения жалоб и пр. В материалах комиссий по рассмотрению жалоб крестьян на неправильное отнесение к кулакам сохранились личные дела жалобщиков, в которых содержатся заявления и письма крестьян в различные властные органы и переписка по этим жалобам.

Изучение документов сельских и районных налоговых комиссий, а также комиссий исполкомов по рассмотрению крестьянских жалоб позволяет решить целый ряд важных исследовательских задач. Во-первых, раскрыть механизм выявления кулаков, показать, из каких социальных категорий крестьян ежегодно пополнялись «кулацкие списки». Во-вторых, рассмотреть изменения в трактовке местными работниками признаков, которыми обосновывался эксплуататорский характер хозяйства. В-третьих, документы налоговых комиссий являются важнейшим источ-

ником, позволяющим исследователю понять, за какие «антисоветские» действия крестьянина относили к кулакам по признаку «политическая нелояльность».

Большой объём разносторонней информации содержится в именных (как правило, годовых) списках и книгах учёта кулацких хозяйств по отдельным сельсоветам и, значительно реже, по районам. В них указывался год отнесения к кулакам, состав семьи, эксплуататорские признаки, сумма облагаемого дохода и размер налоговых платежей; иногда приводились сведения о конфискации имущества (раскулачивании), об осуждённых членах семьи, находившихся в «бегах», и пр.

Отметим сложность статистической обработки и анализа этого ценного источника, содержащего наиболее объективную первичную информацию. Во-первых, сохранилась лишь незначительная часть списков по отдельным районам, причём за короткие хронологические периоды. Во-вторых, многие документы, написанные карандашом, относятся к так называемым угасающим текстам, и поэтому часть информации не подлежит восстановлению в полном объёме и навсегда потеряна для исследователей. В-третьих, постоянно менялась форма составления списков и, следовательно, приводимая в них информация. Поэтому лишь в редких случаях исследователь может осуществить подсчёт хозяйств, отнесённых к кулакам в отдельном сельсовете или районе за несколько лет, а также обобщить сведения о количестве ликвидированных хозяйств и репрессированных кулаках.

Наиболее полные и систематические материалы по истории репрессий в отношении кулаков представлены в документах органов юстиции. В фондах органов прокуратуры и суда Европейского Севера сохранились нормативные документы, регламентирующие особый порядок рассмотрения дел на кулаков и других «контрреволюционных элементов» и применение мер социальной защиты за совершённые «преступления» (за «контрреволюционную агитацию», невыплату налоговых платежей и невыполнение заданий по заготовкам и пр.). Большой интерес представляют директивные документы об определении «классовой принадлежности» привлекаемых к судебной ответственности крестьян, об участии органов юстиции в проведении коллективизации, налоговых, заготовительных и др. «хозяйственно-политических кампаний», выявлении кулацких хозяйств.

В фондах прокуратуры и суда широко представлена деловая переписка органов юстиции по всем структурам по вертикали: крайсуда и крайпрокуратуры и НКЮ РСФСР, между органами юстиции края. Отметим в этой группе документов письма-запросы краевых органов прокуратуры в НКЮ РСФСР с просьбой дать разъяснения по вопросам о при-

знаках отнесения крестьян к кулакам, порядке дачи твёрдых заданий по заготовкам, привлечении к ответственности за невыполнение государственных обязательств.

При работе над документами органов юстиции необходимо обратить внимание на протоколы совещаний работников органов прокуратуры и суда, камерных совещаний при органах прокуратуры, комиссий прокуратуры по рассмотрению крестьянских жалоб.

Среди отчётных документов отметим особую значимость периодических отчётов (докладов) карательных органов об итогах деятельности, где приведены статистические сведения о количестве осуждённых и принятых мерах социальной защиты по видам преступлений и по социальным группам крестьян. Одним из видов отчётной документации были тематические отчёты и информационные сводки об участии прокуратуры и судебно-следственных органов «в борьбе с кулаком» и «ликвидации кулацких хозяйств».

К отчётным материалам отнесём справки и доклады о деятельности органов прокуратуры по осуществлению контроля за исполнением законов (соблюдению «социалистической законности»), в которых приводится большой фактический материал об «искривлениях линии партии» при проведении политики «ликвидации кулачества», «хозяйственно-политических кампаний», наложении административными органами различного рода незаконных наказаний и штрафов, конфискации имущества и пр. В фондах судебных органов сохранились акты и отчёты о проверке деятельности нарсудов, отчёты судебно-следственных бригад, выезжавших в районы, и о «принятых в отношении кулаков наказаний».

В фондах региональных органов юстиции сохранились интересные судебно-следственные документы. Во-первых, это документы нарсудов о привлечении к судебной ответственности (протоколы допросов, заключения и постановления). Во-вторых, протоколы заседаний пленумов краевого и Коми областного судов, на которых заслушивались протесты председателей этих судов на решения нарсудов, прокуроров на решения Уголовно-Кассационных коллегий по судебным обвинениям крестьян.

Особую сложность для работы историка представляют делопроизводственные документы отделов ОГПУ–НКВД. Эти документы в основном хранятся в собственных архивах ФСБ и закрыты для сторонних исследователей. Однако отдельные документы сохранились в фондах партийных и советских органов, а также прокуратуры и суда.

Наиболее фрагментарно представлена директивно-распорядительная документация. В фондах властных структур (главным образом в «Особых папках» Севкрайкома и Коми обкома партии) есть копии отдельных

докладных записок, сводок, отчётов, донесений, направляемых органами ОГПУ в структурные подразделения центрального аппарата ОГПУ. В фондах органов прокуратуры края сохранились некоторые судебно-следственные документы ОГПУ (обвинительные заключения на крестьян по ст.58 УК РСФСР).

Документальный комплекс материалов ОГПУ–НКВД, хранящихся в региональных архивах и доступных исследователям, представлен главным образом различного рода информационными материалами, которые являются важнейшим источником для изучения настроений крестьян, а также получения дополнительных сведений о социальной политике в деревне.

В новейшей источниковедческой литературе дан обстоятельный анализ этого типа источников с точки зрения достоверности и репрезентативности приводимой в них информации.

Прежде всего, следует указать на общую высокую источниковедческую оценку документов ОГПУ, которая была дана специалистами, осуществившими их публикацию [2]. Информационный материал спецслужб «был призван воссоздать наиболее полную картину как положения в стране в целом, так и в территориальном и во временном отношении». Регистрируя все происходившие в жизни населения изменения, сводки ОГПУ высвечивают практически все стороны жизни советского общества. Документы ОГПУ оцениваются как «единственный в своём роде источник», который при всей критичности научного подхода к нему обладает «высокой степенью достоверности». «Огромное число информационных материалов, собиравшихся и оформлявшихся на всех уровнях пирамиды спецорганов», позволяет, по мнению специалистов, признать «принадлежность этого исторического источника к разряду массовых», являющимся «наиболее важным при изучении истории России XX столетия» источником [3].

В то же время нельзя не отметить, что в современной литературе акцентируется внимание на почти полном отсутствии в информационных сводках ОГПУ–НКВД позитивной информации и высказывается сомнение в объективности информации, приведённой в этих документах [4]. Представляется, что негативный характер информации в документах спецслужб не означает её фальсификацию. Власть нуждалась в постоянном объективном информировании о положении дел в деревне и получала её – не в последнюю очередь – от органов ОГПУ–НКВД.

Информационные сводки спецслужб – один из массовых документальных комплексов, отложившихся в фондах учреждений – получателей информации. Партийным и советским руководителям регулярно направля-

лись политические сводки спецорганов, составляемые преимущественно по материалам, полученным собственной агентурной сетью. Информационные материалы были 2 типов: в виде спецсводок (посвящённых какой-либо одной специальной проблеме) и оперсводок (содержащих оперативную информацию о ситуации и основных происшествиях за определённый период).

В конце 1920-х гг. составлялись периодические (недельные, двухнедельные) политические спецсводки о настроениях различных социальных групп населения, в которых был отдельный раздел «политнастроения деревни» («политсостояние деревни»). К этому типу сводок относятся и обобщённые полугодовые и годовые сводки «характерных выступлений рабочих, крестьян, интеллигенции и служащих».

В 1930-е гг. преобладали спецсводки (спецсправки и политинформационные бюллетени) об «антисоветских проявлениях», «антисоветской агитации и контрреволюционных выступлениях». Органы ОГПУ–НКВД информировали региональные властные органы о своей «оперативно-следственной деятельности», в том числе о проведении операций по «изъятию контрреволюционной группы кулаков», «итогах репрессий кулацких и контрреволюционных элементов», участии в проведении «политики ликвидации кулачества как класса», ликвидации в деревне «антисоветских группировок» и «повстанческих организаций» и пр.

К особой группе информационных материалов 1930-х гг. следует отнести так называемые спецсводки (спецсообщения), приуроченные к проводимым «хозяйственно-политическим кампаниям» (сельскохозяйственным, налоговым и заготовительным), сводки о колхозном строительстве, перевыборных кампаниях советов и пр. В этих документах помимо агентурных сведений обобщался большой информационный материал, полученный из служебной отчётности и информации различных государственных структур.

* * *

1. Глумная М.Н. Материалы сельхозналоговых кампаний как источник по истории единоличника первой половины 30-х годов // Материальное положение, быт и культура северного крестьянства (советский период): межвузовский сб. науч. трудов. – Вологда, 1992. – С.40.

2. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД, 1918–1939: Документы и материалы: в 4 т. / под ред. А. Береловича, В. Данилова; сост.: Л. Борисова, В. Данилов, Н. Ивницкий, В. Кондрашин, Г. Голышкина, В. Гусарченко, А. Николаев, Н. Тархова. – М., 1998–2000.

3. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. – М., 1998. – Т.1. – С.8–9; Т.2. – М., 2000. – С.51.

4. Журавлев С.В. Документальная история «четвёртой российской революции» // Рязанская деревня в 1929–1930 гг.: Хроника головокругения. Документы и материалы / отв. ред.-сост. Л. Виола, С.В. Журавлев и др. – М., 1998. – С.VI–XXI; Мартин Т. Обзоры ОГПУ и советские историки // «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). – М., 2001. – С.22–24; Смирнова Т.М. «Бывшие люди» Советской России: стратегия выживания и пути интеграции. 1917–1936 годы. – М., 2005. – С.12–13.

УДК 94:002.2

Б.Р. Колегов,
*научный сотрудник
Института языка,
литературы и истории
Коми НЦ УрО РАН*

**РЕГИОНАЛЬНАЯ ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ
КАК ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК
ПРИ ИЗУЧЕНИИ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ
1930–40-х ГОДОВ В КОМИ АССР
(на примере газеты «За новый Север»)**

30–40-е гг. XX в. были в Советском Союзе годами индустриализации и урбанизации. Эти процессы активно проводились не только в наиболее развитых в промышленном отношении регионах, но и в тех, которые обладали мощной сырьевой базой, – на Европейском Северо-Востоке, в состав которого входила территория современной Республики Коми.

Для более быстрого завершения этого процесса власти СССР использовали все ресурсы, в том числе рабочей силы.

В Коми АССР, как одном из перспективных регионов лесодобывающей и топливно-энергетической отрасли, наблюдалась активная миграция населения. В исследуемый период миграционные процессы в республике носили добровольно-вынужденный, организованный и безвозвратный характер. Их участниками выступали: коренное население республики (район – город, район – район), заключённые, спецпоселенцы, ссыльные, добровольцы по оргнаборам, специалисты народного хозяйства, государственные служащие и эвакуированные в годы Великой Отечественной войны (центральные области СССР – Коми АССР). Миграция привела к серьёзному изменению численного и национального состава населения республики и оказала серьёзное влияние на его повседневную жизнь. Процессы миграций 1930–40-х гг. в Коми республике (а их реальное воплощение началось с 1929 г.) подробно отражены в архивных документах и нашли достаточно полное отражение в работах историков [1]. Однако авторы практически не использовали для изучения миграционных процессов такой дополнительный источник, как региональная периодическая печать.

Привлечение в качестве источника газетных материалов вызывает достаточно большие споры в исторических кругах. При их использовании стоит учитывать специфику жанра и субъективизм публикаций.

Вместе с тем периодическая печать в СССР ежедневно представляла свежую и конкретную информацию о произошедших событиях, освещала все аспекты повседневной жизни в регионе в различных по стилю, форме, содержанию и информированности материалах, а также постоянно публиковала письма и обращения читателей (отметим, что в неё было вовлечено большое число рабкоров и селкоров). Поэтому материалы газеты не только позволяют проследить социально-политические, социально-экономические и социально-культурные процессы и их изменения в повседневной жизни региона, но и дают возможность конкретизировать и глубже изучить и проанализировать влияние всех внешних факторов на её изменения.

Издававшиеся в Сыктывкаре газеты «Коми колхозник», «Коми комсомолец», «Ворлэдзысь» (Лесной рабочий) (все на коми языке) и «За новый Север» (рускоязычная) были самыми популярными. Их тиражи росли. Среди них первенство принадлежало газете «За новый Север», именно поэтому она выбрана в качестве дополнительного источника, иллюстрирующего миграционные процессы и их влияние на повседневную жизнь Коми АССР [2]. На её страницах содержится большое количество прямых и косвенных фактов и деталей, позволяющих увидеть влияние миграционных процессов 1930–40-х гг. на социально-экономическое развитие Коми АССР, а также на изменения в социально-национальном составе населения республики.

В начале и середине 1930-х гг. республика являлась местом проживания коренного населения – коми, однако 240 тыс. коми населения (перепись 1937 г.) не смогли бы осуществить экстенсивного освоения огромной территории. Несомненно, что подобные процессы не могли обойтись без внешних миграций. И в первую очередь – спецпоселенцев. По данным исследователей, в 1932 г. удельный вес спецпоселенцев составлял 21%, в 1941 г. – 48%, а в 1949 г. – 45% [3].

Анализ региональной периодической печати в качестве дополнительного источника при изучении миграционных процессов 30–40-х гг. XX в. позволяет сделать вывод о том, что в исследуемый период они имели как положительные, так и отрицательные последствия.

Начнём с положительных.

На территории Коми АССР начала активно проводиться политика освоения территории и как результат выросло число населённых пунктов. Основная часть поселений располагалась в Ухтинском, Воркутинском,

Усть-Цилемском, Ижемском, Усть-Куломском, Сторожевском, Сыктывдинском, Усть-Вымском, Визингском, Прилузском, Троицко-Печорском районах. С 1941 г. их большая часть перешла в разряд рабочих посёлков, а после войны – городов (Воркута, Печора, Ухта), которые обросли собственными посёлками (Усть-Воркута, Горняцкий, Октябрьский, Комсомольский, Хасанвей (Воркута), Ижма (буд. Сосногорск), Вой-Вож, Водный (Ухта)) [4].

Анализ газетных публикаций дал следующие результаты (см. *табл. 1*).

Т а б л и ц а 1

*Количество спецпосёлков в Коми АССР в 1930–1940 гг.
(по материалам газеты «За новый Север»)*

Районы [5]	На начало 1930 г.	На начало 1950 г.
Воркутинский	0	+ 7
Кожвинский	1	+ 4
Усть-Цилемский	1	+ 1
Усть-Усинский	1	+ 13
Ижемский	1	+ 2
Ухтинский	2	+ 3
Удорский	3	+ 3
Троицко-Печорский	3	+ 3
Железнодорожный	2	+ 4
Усть-Вымский	3	+ 1
Сторожевский	6	+ 3
Помоздинский	1	+ 3
Сыктывкар	2	+ 5
Сысольский	9	+ 2
Корткеросский	1	+ 3
Усть-Куломский	9	+ 2
Койгородский	4	+ 1
Прилузский	5	+ 2
Всего	56	+ 62

Приведённые в табл. 1 цифры свидетельствует о том, что в Коми АССР число населённых пунктов с проживающими в них принудительными мигрантами выросло к 1951 г. более чем в 2 раза.

Стремительно начинает развиваться народное хозяйство Коми АССР (см. *табл. 2*).

Т а б л и ц а 2

*Развитие отраслей народного хозяйства Коми АССР
в 1930–40 гг. (по материалам газеты «За новый Север»)*

Районы [6]	Новые объекты на начало 1930 г.							Новые объекты на начало 1950 г. (без учёта данных 1930 г.)						
	Промышленность	Сельское хозяйство	Культура	Образование	Здравоохранение	Инфраструктура	Транспорт	Промышленность	Сельское хозяйство	Культура	Образование	Здравоохранение	Инфраструктура	Транспорт
Воркутинский	0	1	0	0	0	0	0	19	4	2	3	1	6	7
Кожвинский	0	0	0	3	0	0	0	1	1	0	3	0	1	0
Усть-Цилемский	0	0	0	0	0	0	0	1	1	5	0	0	0	1
Усть-Усинский	0	0	0	0	0	0	0	3	0	1	0	0	1	0
Ижемский	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	1
Ухтинский	0	0	0	0	0	2	0	23	0	4	0	2	7	3
Удорский	1	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	1	0
Троицко-Печорский	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	0	1	0
Железнодорожный	0	0	0	0	0	0	0	1	1	1	2	1	1	0
Усть-Вымский	0	0	1	0	0	0	4	5	0	0	1	0	2	0
Сторожевский	0	0	0	0	0	1	0	0	1	1	0	0	1	0
Помоздинский	1	0	0	0	0	0	0	3	0	1	1	0	1	0
Сыктывкар	3	5	2	5	1	4	1	11	0	1	4	2	15	7
Сысольский	0	0	0	0	0	0	0	4	1	1	1	1	1	0
Корткеросский	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2	1	1	3	0
Усть-Куломский	0	2	0	0	0	0	0	0	0	1	1	1	2	0
Койгородский	0	0	0	0	0	0	0	1	0	2	2	1	2	1
Прилузский	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	4	1	4	0
Всего	6	9	4	8	1	7	5	72	9	23	25	11	49	20

Приведённые в табл. 2 данные убедительно показывают, что к 1951 г. народное хозяйство Коми АССР в разных его отраслях выросло в 4–12 раз по сравнению с 1930 г. и существенно изменилось.

До 1930 г. промышленность Коми АССР носила достаточно однобокий характер – лесодобыча. Шёл активный рост лесопунктов и лес-

промхозов в Усть-Куломском, Удорском, Прилузском, Троицко-Печорском, Усть-Цилемском, Усть-Усинском, Сторожевском, Помоздинском и Железнодорожном районах (на базе возникавших поселений). К середине 1930-х гг. была завершена электрификация многих предприятий (электростанции в Вичкодоре, Визинге, Кылтово, Ношуле, Серёгово, Сторожевске, Троицко-Печорске и Подъельске; локомобили в Локчине, Палевицах, Усть-Куломе, Объячево), и началось строительство при них лесоперерабатывающих цехов и заводов (лесозавод, цех лесопиления и шпалозавод в Сыктывкаре, шпалорезка в Часово и Помоздино, цех лесопиления в Щельяюре, сушильный цех в Нювчине). С развитием лесоперерабатывающей отрасли часть предприятий была, за счёт быстро растущей сети МТС, преобразована в мехлесопункты (Койгородок, Кряж, Палевицы, Пожегод, Пажга, Поруб).

Параллельно в республике начали развиваться судостроительная отрасль (судоремонтная мастерская в Троицко-Печорске, ремонтно-механические мастерские, Вычегодская судовой верфь) и лесосплав (затон сплава «Красный водник» в Сыктывкаре и запани Вычегодлесосплав по рекам Сыsole, Вычегде и Печоре).

Топливо-энергетическая отрасль (Воркута, Ухта и Инта) получила своё развитие только в годы Великой Отечественной войны. К концу войны, судя по количеству газетных материалов, она не только стала ведущей, но и обросла перерабатывающими предприятиями (сажевый завод в Ухте и Крутой, ремонтно-механический завод в Инте, производство битума в Ухте, газовый промысел в Вой-Воже, нефтепровод Вой-Вож – Ухта, сажевый завод в Сосногорске, добыча тяжёлой нефти на Яреге).

Вместе с тем с 1931 г. в Коми АССР активно развивается потребкооперация: предприятия и артельные мастерские по ремонту и изготовлению предметов быта, обуви и одежды, хозяйственных товаров (артель «Северный кустарь», горпищекомбинат и кожкомбинат в Сыктывкаре, сапоговаляльная фабрика в Вильгорте), производству мебели (артель «Красная гора» и производственный комбинат «Комиторга» в Сыктывкаре). Потребкооперация обеспечивала, пусть и не полностью, население республики товарами первой необходимости.

Серьёзные изменения, по материалам газет, произошли в сельском хозяйстве. К началу 1930-х гг. в республике стали формироваться колхозы. Однако в силу природных условий, жёстких правительственных норм хлебозаготовок и трудповинностей на лесозаготовках колхозы Коми АССР не могли обеспечивать своей продукцией резко выросшее за счёт мигрантов население. Положение с продовольствием стало до такой степени тяжёлым, что власти республики с 1932 г. стали проводить «советские

ярмарки», где колхозы продавали свою продукцию, а взамен получали хозяйственные и промышленные товары. Параллельно в районах республики начали формироваться совхозы (Кылтово (Железнодорожный), Новый Бор, Харьяг, Западный, Центральный, Тепличный (Воркута), Большая Инта (Инта), совхоз НКВД (Сыктывкар)), которые к 1949 г. смогли обеспечивать большую часть республики не только свежими овощами, но и мясом и рыбой.

Благодаря большому притоку мигрантов в республике стало развиваться профессиональное образование (строительный техникум, фельдшерско-акушерская школа, кооперативный и сельскохозяйственный техникумы, Коми пединститут, педучилище (Сыктывкар), горно-нефтяной техникум, техникум железнодорожного транспорта (Ухта), горный техникум (Воркута), речной техникум (Щельяур), железнодорожные училища (Княжпогост и Микунь)). Это позволило не только сохранять в годы войны ресурс трудовых резервов, но увеличивать его за счёт ускоренных курсов ФЗО и профессиональной переподготовки. После войны в Коми АССР активно стало развиваться заочное и очно-заочное среднетехническое и высшее образование.

В 30–40-е гг. XX в. в республике была создана система здравоохранения. Появилась сеть районных больниц и поликлиник (Воркута, Ухта, Инта, Печора, Сыктывкар), республиканская СЭС, врачебно-физкультурный диспансер и республиканская больница (Сыктывкар). В посёлках Коми АССР были сформированы фельдшерско-акушерские пункты. Появилась санитарная авиация.

В эти же годы стала развиваться транспортная система. Были построены автодороги (Усть-Вымь – Ухта, Троицко-Печорск – Сыня – Ухта, Ижма – Ираель, Сыктывкар – затон «Красный водник», Крутая – Троицко-Печорск, Краснобор – Усть-Цильма), узкоколейные железные дороги (Воркута – Вом, Айкино – Шежам – Княжпогост) и железная дорога Котлас – Воркута. С 1932 г. в Сыктывкаре стало базироваться авиазвено. Из Сыктывкара начали совершаться авиаперелёты в Усть-Кулом, Троицко-Печорск, Ухту, Абезь, Котлас, Архангельск, Объячево, Киров, Усть-Усу, Кожву, Горький, Москву. В 1946 г. был открыт аэропорт в Воркуте. Стало развиваться автобусное движение между районами (Сыктывкар – Мураши, Сыктывкар – Айкино) и внутри населённых пунктов (автобусное сообщение в Сыктывкаре и в Воркуте).

В республике стала развиваться и культура. Появляются драматические и музыкально-драматические театры (Сыктывкар (1931), Ухта (1938), Воркута, Абезь (1943), Печора (1945), Инта (1946)), передвижные театры (Объячево и в Ижма (1938), Корткерос (1946), Княжпогост (1947)),

строятся дома культуры, музыкальные школы и музыкальные училища, кинотеатры. Стремительно развивается художественная самодеятельность.

Сильно изменилась инфраструктура городов и рабочих посёлков: началось строительство коммунальных бань, магазинов, хлебопекарен, молокозаводов, хлебо- и мясокомбинатов. В Сыктывкаре и Воркуте были построены кирпичные заводы (1930 и 1937 г. соответственно). В Коми АССР стало развиваться коммунально-бытовое хозяйство. Населённые пункты республики электрифицировали. Происходило их озеленение.

Численность населения республики из-за внешних мигрантов стремительно росла и с 1932 по 1949 г. увеличилась в 2 раза (с 326 до 643 тыс. человек) [7]. Поэтому отдельно стоит сказать о влиянии миграционных процессов на изменение социального и национального состава населения республики. Он менялся в зависимости от складывавшейся в стране ситуации и от численности мигрантов. В 1930-е гг. это были раскулаченные из центральных областей СССР. В 1941–1945 гг. – поляки, немцы, а также эвакуированные из Ленинградской области и Карело-Финской СССР (преподаватели и студенты Петрозаводского университета, сотрудники Академии наук и ленинградского университета), Кемерово (инженерно-технический состав и рабочие шахт). С 1945 по 1950 г. к уже проживавшим в Коми АССР мигрантам прибавились солдаты Советской армии, находившиеся в фашистском плену или осуждённые военным трибуналом, полицейские, служившие фашистской Германии, участники РОА и ОУН, жители Прибалтики и Западной Украины. После войны население республики пополнялось за счёт оргнаборов, госслужащих, партийных и советских работников. Уровень мигрантов к 1950 г. составил 45% от общего числа населения [8]. Это не могло не найти отражения и на страницах газет. Анализ авторизованных газетных публикаций по фамилиям авторов и тех, кто упоминается в публикациях, позволяет, пусть и достаточно косвенно, выявить следующие изменения в национальном составе населения Коми АССР: в 1940-е гг. по сравнению с 1930-ми гг. в газетах выросло число фамилий, не имеющих никакого отношения к коми фамилиям (Братцев, Бубрих, Генчель, Захаров, Каторгин, Лаппа-Старжецкий, Массальский, Мордвинов, Мошков, Никишин, Новак, Постников, Ранинин, Рекемчук, Чернов и др.). Изменился и социальный состав авторов. Если раньше основную часть рабкоров газеты составляли рабочие и колхозники, то со второй половины 1930-х гг. больше статей и писем в газету стали писать инженерно-технические работники, сотрудники государственных структур и учреждений социальной сферы.

Несмотря на положительное влияние, внешние миграции имели для республики отрицательные последствия. Возникли серьёзные про-

блемы с водоснабжением, вывозом бытовых отходов, помывкой жителей и снабжением жилых домов электроэнергией, наблюдался рост асоциального поведения (пьянство, кражи, хулиганство, ненормативная лексика, драки и испражнения в общественных местах), жилищный кризис (количество жильцов на 18 м² в рабочих общежитиях – 12 человек (в студенческих – 8), в муниципальных домах – 9, в ведомственных домах – 6).

В республике начался продовольственный кризис, связанный с проблемами поставки (только речными путями) продуктов питания и хозяйственных товаров (спичек и керосина, спецодежды и повседневной одежды и обуви). Как говорилось выше, колхозы и потребкооперация не могли полностью удовлетворить растущие потребности. Поэтому с 1932 г. жителям леспромхозов и лесопунктов было разрешено заниматься приусадебным сельским хозяйством, а при промышленных предприятиях стали организовываться подсобные хозяйства. С 1935 г. в районных пунктах и Сыктывкаре стали проводиться колхозные ярмарки и появились УРСы и ОРСы.

Серьёзные проблемы начались и в сфере предприятий общественного питания. Они не справлялись с большим наплывом мигрантов. В столовых Сыктывкара, в рабочих посёлках и леспромхозах качество блюд и санитарные условия общепита вызывали серьёзную критику населения.

Ухудшилась и санитарно-эпидемиологическая ситуация: в Коми АССР начался рост инфекционных и венерических заболеваний.

Начались серьёзные перебои с оплатой труда. Бюджетникам и рабочим задерживали выплаты на 2–3 месяца. Не было и стимулов поощрения (денежных премий). Передовиков и ударников производства награждали дефицитными товарами (отрезами ткани, обувью и одеждой).

Таким образом, анализ публикаций республиканской газеты «За новый Север» 1930–1940-х гг. позволяет констатировать, что региональную периодическую печать можно использовать в качестве дополнительного источника (при всём её субъективизме и недостатках) при изучении миграционных процессов, проходивших в СССР в указанный период.

* * *

1. *Лыткина Т.С., Фаузер В.В.* Государственное управление принудительной миграцией как способ освоения Севера России // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2016. – Т. XIX. – № 1 (84). – С. 108–109.

2. *Летопись печати Республики Коми. 2011: гос. библиогр. указатель* // сост. И.И. Табаленкова. – Сыктывкар, 2014. – С. 169.

3. *Лыткина Т.С., Фаузер В.В.* Указ. соч. – С.98.
4. *Жеребцов И.Л.* Населённые пункты Республики Коми: историко-демографический справочник. – М., 2001.
5. Историко-культурный атлас Республики Коми. – М., 1997. – С.136.
6. Историко-культурный атлас Республики Коми...
7. *Жеребцов И.Л., Таскаев М.В., Рогачев М.Б., Колегов Б.Р.* Историческая хроника. Республика Коми с древнейших времён. – Сыктывкар, 2002. – С.199.
8. *Лыткина Т.С., Фаузер В.В.* Указ. соч.

В.И. Силин,

д-р геогр. наук, гл. научный сотрудник

Института языка, литературы

и истории Коми НЦ УрО РАН

Н.Н. Канева,

студентка

ФГБОУ ВО «Сыктывкарский

государственный университет

имени Питирима Сорокина»

РОДОСЛОВНАЯ ВОРКУТИНСКОГО ГЕОЛОГА К.Г. ВОЙНОВСКОГО-КРИГЕРА

Имя **Константина Генриховича Войновского-Кригера** занимает почётное место в ряду выдающихся исследователей природных богатств нашей страны. Он обосновал многие направления развития северной топливной базы Европейского Северо-Востока, создал первую научно обоснованную концепцию геологического строения и истории развития Печорского угольного бассейна, выделил 2 геоструктурные зоны палеозойских отложений Полярного Урала – Лемвинскую и Елецкую. Его считают основоположником геологии Полярного Урала [1].

После окончания в 1928 г. Ленинградского горного института К.Г. Войновский-Кригер был командирован Геолкомом в Западную Европу для ознакомления с палеонтологическими материалами. Через год после возвращения, 5 мая 1929 г., был арестован, осуждён Коллегией ОГПУ по ст.58 п.4 на 10 лет лишения свободы и этапирован в район Ухты [2]. Здесь, на Севере, ему предстояло провести 25 лет. Здесь он совершил невозможное: состоялся как учёный и создал свою научную школу из репрессированной молодёжи. Будучи оптимистом, он и в плохом видел плюсы и находил положительные моменты даже в том, что его посадили. Во-первых, как он говорил, иначе он не встретился бы с Лемвинской зоной. А во-вторых... это спасло ему жизнь [3]. Многие слушатели «кригеровских» курсов («кригеровские» ученики) стали известными геологами Печорского края: А.В. Македонов, Г.М. Ярославцев, В.В. Ифанова, С.А. Ифанов, Г.И. Дембская, Т.П. Истомина [4].

В 1931 г. на Средней Печоре им было открыто Еджыд-Кыртинское угольное месторождение, которое по промышленному освоению стало первым в Коми крае, разработана первая детальная стратиграфическая

схема этого месторождения и охарактеризовано его географическое строение [5]. Именно за эту заслугу в 1932 г. он был досрочно освобождён, но уехать на родину не смог, т.к. был «закреплён за Севером».

В августе 1936 г. К.Г. Войновский-Кригер покидает Еджыд-Кырту. В качестве старшего геолога Рудника он был переведён в Заполярье, в Воркуту. Уже в 1937 г. он открыл западное крыло воркутинской мульды, а через 2 года разработал схему стратиграфии и тектоники этого месторождения. Им было впервые сделано теоретическое обоснование образования угольных пластов в Печорском бассейне и установления их геологических границ. Под его руководством и при его личном участии была составлена первая геологическая карта Печорского угольного бассейна [6].

Не остался без его внимания и Полярный Урал. Ему удалось создать первую стройную картину двух структурных зон западного склона Полярного Урала и верно наметить их пространственно-временное соотношение, историю геологического развития и закономерности образования многих полезных ископаемых, которыми богат Полярный Урал. Учёный сумел опередить геологическую науку региона на 40 лет [7].

Родословная К.Г. Войновского-Кригера начинается с доктора медицины **Бронислава Онуфриевича Кригер-Войновского**, *его деда по линии отца*, принадлежавшего к дворянам Минской губернии. После окончания Московского университета Б.О. Кригер-Войновский служил военным врачом на Кавказе, был старшим врачебным инспектором Терской области. Он был *женат* на *Фанни Альбертовне Гольдшмит*, которая, судя по фамилии, имела немецкие корни. Они имели 2 *дочерей* – *Изабеллу* и *Анну* – и 2 *сыновей* – *Эдуарда* и *Генриха* [8].

Старший из сыновей, **Эдуард Брониславович Кригер-Войновский**, был не только одним из крупнейших специалистов по железным дорогам, но государственным деятелем, инженером. Он был последним министром путей сообщения Российской империи (пробыл на этом посту ровно 2 месяца). Начавшаяся буржуазно-демократическая революция не сумела сделать справедливый выбор между знающими своё дело специалистами и политически ангажированными чиновниками [9].

Э.Б. Кригер-Войновский был *женат* на дочери грозненского купца первой гильдии *Александре Николаевне Ярмонкиной*. В их семье родились 2 сына – *Сергей*, ставший самым близким другом детства и юности Константина Генриховича, и *Дмитрий*, который в возрасте 20 лет был расстрелян большевиками. **Сергей** работал гражданским инженером, главным образом в Германии. Опубликовал ряд работ по специальности и преподавал в одном из немецких высших учебных заведений. В 1950 г. он переселился в Канаду, преподавал на инженерном факультете в универси-

тете Лаваль в Квебеке до ухода на пенсию [10]. Он *был женат* на *Ольге Павловне Янушевской*, дочери инженера-технолога Павла Степановича Янушевского. В браке родился *сын* – **Александр Сергеевич Войновский-Кригер**, который, так же как и отец, стал гражданским инженером и в дальнейшем работал преподавателем на факультете гражданских инженеров при университете Лаваль в Квебеке [11]. Александр *женился* на *Татьяне Георгиевне Войновской-Кригер* и у них родились 3 сына – *Михаил, Сергей, Алексей*.

Родной брат Эдуарда Брониславовича – **Генрих Брониславович**, отец Константина, был военным инженером, состоял в числе штаб-офицеров, положенных по штату в распоряжении Главного инженерного управления. Был управляющим строительством Владивостокской крепости, помощником строителя и заведующим хозяйственной частью той же крепости. Примерно через год получил повышение по службе и высочайшим приказом переведён в Петербург – исполнять должность генерала для поручений при ГВТУ. За верную службу Отечеству был награждён орденами: Св. Владимира 3-й и 4-й степени, Св. Анны 2-й и 3-й степени, Св. Станислава 2-й и 3-й степени, серебряной медалью «В память царствования императора Александра III» и серебряной светло-бронзовой медалью «В память 300-летия царствования дома Романовых» [12]. Его *женой* была *Евгения Константиновна Тржасковская*, дочь офицера, окончившая педагогические курсы С.-Петербургских женских гимназий с серебряной медалью. Её отец, дед К.Г. Войновского-Кригера по материнской линии, *Константин Осипович Тржасковский* был драгунским офицером, служил в 34-м драгунском Его Императорского Высочества принца Петра Ольденбургского Стародубском полку. Его *женой* была *Каролина Альбертовна Тржасковская* (урожд. Гольдшмит) [13]. У Генриха и Евгении родилось двое детей – *Тамара* и *Константин*. Тамара в дальнейшем вышла замуж за *Степана Гавриловича Пашковского*, у них родился сын – **Игорь Степанович Пашковский**, выдающийся российский гидрогеолог, доктор геолого-минералогических наук, который внёс огромный вклад в гидрогеологию и геоэкологию России [14].

Старший брат Тамары, **Константин Генрихович**, почти четверть века провёл в Коми крае, вместе с семьёй покинул Воркуту только в 1956 году. Они переехали в Алма-Ату. Константин Генрихович по конкурсу избирается на должность профессора Казахского политехнического института. Уехав из Воркуты, К.Г. Войновский-Кригер сохранил тесные связи с северным городом и Республикой Коми: он активно сотрудничал с Воркутинским музеем и музеем объединения «Полярноуралгеология» (с недавних пор носит его имя). К.Г. Войновский-Кригер награждён орденами

Красной Звезды и «Знак Почёта» (1948), медалью «За доблестный труд». Ему присвоено звание «Заслуженный деятель науки и техники Коми АССР» [15].

Ирина Александровна Войновская-Кригер (урожд. Фёдорова), жена *К.Г. Войновский-Кригер*, – дочь его родной тётки Изабеллы Брониславовны. Она последовала за мужем на Север в первые годы заключения (ей пришлось оставить у родителей трёхлетнюю дочь). И.А. Войновская-Кригер была высококвалифицированным терапевтом, проработала много лет в городской поликлинике и оставила о себе добрую память в сердцах воркутян.

Их дочь, **Ксения Константиновна Войновская**, окончила в 1949 г. биофак МГУ и поступила в аспирантуру Института биохимии им. А.Н. Баха АН СССР, защитила в 1952 г. диссертацию на тему «Исследование фотохимических свойств бактериохлорофилла». До 1956 г. она с большим увлечением работала в лаборатории фотобиохимии этого института. Переехав в Алма-Ату, стала работать в Институте ботаники АН Казахской ССР в лаборатории фотосинтеза, позже создала в составе этой лаборатории самостоятельную группу по изучению хлорофиллов растений, которую возглавляла до 1983 г. [16].

Изабелла Брониславовна, родная сестра *Генриха и Эдуарда*, вышла замуж за их коллегу, военного инженера *Александра Львовича Фёдорова*. А.Л. Фёдоров был управляющим строительством Владивостокской крепости, после прихода к власти Временного Приамурского правительства сдал должность. В 1923 г. стал главным инженером и заведующим строительством Приморского Государственного Мукомольного треста. Во время событий в Манчжурии был мобилизован для выполнения строительных военных работ по укреплению Владивостока. В 1931 г. – в связи с болезнью вышел на пенсию, позже переехал в Ленинград, где жили его сыновья. Был награждён орденами Св. Станислава 2-й степени (1904), Св. Анны 2-й степени (1907), Св. Владимира 4-й степени (1912), Св. Владимира 3-й степени (ВП 06.12.1914) [17].

У **Изабеллы** и **Александра Львовича** были 2 дочери – *Ирина* (жена Константина Генриховича) и *Елена* – и 2 сына – *Сергей* и *Георгий*. **Сергей Фёдоров** жил в Ленинграде с родителями. У него был туберкулёз, и в армию его не взяли (в декабре 1941 г. Сергей умер в больнице от болезни). **Георгий Фёдоров** в 1941 г. жил с семьёй в Ленинграде. К началу войны окончил экономический факультет Ленинградского и аспирантуру Политехнического института. На фронт пошёл добровольцем, был комиссаром, политработником. Окончил войну в звании майора, а 1945 г. ему было присвоено воинское звание подполковника. В 1950 г. он стал полков-

ником. После войны Г.А. Фёдоров продолжил преподавательскую и научную работу, с 1948 г. – в Москве на кафедре философии Военно-политической академии им. Ленина в качестве старшего преподавателя, доцента. Был *женат* на *Инне Евгеньевне Фёдоровой*. В браке родились 2 дочери – *Татьяна Георгиевна Фёдорова* и *Наталья Георгиевна Фёдорова*. **Георгий Александрович** был награждён 4 орденами (из них 3 – боевых: Красной Звезды, Отечественной войны I-й и II-й степени) и 10 медалями (в том числе «За оборону Ленинграда», «За оборону советского Заполярья», «За победу над Германией», «За освобождение Кореи», «За победу над Японией», «За боевые заслуги») [18].

Ещё одна *сестра*, **Елена Александровна Фёдорова**, в 1913 г. уехала в столицу учиться на Санкт-Петербургских высших женских (Бестужевских) курсах. В 1917 г. отправилась к родителям во Владивосток и осталась там, не окончив обучение. Во Владивостоке работала канцелярской служащей, заведовала библиотекой Народного университета. Двадцать второго марта 1923 г. была восстановлена в правах студента и продолжила обучение на Петроградских высших женских курсах. Летом она с младшим братом Юрием поехала навестить родителей во Владивостоке, где в возрасте 33 лет скончалась.

Информация об Анне Брониславовне, сестре Изабеллы, Генриха и Эдуарда, на данный момент отсутствует.

* * *

1. *Маркова Е.В., Войновская К.К.* Константин Генрихович Войновский-Кригер (1894–1979). – М.: Наука, 2001.

2. Войновский-Кригер Константин Генрихович. Биография. – URL: <http://www.bankgorodov.ru/famous-person/voinovskii-kriger-konstantin-genrihovich> (дата обращения: 14.02.2018).

3. *Пучков В.Н.* «Мои высокие широты, мои далёкие костры» (воспоминания геолога). – Уфа, 2012.

4. Войновский-Кригер Константин Генрихович. Биография. – URL: <http://polyarny.net/lyudi/vojniovskijj> (дата обращения: 14.02.2018).

5. *Маркова Е.В., Войновская К.К.* Указ. соч.

6. *Маркова Е.В., Войновская К.К.* Указ. соч.

7. *Маркова Е.В., Войновская К.К.* Указ. соч.

8. *Кригер-Войновский Э.* Записки инженера. – М., 1999.

9. *Маркова Е.В., Войновская К.К.* Указ. соч.

10. *Могилянский М.* Войновский-Кригер Сергей Эдуардович // Архив Е.А. Александрова. – 2001. – С.1.

11. *Могиланский М.* Указ. соч.
12. Войновский-Кригер Генрих-Оскар Брониславович. Биография. – URL: <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=5158> (дата обращения: 14.02.2018).
13. *Маркова Е.В., Войновская К.К.* Указ. соч.
14. Памяти Игоря Степановича Пашковского // Геоэкология. Инженерная геология. Гидрогеология. Геокриология. – 2012. – № 3. – С.287–288.
15. Человек громадного таланта – Константин Генрихович Войновский-Кригер // Официальный сайт Воркутинского музейно-выставочного центра. – URL: <http://museumworkuta.ru/publikacii/stati/chelovek-gromadnogo-talanta> (дата обращения: 14.02.2018).
16. *Маркова Е.В.* Жили-были в XX веке // Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий «Покаяние». – Сыктывкар, 2006. – С.334. – Приложение № 8.
17. *Кригер-Войновский Э.* Указ. соч.
18. Сайт «Бессмертный полк». – URL: <http://www.moypolk.ru/soldiers/fedorov-georgiy-aleksandrovich>

М.И. Нисковская,

*канд. ист. наук, ст. научный
сотрудник Института языка,
литературы и истории
Коми НЦ УрО РАН*

ГАЗЕТА «ЗАПОЛЯРНАЯ КОЧЕГАРКА» ВОРКУТИНСКОГО ИТЛ МВД СССР В 1943–1950 гг.

Периодическая печать в советском государстве играла важную роль в укреплении эмоционально-интеллектуальных связей с населением. Через печатные издания представители власти транслировали необходимые им лозунги, идеи для того, чтобы трудящиеся думали в «правильном», регулируемом государством направлении, особенно это проявлялось в газетной периодике. Отметим, что частью советской системы массовой информации была лагерная пресса, которая «внедряла в сознание людей гипертрофированное пренебрежение к человеческой жизни, материальным благам, личной независимости, идеализировались бескорыстие, бессребрничество, нищенские потребности» [1]. Однообразные, простые, чётко сформулированные, постоянно повторяющиеся фразы и образы, используемые в лагерных газетах, должны были быть общедоступными, понятными и решать агитационные задачи. «Точную цифру лагерных периодических изданий назвать сложно, поскольку многие газетные подшивки и архивы редакций газет были уничтожены» [2]. Печатные издания в исправительно-трудовых лагерях (далее – ИТЛ) утверждались и действовали в соответствии с Положением о многотиражных газетах лагерей и строительстве ГУЛАГа НКВД от 03.02.1940. По словам А.Ю. Горчевой, основная задача многотиражной газеты – борьба за «воспитание в духе беззаветной преданности социалистической родине, ненависти и неприимости к врагам народа» [3].

Одним из регионов, история которого тесно связана с системой ГУЛАГа, была Коми АССР. В 1930 г. в связи с открытием Г.А. Черновым воркутинского месторождения угля появился один из самых северных населённых пунктов данного региона – Воркута. В 1930–1950-е гг. именно здесь был расположен один из крупнейших лагерей ГУЛАГа – Воркутинский ИТЛ (известный также как Воркутастрой, Воркутпечлаг). Воркутастрой первоначально был составной частью Ухто-Печорского треста.

В конце 1939 г. ЦК ВКП(б) признал необходимым создание самостоятельного политотдела воркутинского строительства. История этого учреждения была связана с периодическим изданием – газетой «Заполярная кочегарка».

Несмотря на то, что изучением периодической печати занимались многие исследователи, газета «Заполярная кочегарка» не стала самостоятельным предметом рассмотрения. Лагерной периодикой в Коми регионе занималась Х.И. Петкова, но источниковедческий анализ лагерных газет ею не проводился [4]. Исходя из архивных данных, она не просматривала все номера определённой газеты, работ с описанием конкретных газет не публиковала. Также имеются исследования лагерной прессы в советском государстве, например А.Ю. Горчевой, но они имеют другой исследовательский вектор. Можно сказать, что изучение газеты «Заполярная кочегарка» в предложенном нами ракурсе проводится впервые.

Газета «Заполярная кочегарка» начала издаваться в 1941 г., но сохранились только номера начиная с 1943 г., которые хранятся в Национальном архиве Республики Коми*. Последний номер вышел в 1953 г., в данной статье проведён источниковедческий анализ газеты до 1950 года. В 1943 г. вышло 75 номеров газеты, из них 58 двухполосных номеров, 16 – четырёхполосных и 1 номер на шести полосах (последний был выпущен в связи с награждением группы строителей Воркуты орденами и медалями СССР). Общий тираж газеты в 1943 г. составил 116 000 экземпляров. По мнению Х.И. Петковой, «особые условия многотиражной печати определялись тем, что она являлась органом политических отделов исправительно-трудовых лагерей и колоний МВД, поэтому редакции обязаны были строго соблюдать требования цензуры и не открывать секретов служебно-оперативной работы» [5].

В 75 номерах газеты «Заполярная кочегарка» помещены 115 статей, переданных по радио, опубликованных в центральных газетах: доклады и приказы И.В. Сталина, передовицы «Правды», материалы о борьбе Красной Армии, жестокости фашистских оккупантов, а также предназначавшиеся в помощь агитаторам на предприятиях. В подшивке «Заполярной кочегарки» можно найти заметки производственной тематики, о партийной жизни, письма с фронта, информацию о культурно-бытовом обслуживании и жилищных условиях трудящихся.

* Краткую информацию о первом номере газеты «Заполярная кочегарка» см.: *Петкова Х.И.* Периодическая печать лагерей-строек НКВД СССР в Коми АССР в довоенный период (1930-е–1941 гг.) // Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на Европейском Севере. – Сыктывкар, 2013. – С.87–98.

В газете «Заполярная кочегарка» производственная тематика стояла на первом месте. Всего по этой теме было опубликовано 203 статьи. Вопросам, непосредственно связанным с угледобычей, была посвящена 81 статья. В газете перекликаются военная тематика и производственная: «Война поставила перед строителями Воркуты задачу шаг за шагом в процессе строительства раскрывать возможности формированной эксплуатации строящихся шахт» [6], «Уголь – хлеб промышленности, поэтому надо давать угля столько, сколько требует наша Родина для победы над врагом» [7]. Главная цель издания «Заполярной кочегарки» – агитационная. Газета взывала к трудящимся, приводя примеры хороших работников, предавая поруганию плохих, содержала различные лозунги. Таким образом редакция газеты стремилась повысить производительность и качество труда в Воркутастрое.

Одним из видов агитирующих за плодотворный труд публикаций, по мнению руководства издания, считалось освещение хода социалистического соревнования. Каждый месяц газета печатала итоговый материал по соревнованию, рассказывала о передовиках. Но, несмотря на призывы, лозунги, освещение результатов соревнования, акцентирование внимания на хороших работниках, порицание плохих с озвучиванием конкретных шахт и фамилий, действенность заметок «Заполярной кочегарки» была слабой.

В 1944 г. Политический отдел ГУЛАГа НКВД СССР поставил следующие задачи в работе политических отделов, партийных и комсомольских организаций лагерей, строек и колоний НКВД: «... мобилизация коллективов лагерей, строек и колоний на успешное выполнение исторических указаний товарища Сталина... Обеспечение выполнения производственного плана первого квартала, ритмичной работы хозяйственных подразделений, дальнейшего развёртывания социалистического и трудового соревнования» [8]. В этом году первый номер газеты «Заполярная кочегарка» вышел 1 января. В нём говорилось о Государственном гимне Советского Союза, но главный упор делался на следующем: «... в 1944 году необходимо достроить все действующие шахты и в первую очередь угольные комплексы... Назначена широкая программа развития подъездных путей для бесперебойной отгрузки нашей продукции фронту... Население Воркуты должно получить большие светлые дома, столовые, клубы, бани, больницы... Строительство детских садов, ясель, школ занимает почётное место в плане 1944 года» [9].

Весь 1944-й г. газета проводила работу по изучению и разъяснению выступлений и приказов товарища Сталина, описывала подвиги бойцов

Советской армии, пропагандировала дела стахановцев, и в то же время бичевала недостатки в работе. Тем самым «Заполярная кочегарка» объединяла фронт и тыл. Как и прежде, газета агитировала: «Давайте с первых дней нового, 1944 года наберём такие темпы, которые бы обеспечивали выполнение и перевыполнение месячных, квартальных и годовых планов» [10], пропагандировала железную дисциплину во всех звеньях производства, чёткую работу по графику, выполнение и перевыполнение плана, приводила примеры хороших работников.

С января 1945 г. газета «Заполярная кочегарка» выходила 3 раза в неделю, всего за год было выпущено 136 номеров. Помимо этого, было издано 87 специальных номеров: с сообщениями Советского информационного бюро – 62, экстренных выпусков – 6, газет выездной редакции на шахте № 8, Теплоэлектроцентрали и шахтах-новостройках № 7 и № 12–15; 4 номера было посвящено работе военизированной охраны. Общий тираж «Заполярной кочегарки» составил 304 000 экземпляров, тираж специальных выпусков – 26 400 экземпляров.

Как известно, 1945 г. является одним из важнейших в отечественной истории, он связан с победой СССР в Великой Отечественной войне. Но, несмотря на столь важные события, на страницах газеты «Заполярная кочегарка» им уделялось немного внимания. Статьи, посвящённые этой тематике, были также направлены на повышение производительности труда, увеличение объёмов добычи угля. Например, встречаются заметки, в которых говорится о завершающем военном этапе: «... сейчас наступил завершающий этап Великой Отечественной войны. Каждый день приближает нас к окончательному разгрому ненавистного врага. На работников тыла возложена огромной важности задача – дать фронту всё необходимое для успешной борьбы с немецко-фашистскими захватчиками» [11]. По поводу блокады Ленинграда в газете «Заполярная кочегарка» за 1945 г. отмечалось: «... в тяжёлое время блокады Ленинграда горняки Воркуты посылали нашему городу (Ленинграду. – *Примеч. авт.*) уголь... Всеми силами поможем шахтёрам Печорского бассейна увеличить добычу угля» [12]. В номере от 11 мая 1945 г. говорилось об окончательной победе в Великой Отечественной войне: «Товарищи! Великая Отечественная война завершилась нашей полной победой. Период войны в Европе кончился. Начался период мирного развития...» [13]. Но уже в следующем номере газеты от 15 мая 1945 г. акцент с победы смещается на тяжёлый труд горняков: «... в первые дни после войны с огромным воодушевлением работают горняки, стремясь ещё больше усилить мощь Родины» [14].

В 1945 г. редакция газеты «Заполярная кочегарка» пополнилась рабкорским активом: работало 375 рабкоров, тогда как в 1944 г. их было

всего 167. В 1945 г. рабкоры в общей сложности написали 1 280 корреспонденций, из которых 1 176 было размещено в газете. К участию в работе газеты стал сильнее привлекаться партийный и общественный актив комбината: секретари партийных организаций, работники прокуратуры, начальники шахт, инженерно-технические работники и другие.

В последующие годы были закреплены новые требования к работе редакций лагерных газет: «... всякого рода объявления в газетах о наборе специалистов, рабочих и служащих помещать, не допуская в тексте расшифровки объектов и строителей, районов их дислокации, а также характер проводимых ими работ...» [15]. Был установлен строжайший контроль за публикацией материалов, фотоснимков в местной многотиражной печати. В газетах было категорически запрещено публиковать данные об объёмах работ, оперативных сводок. Выпуск печатных изданий без визы уполномоченного Литературно-издательского отдела Народного комиссариата просвещения был запрещён.

С 1 января по 31 декабря 1946 г. вышло 159 номеров газеты «Заполярная кочегарка». Кроме этого, выпущено 9 номеров выездной редакцией на строительстве плотины и шахт-новостроек Северного района. Общий тираж газеты составил 397 500 экземпляров, специальных выпусков выездной редакции – 1 800 экземпляров. За это время выпущено 8 сменных полос для охраны общим тиражом 4 000 экземпляров, 3 листовки с биографиями кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР, 3 плаката положения о выборах, 22 разных плакатов и лозунгов и 14 специальных выпусков, посвящённых выборам в Верховный Совет СССР и изучению 5-летнего плана редакцией газеты. Ежемесячно выпускался плакат «Победителям социалистического соревнования по предприятиям».

«Заполярная кочегарка» агитировала за участие в голосовании 10 февраля 1946 г., особенно в период подготовки к выборам в Верховный Совет СССР: «Товарищи избиратели! 10 февраля, в день выборов в Верховный Совет СССР, единодушно отдадим свои голоса за кандидатов Сталинского блока коммунистов и беспартийных т.т. Тараненко, Мальцева и Горшенина» [16]. На страницах газеты регулярно публиковались материалы в помощь пропагандисту и агитатору, в которых разъяснялись Советский избирательный закон, права и обязанности граждан СССР, порядок и время голосования, велась агитация за кандидатов сталинского блока коммунистов и беспартийных [17].

В ходе подготовки к выборам в Верховные Советы РСФСР и Коми АССР газета «развернула на своих страницах борьбу» за досрочное выполнение плана первого года четвёртой сталинской пятилетки: «На заботу партии и правительства о трудящихся Печорского угольного бассейна

ответим повышением производительности труда и сверхплановыми тоннами угля!» [18].

С 1 января по 31 декабря 1947 г. вышло 152 номера газеты «Заполярная кочегарка» общим тиражом 380 000 экземпляров. Также было выпущено 6 сменных полос для личного состава лагерной охраны и 20 листовок, посвящённых выборам в местные советы и другим темам, тираж их – 3 000 экземпляров, специальных выпусков – 5 000 экземпляров, а сменных полос – 3 000 экземпляров. «За год в газете приняло участие – 376 рабкоров, из них впервые начавших писать в 1947 г. – 120 рабкоров» [19]. На шахтах и предприятиях комбината было выпущено свыше 150 стенгазет.

В 1947 г. редакция газеты «Заполярная кочегарка» продолжала агитировать шахтёров выполнять большие объёмы работы и критиковала тех, кто с этими требованиями не справлялся: «Иное дело на шахтах №№ 8, 10, 12 и т.д. Руководители этих шахт т.т. Филонов, Денисович и Мордиев не покончили с укоренившимся у них и на ряде других шахт вредной практикой “раскачки” в начале месяца или года с надеждой нагнать упущенное в последующей работе» [20]. Газета показывала примеры отличного, стахановского труда: «Лучшие мастера стахановского труда, такие как т.т. Дьячков, Холостенко и Чешейко (шахта № 8), применив метод многозабойной проходки, добились больших скоростей проходки горных работ» [21].

Из газеты можно было узнать, что И.В. Сталин баллотировался в депутаты Верховного Совета Коми АССР: «Весть о том, что товарищ Сталин дал своё согласие баллотироваться в депутаты Верховного Совета Коми АССР по Пушкинскому избирательному округу гор. Сыктывкара, глубоко обрадовала трудящихся как Пушкинского избирательного округа, так и всей Коми республики» [22]. Помимо него кандидатами в депутаты Верховного Совета Коми АССР были Андрей Александрович Жданов, Пётр Романович Харин, Иван Александрович Загарских.

Стоит отметить, что в 1947 г. редакция газеты «Заполярная кочегарка» допустила серьёзный промах: в № 128 от 4 ноября было опубликовано Решение исполнительного комитета Воркутинского городского Совета депутатов трудящихся об утверждении состава избирательной комиссии по выборам в Воркутинский городской и поселковые Советы депутатов трудящихся. «Вместо того, чтобы дать изложение этого решения и... избежать опубликования данных о дислокации ряда шахт комбината и расположенных на их территории подразделений строительства № 501, газета поместила решение полностью. Преданы гласности номер строительства 501, нумерация его отделений, их дислокация и дислокация Полярно-Харбейской экспедиции...» [23]. После этого было поставлено на

вид начальнику Политического отдела подполковник Иванова и и.о. редактора Дудина, им было вынесено предупреждение, и при повторении подобного их должны были привлечь к ответственности.

В 1948 г. Политический отдел ГУЛАГа МВД СССР выделил 80 000 руб. на проведение партийных работ, в том числе на «содержание многотиражных газет» [24]. В этом году газета «Заполярная кочегарка» следовала центральной линии, определяемой для лагерной прессы, в ней были призывы: «С первых месяцев текущего года план строительства шахт должен выполняться не только в целом по шахтострою, но и по каждой шахте, по каждому участку, по каждой смене, план должны выполнять все бригады и шахтостроители» [25]. Газета также писала о жизни Воркуты о работе магазинов, столовых, о театре, библиотеке, о работе коммунально-бытовых учреждений. Большое внимание было уделено социалистическому соревнованию.

За 1948 г. было выпущено 170 номеров «Заполярной кочегарки». Кроме того, были изданы 19 номеров газеты выездной редакции на пусковых шахтах-новостройках № 17 и 18. Всего участие в работе газеты в этом году принимало 410 рабкоров, которыми было написано 1 539 статей. Но, несмотря на деятельность газеты, «в первой половине года строители работали плохо. План не выполняли, приносили много убытков государству» [26].

В 1949 г. «Заполярная кочегарка» проводила большую работу по коммунистическому воспитанию трудящихся, ориентированию их на досрочное выполнение плана послевоенной сталинской пятилетки. В течение года было выпущено 156 номеров газеты; она выходила регулярно, 3 раза в неделю. В числе авторов газетных заметок были «рядовые горняки, металлисты, строители, транспортники, инженеры и профсоюзные работники, учителя, врачи, пропагандисты» [27]. Первый номер «Заполярной кочегарки» 1949 г. начинался с описания успехов: «В минувшем году они построили для горняков 16 благоустроенных домов общей жилой площадью 2 148 квадратных метра... на строительстве шахты в 1948 году бетонировщики уложили бетона на 1 460 куб. м больше, чем было предусмотрено планом. Успешно завершили третий год послевоенной пятилетки проходчики шахты. Они прошли 1 435 погонных метров горных выработок сверх годовой программы» [28]. В 1949 г. проходили выборы Народных судов, что отслеживалось в газете, освещались вопросы благоустройства Воркуты, спортивная жизнь и работа культурных учреждений. В третьем квартале основным направлением публикаций было социалистическое соревнование за досрочное выполнение плана.

В 1950 г. редакция газеты «Заполярная кочегарка» продолжала писать о социалистическом соревновании, «которое, по словам И.В. Сталина, “есть коммунистический метод строительства социализма” на основе максимальной активности миллионных масс трудящихся» [29]. Организатором и вдохновителем социалистического соревнования считался И.В. Сталин. Газета вновь призывала «выполнить план», «работать ритмично», «распространять передовой стахановский опыт». Помимо этого, в газете говорилось об очередных выборах в Верховный Совет СССР.

Таким образом, региональная газета «Заполярная кочегарка» в 1943–1950 гг. следовала основным правилам лагерной прессы, проводила партийно-политическую пропаганду, агитировала трудящихся на трудовой подъём, досрочное выполнение плана, ритмичную работу, призывала к социалистическому соревнованию, участвовать в выборах, помимо этого в ней публиковались актуальные документы и материалы.

* * *

1. Цит. по: Горчева А.Ю. «Не подлежит распространению» (Лагерная пресса 1935–1955 гг.) // Советская библиография. – 1991. – № 6. – С.63.

2. Цит. по: Петкова Х.Й. Многотиражные газеты лагерей, дислоцированных на территории Коми АССР // История политических репрессий в СССР в 1930–1950-е годы. – Сыктывкар, 2006. – С.106.

3. Горчева А.Ю. Пресса ГУЛАГа (1918–1955 гг.). – М.: МГУ, 2009. – С.36.

4. Петкова Х.Й. Лагерная пресса Коми АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Социально-культурные процессы на территории Коми края: история и современность. – Сыктывкар, 2014. – С.93–98.

5. Петкова Х.Й. Цензурные условия издания многотиражных газет политических отделов исправительно-трудовых лагерей (1940–1950-е гг.) // Музеи и краеведение. Труды национального музея Республики Коми. – Сыктывкар, 2004. – Вып. 5. – С.163.

6. Цит. по: Заполярная кочегарка. – 1943. – № 4. – С.1.

7. Цит. по: Заполярная кочегарка. – 1943. – № 6. – С.1.

8. Цит. по: ГУ РК «Национальный архив республики Коми» (далее – НА РК). Ф.П-1875. Оп.1. Ед. хр. 62. Л.1.

9. Цит. по: Заполярная кочегарка. – 1944. – № 1. – С.1.

10. Цит. по: Заполярная кочегарка. – 1944. – № 2. – С.1.

11. Цит. по: Заполярная кочегарка. – 1945. – № 13. – С.1.

12. Цит. по: Заполярная кочегарка. – 1945. – № 18. – С.2.

13. Цит. по: Заполярная кочегарка. – 1945. – № 21. – С.1.
14. Цит. по: Заполярная кочегарка. – 1945. – № 22. – С.1.
15. Цит. по: НА РК. Ф.1875. Оп.1. Ед. хр. 21. Л.74.
16. Цит. по: Заполярная кочегарка. – 1946. – № 5. – С.1.
17. Заполярная кочегарка. – 1946. – № 3. – С.1.
18. Цит. по: Заполярная кочегарка. – 1946. – № 12. – С.1.
19. Цит. по: НА. РК. Ф.1875. Оп.1. Ед. хр. 94. Л.15.
20. Цит. по: Заполярная кочегарка. – 1947. – № 6. – С.1.
21. Цит. по: Заполярная кочегарка. – 1947. – № 21. – С.1.
22. Цит. по: Заполярная кочегарка. – 1947. – № 7. – С.1.
23. Цит. по: НА РК. Ф.1875. Оп.1. Ед. хр. 21. Л.106.
24. НА РК. Ф.1875. Оп.1. Ед. хр. 21. Л.104.
25. Цит. по: Заполярная кочегарка. – 1948. – № 11. – С.1.
26. НА РК. Ф.1875. Оп.1. Ед. хр. 106. Л.18.
27. НА РК. Ф.1875. Оп.1. Ед. хр. 117. Л.27.
28. Цит. по: Заполярная кочегарка. – 1949. – № 1. – С.1.
29. Цит. по: Заполярная кочегарка. – 1950. – № 2. – С.1.

УДК 947

А.В. Рочева,
*ведущий специалист музея
ФГБОУ ВО «Ухтинский
государственный
технический университет»*

Л.А. Максимова,
*канд. ист. наук, доцент,
директор Института истории
и права ФГБОУ ВО «Сыктывкарский
государственный университет
имени Питирима Сорокина»*

ПОДГОТОВКА КАДРОВ ДЛЯ НЕФТЕГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ В ПРОФТЕХНИКУМЕ УХТПЕЧЛАГА В НАЧАЛЕ 1930-х гг.*

Планомерное освоение богатств Европейского Севера СССР началось в конце 1920-х годов. С началом индустриализации в годы первой пятилетки в Коми АО стали добывать первую нефть на Чибьюском месторождении (1931 г.), была заложена первая угольная шахта в Воркуте, в несколько раз возросли объёмы заготовки древесины.

Ликвидация технической неграмотности параллельно с ликвидацией элементарной неграмотности широких масс рабочих занимала одно из важнейших мест в политике правительства в 1920-х–1930-х гг., что нашло отражение в обилии действующих по стране различных курсов, сотнями рассеянных по городам, заводам, фабрикам, совхозам и колхозам, помимо постоянно функционирующих специальных учебных заведений, и в открытии профтехникума при Ухто-Печорском исправительно-трудовом лагере ОГПУ.

При создании новых добывающих предприятий нужны были рабочие – специалисты, способные владеть не только грамотой, но и определённым минимумом технических знаний, чтобы вести промышленные работы. Богатый природными ресурсами Печорский край предполагалось превратить в новую топливно-энергетическую базу страны. Поэтому в январе 1931 г. в рамках Ухтинской экспедиции была создана система

© Рочева А.В., Максимова Л.А., 2018

* Статья подготовлена при поддержке Правительства Республики Коми и РФФИ (проект № 17-11-11002 а(р)).

школ и курсов для заключённых с целью ликвидации неграмотности и технической подготовки специалистов. Тогда же начались мероприятия по организации профессионального техникума с: буровым, теплотехническим, механическим, геолого-топографическим, строительным, химическим, счётным отделениями. На буровом отделении должны были готовить рабочих буровых партий, тормозчиков, ключников и буровых мастеров. На механическом – квалифицированных слесарей, токарей, кузнецов, автогенщиков и бригадиров. На строительном – строителей вышковых и гражданских сооружений, десятников. На теплотехническом – кочегаров и монтеров паровых котлов. На геолого-топографическом – коллекторов и топографов. Химическое отделение должно было готовить помощников лаборантов и лаборантов. Счётное должно было выпускать квалифицированных конторщиков, счетоводов и помощников бухгалтеров [1].

Специальной комиссией к 5 августа 1931 г. была разработана программа обучения. При приёме в профтехникум работали 2 экзаменационные комиссии. Приказ по управлению лагерем № 257 за подписью начальника Ухто-Печорского исправительно-трудового лагеря Я.М. Мороза, вышедший 31 сентября 1931 г., завершил подготовительную организационную работу. В нём предлагалось профтехникум считать открытым. Объявлялся педагогический состав. Окончательно состав слушателей разных отделений был укомплектован в октябре и ноябре 1931 г. – 295 человек. Тогда же были начаты занятия. Заведующими отделениями профтехникума являлись начальники производственных единиц и секторов управлений, для которых данное отделение готовило работников: заведующий механическим отделением был начальником Механического завода и т.д. Программы и планы учёбы к моменту начала занятий были готовы.

Для воссоздания полной картины работы одного из первых специальных учебных заведений на Европейском Северо-Востоке – Ухтинского профтехникума – обратимся к анализу таких источников, как учебные планы и программы по отдельным специальностям и ступеням обучения. Важно отметить, что основные программы обучения на отделениях профтехникума были утверждены в Москве. Их следовало адаптировать конкретно к данному профтехникуму. Часть программ разрабатывалась на месте и утверждалась администрацией лагеря и профтехникума.

Учебный план для техников низшей ступени содержал следующие предметы: обучение чтению и письму, арифметика, геометрия, природоведение, политграмота [2]. На низшей ступени по данной специальности предусматривалось овладение элементарными навыками: техник должен был уметь читать, считать, писать, знать элементарные геометрические фигуры, понимать природные процессы и быть политически грамотным.

В учебном плане для средней ступени отводились часы для теоретических и практических занятий. В учебный план технического отделения средней ступени были включены такие предметы, как арифметика, русский язык, геометрия, физика, черчение, политехмота, металловедение, слесарное и токарное дело, кузнечное дело, занятия в мастерских предполагали 30 часов практики [3]. На средней ступени определённое количество часов было посвящено изучению специальных дисциплин. Теоретические знания слушателей закреплялись на практике.

Учебный план для средней ступени на буровом отделении также состоял из теоретических и практических занятий. Преподавались, как и для техников, арифметика, русский язык, геометрия, физика (в основе механика), черчение, политехмота, бурение канатное, бурение алмазное, бурение вращательное [4].

Учебный план для высшей ступени бурового отделения профтехникума наряду с бурением включал в себя более специализированные предметы: геологию, организацию производства, материаловедение [5]. Высшая ступень подразумевала более глубокие знания по своей специальности.

На низшей ступени могли обучаться слушатели с разным уровнем образования, за исключением совсем неграмотных или малограмотных (они обучались в школе для малограмотных). На низшей ступени слушатели проходили своего рода подготовительные курсы, позволявшие затем овладеть профессиональными навыками. С переходом на среднюю ступень обучения нагрузка увеличивалась как в теоретическом, так и в практическом плане. Высшая ступень подразумевала максимальное техническое знание основных методов работы. Анализ учебных планов показывает, что на всех отделениях профтехникума был стандартный набор предметов. Их количество на разных отделениях профтехникума совпадало. Разница состояла в предметах по специальности.

Практическое профессиональное обучение в профтехникуме началось со средней ступени. Так, на освоение учебных программ средней ступени механического отделения по слесарному и токарному делу отводилось по 30 часов практических занятий. Слушатели по слесарному делу знакомились со слесарной мастерской, в частности с оборудованием, верстаками, инструментами и их применением. Отводились часы на знакомство с различными способами получения и обработки стали, железа и чугуна. Слушатели по токарному делу знакомились с токарным станком и его назначением.

На отделениях профтехникума читались и углублённые курсы, например, на геолого-топографическом отделении – курс «Естественный газ».

Предметы, включённые в учебный план, были напрямую связаны с производством. Открытие газовых месторождений на данной территории обусловило знакомство курсантов с теоретическими и практическими основами этой дисциплины. В частности, раскрывались такие дидактические единицы, как естественные, углеводородные и нефтяные газы, химический состав углеводородных газов, температура испарения углеводородов, входящих в состав газа, скрытая теплота испарения и теплоёмкость углеводородных газов, их растворимость в жидких углеводородах, а также уделялось внимание месторождениям и происхождению углеводородных газов, органической теории их происхождения и многому другому [6]. Данный курс предусматривал крайне полезную и актуальную для будущей практической деятельности информацию.

На геолого-топографическом отделении преподавали курс нефтяной геологии, в ходе которого можно было получить знания о нефтяных месторождениях, происхождении нефти, изучить классификацию главных типов месторождений нефти, образование нефтяных месторождений, получить специальную информацию (об антиклинальных складках и куполах месторождения нефти, приуроченных к террасам, к сбросам, о нефтеносных песчаных линзах и др.). Можно говорить о том, что программа курсов разрабатывалась с учётом высоких требований к подготовке обучающихся, нацеленных на формирование углублённых знаний по нефтегазовому делу.

Следует отметить, что материально-техническая база профтехникума была неудовлетворительной: не было специальных помещений для проведения занятий. Они проводились в красном уголке и в канцеляриях учреждений. Остро стояла проблема нехватки как учебных пособий, так и кадров для административного аппарата, в частности, не было начальника профтехникума и помощника заведующего учебной частью.

Отчётным месяцем в техникуме являлся апрель, на всех отделениях он был последним месяцем занятий со слушателями первого приёма. В начале апреля 1932 г. состоялось отчётное совещание, на котором были подведены первые итоги. По химическому отделению было доложено, что обучалось 14 человек, в основном из среды работников геологического сектора. Из-за отсутствия учебников преподаватели готовили и размножали конспекты [7]. Выпуск счетоводов был произведён 1 января 1932 г. в количестве 15 человек, все они работали по профессии. В январе 1932 г. был проведён второй набор – 31 человек: основная группа для подготовки счетоводов и повышенная – для подготовки бухгалтеров [8].

В 1932 г. в профтехникуме работала комиссия, отметившая, что отсутствие специальных помещений «губительно влияло на успешность

занятий», было указано на слабое руководство со стороны учебной части, отсутствие обмена опытом, детализованных планов работ (из-за чего сложно было определить, какая часть программы была пройдена, а что оставалось выполнить). Подчёркивалось, что занятия повсеместно велись в форме лекций, не использовалась активность обучающихся, производственное обучение отнесено на конец занятий, «что надо признать неправильным». Между тем «усвоение знаний» было признано удовлетворительным.

Работа данной комиссии сыграла важную роль в становлении профессионального обучения в Ухте. Представляется, что в её состав входили грамотные профессионалы, выявившие недостатки в организации обучения. В постановлении комиссии рекомендовалось провести организационные мероприятия: уточнить и детально разработать программы и планы, регулярно созывать методические совещания и др. Коллектив провёл планомерную работу «по устранению недостатков».

В течение последующих лет профтехникум Ухты превратился в кузницу рабочих кадров – нефтяников, газовиков, геологов. Его создание в 1931 г. было актуальным ответом на кадровый голод на территориях, подлежащих освоению. Во многом история создания и становления профтехникума являлась отражением типичной картины 1930-х гг., когда фактически на пустом месте в новообразованном городе усилиями энтузиастов создавалась система подготовки квалифицированных кадров, способных включаться в процесс планомерного освоения природных богатств, удалённых от центра территорий. Безусловно, всех проблем с нехваткой кадров профтехникум не решал. Это был первый шаг, за которым последовало создание в Ухте профильных средних специальных учебных заведений и Ухтинского индустриального института.

* * *

1. ГУ РК «Национальный архив Республики Коми» (далее – НА РК). «Архивохранилище № 1». Ф.Р-1668. Оп.1. Д.91. Л.4. С.5.
2. НА РК. «Архивохранилище № 1». Ф.Р-1668. Оп.1. Д.91. Л.2. С.2.
3. НА РК. «Архивохранилище № 1». Ф.Р-1668. Оп.1. Д.91. Л.4. С.5.
4. НА РК. «Архивохранилище № 1». Ф.Р-1668. Оп.1. Д.91. Л.10.
5. НА РК. «Архивохранилище № 1». Ф.Р-1668. Оп.1. Д.91. Л.11.
6. НА РК. «Архивохранилище № 1». Ф.Р-1668. Оп.1. Д.91. Л.33–34.
7. НА РК. «Архивохранилище № 1». Ф.Р-1668. Оп.1. Д.91. Л.33–34.
8. НА РК. «Архивохранилище № 1». Ф.Р-1668. Оп.1. Д.91. Л.33–34.

М.П. Рощевский,

гл. научный сотрудник

Института языка, литературы

и истории Коми НЦ УрО РАН,

академик РАН

А.А. Нисковский,

канд. ист. наук, научный сотрудник

Института языка, литературы

и истории Коми НЦ УрО РАН

**ВКЛАД УЧЁНЫХ
КОМИ ФИЛИАЛА АКАДЕМИИ НАУК СССР
В РАЗВИТИЕ ЛЕСОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА
КОМИ АССР (1950–1960-е годы)**

Коми филиал АН СССР играл важную роль в экономическом развитии Коми АССР. Благодаря возможностям академической науки и развитой системе координации между региональными академическими организациями в стране перспективы индустриального развития Коми АССР решались при непосредственном участии научных коллективов Коми филиала АН СССР. Без сомнения, одним из наиболее важных направлений экономического развития региона являлось развитие лесопромышленного комплекса. Лесные ресурсы Коми АССР позволяли обеспечить возможность постоянной работы такого комплекса.

В 1953 г. на базе Коми филиала АН СССР был образован отдел экономики, сотрудники которого изучали проблемы экономического развития Севера и, в частности, Коми региона. Численность отдела составляла 9 человек (трое имели научную степень кандидата наук). Заведующим отделом был назначен кандидат экономических наук Д.С. Тон [1].

Важным аспектом работы учёных-экономистов являлось исследование возможностей и путей развития лесной отрасли в республике. Стоит отметить, что данными вопросами занимались не только состоявшиеся учёные, но и только вставшие на научный путь. Так, в 1957 г. младший научный сотрудник отдела экономики В.П. Подоппелов (в будущем председатель Президиума Коми филиала АН СССР), поступивший в аспирантуру филиала в 1952 г., защитил диссертацию на соискание учёной

степени кандидата экономических наук на тему «Себестоимость лесозаготовительной продукции и пути её снижения» [2].

Приоритет лесной промышленности (речь в данном случае, прежде всего, о лесопилении) объяснялся несколькими причинами. Во-первых, она не отрывала работников от земледелия и животноводства, что являлось основным источником получения продуктов питания. Во-вторых, ресурсы области и экспортный характер данной индустрии позволяли увеличивать как доходы от производства, так и количество рабочей силы, а значит, заполняли сезонную трудовую незанятость населения региона. В-третьих, вышеозначенные пункты способствовали организации рабочих артелей, что делало организацию труда более эффективной [3].

В военный и послевоенный периоды темпы развития лесной промышленности в Республике Коми нарастали. По данным К.И. Азизова, В.П. Подоплелова, Ф.В. Шахрай, «в 1937 г. по республике было заготовлено в 7, в 1940 г. – в 10, в 1950 г. – в 13 и в 1958 г. – в 20 раз больше древесины, чем в 1913 г.» [4].

Формирование лесной промышленности в Республике Коми происходило неравномерно. Так, в 1920–1950-е гг. основное внимание уделялось развитию лесозаготовительной индустрии. Лесоперерабатывающая промышленность практически отсутствовала. Ещё в первом пятилетнем плане развития народного хозяйства Коми области (1928–1932) говорилось о том, что должны были быть построены целлюлозно-бумажная фабрика производительностью до 100 тыс. т разной бумаги, 8-ми рамные лесозаводы – 2 (район Сыктывкара), 6-рамные – 2 (на Печоре и на Лузе), 4-рамные облегчённого типа – 2 (район Сыктывкара или Выми), ящичная фабрика или цеха при лесозаводах, завод строительных деталей с производством мебели и оборудования транспорта лесозаготовок (сани), не менее 4 шпалорезных заводов стационарного типа, завод сухой перегонки дерева и терпентинные заводы с производительностью, обеспечивающей полную потребность целлюлозно-бумажной фабрики в канифоли, а также завод по переработке отходов лесопиления на древесный спирт [5]. Большая часть планов не была реализована. Особенно нагляден данный факт на примере Сыктывкарского целлюлозно-бумажного комбината – его возведение планировалось на 1930–1932 гг., а по факту он был построен в 1969 году.

В научном отчёте «Леса Сыктывдинского лесхоза, их промышленное освоение и возобновление» (1952) сотрудники отдела экономики Коми филиала АН СССР отмечали, что «... промышленность района развивается в основном по лесной линии, очевидно, что в этом направлении она будет развиваться и в дальнейшем, т.к. об этом свидетельствует ежегодный

рост лесозаготовок, а наличие густой сети рек, пригодных для лесосплава, будет обеспечивать продвижение продукции к основным водным магистралям республики» [6]. Того же мнения учёные-экономисты придерживались и о большинстве других районов Коми АССР. При этом заведующий промышленно-экономическим сектором (так назывался сектор экономики Коми филиала АН СССР до 1953 г.) Коми филиала АН СССР Д.С. Тон отмечал: «Выбор эксплуатационных участков зачастую производится на основе недостаточно проверенных и обоснованных материалов, без надлежащего изучения сырьевой базы, учёта тяготения к транспортным путям и т.д. ... В конечном итоге всё это приводит к значительному уменьшению эффективности капитальных затрат, неудовлетворительному использованию основных фондов лесных предприятий, низким количественным и качественным показателям производства» [7]. Указанный научный отчёт экономистов, как и другие, был призван качественно решать экономические задачи развития Коми АССР.

К концу 1950-х гг. перед регионом возникла альтернатива: либо оставаться исключительно поставщиком лесного сырья, либо создать собственное лесохимическое производство, которое до той поры не появилось в столице республики в силу таких причин, как отсутствие здесь соответствующего энергетического и дорожного хозяйства [8].

В 1958 г. Совет Министров РСФСР принял решение о возведении Сыктывкарского лесопромышленного комплекса (далее – СЛПК) и включении его в 7-летний план развития народного хозяйства [9]. Для воплощения в жизнь строительства СЛПК необходимо было доказать его экономическую целесообразность, что и было сделано сотрудниками отдела экономики Коми филиала АН СССР Ф.В. Шахрай, А.К. Азизовым, Г.Т. Мамаевым и другими: «Им пришлось провести сравнительные технико-экономические расчёты по строительству второй очереди Котласского ЦБК и расширению Архангельского ЦБК, основным источником сырья для которых планировалась Коми республика. Решающее значение в расчётах придавалось снабжению предприятий топливом (углём, газом, мазутом) и химикатами. Расчёты показали, что СЛПК находится в более выгодном экономическом положении» [10].

Необходимость создания в Республике Коми лесохимического производства обосновывалась экономистами точно: «... в процессе лесозаготовок теряется ежегодно не менее 6–7 миллионов куб. м древесины... На лесопильно-деревообрабатывающих предприятиях республики... количество отходов составляет около 1 миллиона куб. м... А ведь из всех этих “отходов” путём их химической обработки и переработки можно получить много ценных для народного хозяйства продуктов» [11].

В 1960 г. в рамках отдела экономики Коми филиала АН СССР был создан сектор размещения социалистического производства, которым стала руководить кандидат географических наук В.А. Витязева. Многие экономические вопросы, требовавшие научного подхода, с этого момента решались сотрудниками отдела экономики по заданию правительства республики, а обоснование важных межрегиональных проектов на территории Республики Коми (предприятия, транспортные артерии общесоюзного значения и т.д.) осуществлялось по заданию правительства СССР [12].

Сыктывкарский ЛПК представлял собой крупнейший строительный объект на Европейском Севере, для возведения которого необходимо было выполнить 14 млн м³ земляных работ, 140 тыс. м³ кирпичной кладки, уложить и смонтировать 596 тыс. м³ монолитных и сборных бетонных, железобетонных и бутобетонных конструкций, 123 тыс. м³ керамзитобетонных блоков и панелей. Общая кубатура всех сооружений комплекса составляла более 4 млн м³ [13]. «По проекту строительство должно было пройти три периода. Первый – создание индустриальной базы строительства и подготовительные работы по лесопромышленному комплексу, строительство промышленных предприятий, жилищно-гражданских объектов (1959–1963). Второй – основные общестроительные работы с одновременным монтажом крупногабаритного оборудования на промышленных зданиях и сооружениях комплекса (1964–1967). Третий – монтаж основного оборудования, пусконаладочные и отделочные работы, ввод производственных мощностей в строй (с 1968 г.)» [14].

При этом задачи СЛПК экономистами описывались предельно чётко: «Из всех видов химической переработки древесины наибольшее значение имеет производство целлюлозы, которая является основным видом сырья для получения бумаги, разнообразных видов искусственного шёлка, целлофана, бездымного пороха, лаков, искусственной кожи и каракуля, кино- и фотоплёнки, пластических масс и многих других продуктов. В свою очередь из бумаги сейчас получают пряжу, из которой изготавливают бечёвки, шпагат, грубые ткани для мешков, занавески, скатерти, салфетки, изоляцию для кабеля и т.д.» [15]. Экономическая эффективность данного производства оценивалась высоко: «После полного завершения строительства стоимость годовой продукции ЛПК составит 133,7 млн руб. при себестоимости производства в 71,7 млн руб., что даст ежегодную чистую прибыль в 62,0 млн рублей. Это позволит возместить все затраты по строительству комплекса в течение трёх лет» [16].

Таким образом, возведение в 1969 г. СЛПК (целлюлозно-бумажного комбината) непосредственно связано с деятельностью учёных Коми филиала АН СССР и прежде всего отдела экономики. Столь позднее его

строительство по отношению к первоначальным планам (ещё на 1930-е гг.) объясняется тем, что ранее не имелось финансовых и инфраструктурных возможностей, а научные работники к данному проекту не привлекались, поэтому у местной власти было серьёзных экономических выкладок, без которых невозможна реализация любого проекта. Кроме того, имелся ряд причин политического характера в связи с созданием нового административно-территориального образования – Северного края с центром в Архангельске. Разработки исследователей Коми филиала АН СССР, прежде всего экономистов, позволили обосновать необходимость строительства СЛПК и стали научной основой для практических изысканий и проектов сооружения данного индустриального объекта. Сотрудники отдела экономики Коми филиала АН СССР осуществили расчёты сырьевой базы для СЛПК на долговременную перспективу, которые впоследствии подтвердились, что позволило создать предприятие, имеющее общесоюзное, а затем и общероссийское значение.

* * *

1. См.: *Турубанов А.Н.* Создание целлюлозно-бумажной промышленности в Коми АССР – М.: Наука, 1979. – С.14.
2. Подоплелов Владислав Павлович / Коми научный центр УрО РАН. – Сыктывкар, 2003. – Вып. 11. – С.10, 17.
3. ГУ РК «Национальный архив Республики Коми» (далее – НА РК). Ф.Р-139. Оп.1. Д.79. Л.1а.
4. Цит. по: *Азизов К.И., Подоплелов В.П., Шахрай Ф.В.* Лесная промышленность Коми АССР в новой семилетке (1959–1965 гг.). – Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1959. – С.7.
5. НА РК. Ф.Р-139. Госплан Коми автономной области. Оп.1. Д.44. Л.436.
6. Цит. по: Из воспоминаний Фаины Васильевны Шахрай // Учёный-северовед профессор Валентина Александровна Витязева: сб. документов, материалов, воспоминаний. – Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского ун-та, 2004. – Вып. 1. – Л.74.
7. Цит. по: Из воспоминаний Фаины Васильевны Шахрай // Учёный-северовед профессор Валентина Александровна Витязева: сб. документов, материалов, воспоминаний... – Л.77.
8. Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф.1. Президиум Коми НЦ. Оп.4. Д.103. С.28.
9. Дорогой борьбы и побед. Хроника Коми областной организации КПСС. 1917–1981. – Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1982. – С.201.

10. См.: *Худяева В.М.* Становление и развитие экономической науки в Коми научном центре Уральского отделения РАН. – Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН, 2005. – С.15, 16.
11. *Шахрай Ф.В.* Пути создания лесохимии в Коми АССР. – Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1959. – С.5.
12. *Худяева В.М.* Указ. соч. – С.18.
13. *Федорин Л.А.* Строительная индустрия и промышленность строительных материалов. – Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1961. – С.9.
14. Цит. по: *Турубанов А.Н.* Указ. соч. – С.13, 14.
15. Цит. по: *Азизов К.И., Подоплелов В.П., Шахрай Ф.В.* Указ. соч. – С.44, 45.
16. Цит. по: *Шахрай Ф.В.* Сыктывкарский промышленный узел. – Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1962. – С.41.

А.М. Мацук,

*канд. ист. наук, зав. лабораторией
археографии и публикации документов
по истории освоения Европейского Севера
России Института языка, литературы
и истории Коми НЦ УрО РАН*

РЕГИОНАЛЬНЫЕ СТАТИСТИЧЕСКИЕ СБОРНИКИ 1960-х–1970-х гг. КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СИСТЕМЫ СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ

К опубликованным источникам, содержащим значительный пласт сведений по различным аспектам истории системы среднего специального образования на Европейском Севере, относятся статистические сборники. Эти сборники являются одним из популярных источников по различным аспектам истории социально-экономического развития регионов страны в послевоенный период, в том числе и по истории системы среднего специального образования.

Данный вид источника активно использовался в некоторых трудах по истории среднего специального образования регионов Европейского Севера [1]. Тем не менее долгое время не было проведено сравнение информационной ёмкости статистических сборников как в региональном, так и во временном разрезе. Первая попытка такого сравнения и анализа была представлена нами в статье, изданной в 2015 г., где было выявлено, какие аспекты истории среднего специального образования исследуемого периода можно изучить, опираясь на данный источник [2]. В статье была рассмотрена и проанализирована информация по системе среднего специального образования областей и республик Европейского Севера РСФСР, содержащаяся в статистических сборниках 1950-х и 1980-х годов. Однако ввиду отсутствия на момент подготовки статьи в нашем распоряжении данных по сборникам 1960–1970-х гг. образовалась определённая информационная лакуна.

В представленной работе приведены анализ и сравнение информации по системе среднего специального образования областей и республик Европейского Севера, содержащейся в региональных статистических сборниках, издававшихся в 1960-е–1970-е годы. По имеющимся у нас данным,

подобный анализ и сравнение информации по указанной проблеме, нашедшей отражение в региональных статистических сборниках 1960-х–1970-х гг. издания, ранее не проводились и представлены в настоящей статье впервые.

В начале 1960-х гг. были выпущены статистические сборники Архангельской, Вологодской областей и Карельской АССР (к 40-летию юбилею республики) [3]. В **сборнике по Архангельской области** имеется 4 таблицы, содержащие информацию по изучаемой системе: «Культура», «Высшие и средние специальные учебные заведения на начало учебного года», «Список техникумов и других средних специальных учебных заведений на начало учебного года», «Подготовка специалистов в средних специальных учебных заведениях» [4]. Первая таблица – «Культура» – содержит данные по числу как техникумов и других средних специальных учебных заведений области за 1940–1941, 1950–1951, 1960–1961 и 1961–1962 гг., так и учащихся в данных учебных заведениях (тыс. человек) [5]. В таблице «Высшие и средние специальные учебные заведения на начало учебного года» имеются данные по числу техникумов и училищ на начало 1957/58, 1958/59, 1959/60, 1960/61 и 1961/62 учебного года и по учащимся в них (тыс. человек), в том числе без обучающихся заочно [6]. В таблице «Список техникумов и других средних специальных учебных заведений на начало учебного года» содержится информация по названиям 25 техникумов и училищ области с указанием количества учащихся на начало 1957/58 и 1961/62 учебных годов [7]. Таблица «Подготовка специалистов в средних специальных учебных заведениях» содержит данные по названиям 24 изучаемых учебных заведений и числу выпущенных ими специалистов в 1959, 1960 и 1961 годах. Кроме того, приведены данные по общему числу выпущенных за эти годы специалистов [8].

В **сборнике по Вологодской области** интересующие нас данные помещены в две таблицы: «Высшие и средние специальные учебные заведения (на начало учебного года)» и «Число учащихся в техникумах и других средних специальных учебных заведениях (человек)» [9]. В первой таблице приведена информация о количестве средних специальных учебных заведений, численности учащихся в них (тыс. человек), в том числе без обучающихся заочно [10]. Данные представлены за 1914/15, 1927/28, 1940/41, 1950/51, 1957/58, 1958/59 и 1959/60 учебные годы. Во второй таблице содержится список техникумов и училищ с указанием адреса учебного заведения и числа учащихся на начало 1959/60 учебного года [11].

В **сборнике, изданном к 40-летию юбилею Карельской АССР**, имеется историческая справка о количестве и специализации техникумов

и училищ на начало 1959/60 учебного года [12]. Кроме того, в данном сборнике имеются следующие таблицы с информацией по изучаемым учебным заведениям: «Рост числа школ, средних специальных и высших учебных заведений (на начало учебного года)», «Число учащихся в общеобразовательных школах, средних специальных и высших учебных заведениях (на начало учебного года; тыс. чел.)», «Выпуск специалистов из высших и средних специальных учебных заведений» [13]. В первой таблице приводится общее число средних специальных учебных заведений республики на начало 1914/15, 1927/28, 1940/41, 1945/46 и 1959/1960 учебных годов [14]. Вторая таблица содержит данные о числе учащихся техникумов и училищ (включая обучающихся заочно, в тыс. человек) на начало 1914/15, 1927/28, 1940/41, 1945/46 и 1959/60 учебных годов [15]. Последняя таблица имеет данные по числу выпущенных изучаемыми учебными заведениями Карельской АССР специалистов как в общем, так и отдельно по заочникам. Данные приведены по пятилеткам – за четвертую (1946–1950), пятую (1951–1955) и шестую (данные за шестую пятилетку приведены за 1956–1958 и 1959 гг. отдельно) [16]. Кроме того, в конце данного сборника в иллюстративном приложении приведён график «Рост численности учащихся в высших и средних специальных учебных заведениях в Карельской АССР (на начало учебного года, тыс. человек)». Информация в графике приведена на начало 1914/15, 1940/41, 1945/46 и 1959/60 учебных годов [17].

Во второй половине 1960-х гг. были выпущены статистические сборники, характеризующие развитие соответствующих территорий за 50 лет Советской власти (в 1967 г.). В **Коми АССР статистический сборник** вышел только в 1971 г., к 50-летию юбилею республики [18].

В **сборнике по Архангельской области** приведены две таблицы с данными по изучаемой системе учебных заведений: «Средние специальные учебные заведения и численность учащихся в них» и «Выпуск специалистов из высших и средних специальных учебных заведений (чел.)» [19]. Первая таблица имеет данные об общем количестве средних специальных учебных заведений за 1914/15 (в современных границах области), 1940/41, 1945/46, 1960/61 и 1966/67 годы. В ней приведена информация об общем числе учащихся (тыс. человек), а также отдельно по дневным, вечерним и заочным отделениям [20]. Во второй таблице содержатся данные о выпускниках техникумов и училищ Архангельской области – «всего человек» и «в том числе обучавшихся» на дневных, вечерних и заочных отделениях за 1940, 1945, 1960 и 1966 годы. Кроме того, приведены данные: «на 1 000 человек населения выпущено специалистов из средних специальных учебных заведений, человек» за эти же годы [21].

В статистическом сборнике Вологодской области имеется ряд таблиц с данными по изучаемым учебным заведениям: «Высшие и средние специальные учебные заведения на начало учебного года», «Выпуск специалистов из высших и средних специальных учебных заведений (чел.)», «Число учащихся в техникумах и других средних специальных учебных заведениях на начало учебного года» [22]. В первой таблице приведены данные о количестве средних специальных учебных заведений, числе учащихся в них (тыс. человек), в том числе обучавшихся на дневных отделениях, на начало 1914/15, 1940/41, 1950/51, 1960/61, 1965/66, 1966/67 учебных годов [23]. Вторая таблица содержит информацию о количестве выпускников изучаемых учебных заведений области в 1958, 1960, 1963, 1965 и 1966 гг. [24]. Третья таблица содержит полный перечень действующих на момент составления сборника техникумов и училищ с указанием общего числа учащихся на начало 1964/65, 1965/66 и 1966/67 учебных годов [25].

В сборнике «Народное хозяйство Мурманской области за 50 лет Советской власти» имеются следующие таблицы с информацией по истории среднего специального образования области: «Численность учащихся в общеобразовательных школах, средних специальных и высших учебных заведениях (на начало учебного года)», «Высшие и средние специальные учебные заведения», «Выпуск специалистов из высших и средних специальных учебных заведений» и «Женщины в составе учащихся высших и средних специальных учебных заведений» [26]. В первой таблице имеются данные об общем числе учащихся в средних специальных учебных заведениях области на начало 1914/15, 1940/41, 1945/46, 1960/61 и 1966/67 учебных годов [27]. Вторая таблица содержит информацию как об общем количестве техникумов и училищ, так и о числе учащихся, как в целом, так и по отдельности на дневных и вечерних отделениях и на заочных отделениях за 1932/33, 1940/41, 1945/46, 1960/61 и 1966/67 учебные годы [28]. В третьей таблице приведены данные о числе выпускников изучаемых учебных заведений как в общем, так и по отдельности на дневных, вечерних и заочных отделениях. Кроме того, приведена информация о количестве выпущенных специалистов в расчёте на 1 000 человек населения области. Все эти данные приведены за 1940, 1945, 1960 и 1966 гг. [29]. Последняя таблица содержит информацию как об общем числе учащихся в техникумах и училищах области, так и об общем числе женщин в составе учащихся, а также их процентном соотношении к общему числу учащихся. Данные приведены как в целом, так и с разбивкой по группам специализаций учебных заведений: промышленности и строительства; здравоохранения; просвещения и искусства. Информация приводится за 1960/61 и 1966/67 учебные годы [30].

В статистическом сборнике «Карельская АССР за 50 лет» информация по изучаемой проблеме представлена в следующих таблицах: «Численность общеобразовательных школ, средних специальных и высших учебных заведений (на начало учебного года)», «Численность учащихся по видам обучения (на начало учебного года; тыс. человек)», «Высшие и средние специальные учебные заведения (на начало учебного года)», «Численность учащихся средних специальных учебных заведений по национальностям (на начало 1966/67 учебного года)», «Выпуск специалистов из средних специальных учебных заведений (человек)», «Выпуск специалистов по отдельным средним специальным учебным заведениям (человек)» [31]. Первая таблица содержит информацию о количестве изучаемых учебных заведений Карельской АССР по данным на начало 1914/15, 1927/28, 1940/41, 1945/46, 1958/59, 1965/66 и 1966/67 учебных годов [32]. Следующая таблица – сведения по общему числу учащихся (включая обучающихся заочно) техникумов и училищ по данным на начало тех же периодов, что и в предыдущей таблице [33]. Таблица «Высшие и средние специальные учебные заведения» содержит информацию как об общем количестве средних специальных учебных заведений, так и о числе учащихся в них, как в целом, так и с разбивкой по дневным, вечерним и заочным отделениям. Данные представлены на начало 1913/14, 1927/28, 1940/41, 1945/46, 1958/59, 1965/66 и 1966/67 учебных годов [34]. В следующей таблице представлены данные как об общем числе учащихся техникумов и училищ на начало 1966/67 учебного года, так и с разбивкой по национальностям: русские, карелы, финны, вепсы, белорусы, украинцы, другие национальности. Информация представлена как в числовом виде, так и в процентном отношении к общему числу учащихся. Кроме того, данные подразделяются на отдельные столбцы по дневным, вечерним и заочным отделениям [35]. В пятой таблице имеются данные по числу выпускников изучаемых учебных заведений в общем и с разбивкой по отделениям. Информация приведена за 1945, 1950, 1955, 1958, 1961, 1962, 1963, 1964, 1965 и 1966 гг. [36]. Шестая таблица содержит информацию как о числе выпускников в целом, так и отдельно по конкретным техникумам и училищам Карельской АССР с указанием их названий. Данные представлены за 1958, 1963, 1964, 1965 и 1966 гг. [37].

Таким образом, в сборниках 1960-х гг. наряду с существовавшими ранее статистическими формами появляются новые, например, указание национальностей учащихся, подсчёт числа женщин среди учащихся техникумов и училищ. Однако данное расширение информативной ёмкости изучаемого источника носило точечный характер и не было унифицировано для всех издаваемых сборников в целом.

Рассмотрев статистические сборники областей и республик Европейского Севера РСФСР, выпущенные в 1960-х гг., остановимся на обзоре данного вида источников, издававшихся в следующем десятилетии. В это время были выпущены статистические сборники, характеризующие развитие регионов за период восьмой (1966–1970) и девятой (1971–1975) пятилетки [38]. Особняком стоит **статистический сборник Мурманской области «Население, культура, здравоохранение, труд»**, который был выпущен только для служебного пользования [39] (по данным Мурманской областной библиотеки, в 1970-х–1980-х гг. в Мурманской области выходили статистические сборники, предназначенные лишь для специалистов соответствующего уровня доступа).

В **статистическом сборнике по Архангельской области**, вышедшем в 1972 г., информация по системе среднего специального образования имеется в таблицах «Высшие и средние специальные учебные заведения (на начало учебного года)», «Численность учащихся по группам специальностей (на начало учебного года), чел.», «Приём в высшие и средние специальные учебные заведения по видам обучения (тыс. чел.)», «Численность студентов высших и средних специальных учебных заведений по отраслевым группам учебных заведений (на начало учебного года), чел.» и «Выпуск специалистов из высших и средних специальных учебных заведений по видам обучения (тыс. чел.)» [40]. Первая таблица содержит данные об общем количестве техникумов и училищ области, а также о числе учащихся в них, как в целом, так и по дневным, вечерним и заочным отделениям. Данные приведены на 15 декабря 1927 г. и на начало 1940/41, 1950/51, 1960/61, 1965/66 и 1970/71 учебных годов [41]. Во второй таблице имеется информация о численности учащихся изучаемых учебных заведений как в целом, так и с разбивкой по 13 группам специальностей. Данные приводятся на начало 1965/66, 1966/67, 1967/68, 1968/69, 1969/70, 1970/71 учебных годов [42]. В третьей таблице «Приём в высшие и средние специальные учебные заведения по видам обучения» приведены данные о числе принятых в техникумы и училища области (тыс. человек) в общем и с разделением по дневным, вечерним и заочным отделениям. Данные приведены на 1960/61, 1965/66 и 1970/71 учебные годы [43]. В следующей таблице имеется информация о численности учащихся изучаемых учебных заведений как в общем, так и отдельно по принадлежности учебных заведений к отраслям народного хозяйства: промышленности и строительства; транспорта и связи; сельского хозяйства; экономики и права; здравоохранения, физической культуры и спорта; просвещения; искусства и кинематографии. Данные представлены за 1960/61, 1965/66 и 1970/71 учебные годы [44]. В последней таблице указано число

выпускников средних специальных учебных заведений и в целом, и с разбивкой по отделениям за 1940, 1950, 1960, 1965 и 1970 гг. [45].

В сборнике по Архангельской области (1976) издания данные по изучаемому вопросу приведены в следующих таблицах: «Высшие и средние специальные учебные заведения (на начало учебного года)», «Приём в высшие и средние специальные учебные заведения по видам обучения (чел.)», «Выпуск специалистов из высших и средних специальных учебных заведений по видам обучения (чел.)», «Выпуск специалистов из средних специальных учебных заведений по группам специальностей (чел.)», «Женщины в составе учащихся высших и средних специальных учебных заведений (на начало учебного года)» [46].

Таблица «Высшие и средние специальные учебные заведения» содержит данные по общему количеству изучаемых учебных заведений, числу учащихся в целом и с разбивкой по отделениям. Данные представлены на начало 1940/41, 1965/66, 1970/71, 1971/72, 1972/73, 1973/74, 1974/75 и 1975/76 учебных годов [47]. В следующей таблице приведена информация о числе принятых в техникумы и училища Архангельской области в общем и с разделением по различным отделениям. Данные приводятся за 1965, 1970, 1971, 1972, 1973, 1974 и 1975 гг. [48]. В третьей таблице приведены данные как по общему числу выпускников изучаемых учебных заведений, так и раздельно по отделениям техникумов и училищ. Данные приведены за те же годы, что и в предыдущей таблице [49]. Четвёртая таблица содержит информацию о числе выпускников как в целом, так и с разбивкой по 13 группам специальностей, по тем же годам, что и в предыдущих таблицах [50]. Последняя таблица содержит данные о числе женщин в составе учащихся изучаемых учебных заведений (в тыс. человек) и в общем, и в процентном соотношении к общему числу учащихся техникумов и училищ. Данные представлены на начало 1965/66, 1970/71, 1971/72, 1972/73, 1973/74, 1974/75 и 1975/76 учебных годов [51].

В статистическом сборнике «Народное хозяйство Вологодской области в восьмой пятилетке» информация по истории среднего специального образования содержится в следующих таблицах: «Высшие и средние специальные учебные заведения (на начало учебного года)», «Выпуск специалистов из высших и средних специальных учебных заведений (чел.)», «Распределение учащихся средних специальных учебных заведений по отраслевым группам» и «Число учащихся и преподавателей в техникумах и других средних специальных учебных заведениях (на начало 1970/71 учебного года; чел.)» [52].

Первая таблица содержит информацию об общем количестве средних специальных учебных заведений, а также о числе учащихся – как об-

щем, так и отдельно по дневному отделению. Данные представлены на начало 1914/15, 1940/41, 1950/51, 1960/61, 1965/66 и 1970/71 учебных годов [53]. Следующая таблица имеет данные о числе выпускников изучаемых учебных заведений области за 1960, 1965, 1966, 1967, 1968, 1969 и 1970 гг. [54]. Третья таблица содержит информацию по числу учащихся техникумов и училищ по отраслевым группам: промышленность, строительство, транспорт, сельское хозяйство, экономика, здравоохранение, просвещение, искусство. Данные представлены за 1960, 1965 и 1970 гг. [55]. Последняя таблица представляет данные по всем действующим на начало 1970/71 учебного года средним специальным учебным заведениям Вологодской области с указанием их названий, адреса, числа учащихся и преподавателей [56].

Статистический сборник Вологодской области, выпущенный по итогам девятой пятилетки, содержит следующие таблицы по изучаемому вопросу: «Высшие и средние специальные учебные заведения (на начало учебного года)» и «Выпуск специалистов из высших и средних специальных учебных заведений (чел.)» [57].

В первой таблице приведены данные о количестве техникумов и училищ области, а также о числе учащихся в них (тыс. человек) как в целом, так и отдельно по дневным отделениям. Данные представлены на начало 1940/41, 1965/66, 1970/71, 1971/72, 1972/73, 1973/74, 1974/75 и 1975/76 учебных годов [58]. Во второй таблице указано число выпускников средних специальных учебных заведений Вологодской области за 1965, 1970, 1971, 1972, 1973, 1974 и 1975 гг. [59].

В статистическом сборнике «Народное хозяйство Карельской АССР. Статистический сборник к 50-летию образования СССР» информация о развитии системы среднего специального образования в республике представлена в таблицах: «Число общеобразовательных школ, средних специальных и высших учебных заведений (на начало учебного года)», «Численность учащихся в общеобразовательных школах, средних специальных и высших учебных заведениях (на начало учебного года)», «Высшие и средние специальные учебные заведения (на начало учебного года)», «Выпуск специалистов из высших и средних специальных учебных заведений (чел.)» и «Выпуск специалистов по отдельным средним специальным учебным заведениям (чел.)» [60].

В первой таблице представлены данные по количеству средних специальных учебных заведений на начало 1914/15, 1927/28, 1940/41, 1945/46, 1965/66, 1970/71 и 1971/72 учебных годов [61]. В следующей таблице – информация о численности учащихся в техникумах и училищах (тыс. человек) за те же учебные годы, что и в предыдущей таблице. Внизу

таблицы указано «В 1920 году численность учащихся... в средних специальных учебных заведениях – 0,4 тысячи человек» [62]. Третья таблица содержит данные о количестве изучаемых учебных заведений, числе учащихся в них (тыс. человек), в том числе обучающихся на дневных, вечерних и заочных отделениях по отдельности. Данные представлены на начало 1913/14, 1927/28, 1940/41, 1945/46, 1965/66, 1970/71 и 1971/72 учебных годов [63]. В четвертой таблице – информация о числе выпускников специалистов со средним специальным образованием как в целом, так и раздельно по дневному, вечернему и заочному отделениям за 1945, 1965, 1970 и 1971 гг. [64]. Последняя таблица содержит данные о числе выпускников изучаемых учебных заведений как в общем, так и с разбивкой по конкретным учебным заведениям, действующим на момент составления статсборника (всего перечислено 16 техникумов и училищ). Данные представлены за 1960, 1965, 1970 и 1971 год [65].

В статистическом сборнике, выпущенном в 1977 г. в Карельской АССР, информация о развитии системы среднего специального образования представлена в таблицах «Средние специальные учебные заведения (на начало учебного года)» и «Средние специальные учебные заведения по отраслевым группам» [66]. В первой таблице содержатся данные о количестве средних специальных учебных заведений и общем числе учащихся. Кроме того, отдельно выделены данные о числе женщин-учащихся и проценте женщин в составе учащихся. Также отмечены данные о числе учащихся, обучающихся без отрыва от производства, выделен процент обучающихся без отрыва от производства из общего числа студентов. В таблице имеются данные о числе принятых на обучение, в том числе для обучения без отрыва от производства, а также данные по числу выпускников – как в целом, так и отдельно по обучавшимся без отрыва от производства. Данные представлены на начало 1965/66, 1970/71, 1975/76 и 1976/77 учебных годов [67]. Во второй таблице представлена информация как о количестве средних специальных учебных заведений, так и о выпускниках специалистов. Информация дана и в целом, и с разбивкой по 7 отраслевым группам учебных заведений. Данные представлены: по количеству учебных заведений на начало 1976/77 учебного года; по числу выпускников – за 1965, 1970, 1975 и 1976 гг. [68].

В сборнике «Коми АССР за 50 лет» информация по средним специальным учебным заведениям содержится в следующих таблицах: «Численность учащихся в общеобразовательных школах, средних специальных и высших учебных заведениях (на начало учебного года; тыс. чел.)», «Высшие и средние специальные учебные заведения (на начало учебного

года)», «Выпуск специалистов из средних специальных учебных заведений (чел.)» и «Выпуск специалистов по отдельным средним специальным учебным заведениям (чел.)» [69]. В первой таблице имеется информация о числе учащихся в изучаемых учебных заведениях, включая обучающихся заочно. Данные представлены на начало 1940/41, 1950/51, 1960/61, 1965/66 и 1970/71 учебных годов [70]. Следующая таблица содержит данные о количестве техникумов и училищ республики, числе учащихся в них – как в целом, так и раздельно на дневных отделениях и вечерних и заочных отделениях вместе. Данные представлены за те же учебные годы, что и в предыдущей таблице [71]. Таблица «Выпуск специалистов из средних специальных учебных заведений» содержит данные об общем числе выпускников, а также по отдельности – на дневных отделениях и на вечерних и заочных отделениях. Данные представлены за 1940, 1950, 1960, 1965, 1966, 1967, 1968, 1969 и 1970 гг. [72]. Последняя таблица содержит полный перечень действующих в республике на момент подготовки сборника техникумов и училищ с числом выпущенных специалистов. Данные представлены за 1940/41, 1950/51, 1960/61, 1965/66 и 1970/71 учебные годы [73].

В следующем **сборнике по Коми АССР** представлены **данные по девятой пятилетке**. Информация по системе среднего специального образования представлена в данном сборнике в таблицах «Высшие и средние специальные учебные заведения (на начало учебного года)» и «Выпуск специалистов из высших и средних специальных учебных заведений (чел.)» [74]. В первой таблице представлено количество изучаемых учебных заведений и число учащихся – как общее, так и с разбивкой по отделениям – на начало 1965/66, 1970/71, 1971/72, 1972/73, 1973/74, 1974/75 и 1975/76 учебных годов [75]. Во второй таблице имеются данные по выпускникам техникумов и училищ республики в целом и раздельно по дневному, вечернему и заочному отделениям. Данные приведены за 1965, 1970, 1971, 1972, 1973, 1974 и 1975 гг. [76].

В **сборнике по Мурманской области, выпущенном для служебного пользования**, интересующая нас информация представлена в следующих таблицах: «Учебные заведения (на начало учебного года)», «Приём в высшие и средние специальные учебные заведения области», «Выпуск специалистов», «Женщины в составе учащихся высших и средних специальных учебных заведений» и «Численность учащихся, приём и выпуск в разрезе учебных заведений (по всем видам обучения)» [77]. В первой таблице представлены данные по общему количеству изучаемых учебных заведений, числу учащихся в них – как в целом, так и раздельно по отделениям. Данные представлены на начало 1975/76, 1976/77 и 1977/78 учеб-

ных годов. Кроме того, имеются данные за 1977 г. в процентном соотношении к данным 1975/76 и 1976/77 учебных годов [78]. Во второй таблице имеется информация о числе принятых на обучение в техникумы и училища области как в общем, так и в разрезе дневных, вечерних и заочных отделений. Данные представлены за 1975, 1976 и 1977 гг., а также в процентном соотношении за 1977 г. по сравнению с данными 1975 и 1976 гг. [79]. Третья таблица содержит данные по числу выпущенных специалистов со средним специальным образованием: в целом; отдельно по дневному, вечернему и заочному отделениям; в соотношении на 10 тыс. человек населения. Информация представлена за те же годы, что и в предыдущей таблице [80]. В следующей таблице имеются данные о числе женщин в составе учащихся изучаемых учебных заведений как в целом, так и с разбивкой учебных заведений по отраслям: промышленности и строительства; физкультуры и спорта; здравоохранения; просвещения и искусства; экономики. Также представлена информация о проценте женщин среди всех учащихся. Данные приведены на начало 1975/76 и 1977/78 учебных годов [81]. В последней таблице имеется информация об общем числе учащихся на начало 1977/78 учебного года, числе принятых на обучение и числе выпускников за 1975 и 1977 годы. Данные приведены как в общем по всем техникумам и училищам Мурманской области, так и в разрезе каждого среднего специального учебного заведения, действующего на момент выпуска сборника [82].

Таким образом, в сборниках, выпущенных в 1970-х гг., появляется больше тематических таблиц, содержащих интересующую нас информацию по истории системы среднего специального образования. В ряде статистических сборников указаны число и процент женщин от общего числа учащихся. Кроме того, в сборнике, выпущенном по итогам восьмой пятилетки в Вологодской области, указано число преподавателей в каждом конкретном техникуме и училище области.

Анализ представленного в статистических сборниках областей и республик Европейского Севера РСФСР материала показал, что в рамках изучаемого периода в данных источниках содержится определённый массив сопоставимой с другими территориями и временными отрезками информации по исследуемой проблеме. Однако в ряде региональных сборников имеются специфические данные, не позволяющие провести параллели с соседними регионами без привлечения сторонних источников. Так, например, в статистическом сборнике по Вологодской области (1960) помимо указания общего числа всех учащихся были отмечены учащиеся очных и вечерних отделений вместе (без заочных отделений). Кроме того, в рамках периода 1960–1970-х гг. отмечена тенденция к увеличению раз-

нообразия приведённой информации (например, о числе женщин-учащихся, преподавателей техникумов и училищ, процентном соотношении различных групп данных) и увеличению количества таблиц с разноплановыми данными. Всё это не позволяет в полной мере сопоставить информацию, представленную в региональных сборниках за одни и те же временные отрезки в рамках изучаемого периода. Тем не менее статистические сборники по своей информативной ёмкости представляются весьма ценным для исследования источником, содержащим ключевые данные по многим вопросам истории развития системы среднего специального образования на изучаемой территории.

* * *

1. См., напр.: *Безносиков Я.Н.* Развитие народного образования в Коми АССР. – Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1973; *Бархатова С.В.* Подготовка и состав специалистов высшей и средней квалификации в Карелии в послевоенные годы (1945–1960): препринт доклада на заседании Учёного совета Института языка, литературы и истории (29 декабря 1988 г.). – Петрозаводск: КФАН СССР, 1988; *Полтавская Г.П., Бойков В.К., Гагиева А.К.* Кооперативное образование в Республике Коми. – Сыктывкар, 2005; *Мацук А.М.* Развитие угольной, нефтяной и газовой промышленности в Коми АССР и подготовка технических кадров в 1950–1980-е гг. // Вестник Института геологии Коми научного центра УрО РАН. – 2014. – № 4 (232). – С.20–24; *Мацук А.М.* Развитие системы среднего специального образования на Европейском Севере России в 1920-е–1980-е годы: динамика количества техникумов и числа учащихся // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – № 4 (28). – 2014. – С.46–73; *Мацук А.М.* Подготовка кадров в Ухтинском техникуме железнодорожного транспорта в Коми АССР (1944–1990 гг.) // Урал индустриальный: Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв.: в 2 т. – Екатеринбург, 2014. – Т.1. – С.428–431.

2. *Мацук А.М.* Региональные статистические сборники как источник по истории среднего специального образования на Европейском Севере России (1950–1980-е гг.) // Информационно-документальные процессы и технологии: история и современность: сб. статей / отв. ред. Т.И. Славко. – Сыктывкар: ГОУ ВО КРАГСиУ, 2015. – Вып. 3. – С.94–103.

3. Народное хозяйство Архангельской области: стат. сб. – Вологда, 1962; Народное хозяйство Вологодской области: стат. сб. – Вологда, 1960; 40 лет Карельской АССР: стат. сб. – Петрозаводск, 1962.

4. Народное хозяйство Архангельской области: стат. сб. ... – С.18, 138, 140, 144.
5. Народное хозяйство Архангельской области: стат. сб. ... – С.18.
6. Народное хозяйство Архангельской области: стат. сб. ... – С.138.
7. Народное хозяйство Архангельской области: стат. сб. ... – С.140.
8. Народное хозяйство Архангельской области: стат. сб. ... – С.144.
9. Народное хозяйство Вологодской области: стат. сб. ... – С.117–119.
10. Народное хозяйство Вологодской области: стат. сб. ... – С.117.
11. Народное хозяйство Вологодской области: стат. сб. ... – С.118–119.
12. 40 лет Карельской АССР: стат. сб. ... – С.97.
13. 40 лет Карельской АССР: стат. сб. ... – С.98–99, 102.
14. 40 лет Карельской АССР: стат. сб. ... – С.98.
15. 40 лет Карельской АССР: стат. сб. ... – С.99.
16. 40 лет Карельской АССР: стат. сб. ... – С.102.
17. 40 лет Карельской АССР: стат. сб. ... – С.17 (Приложения).
18. Архангельская область в цифрах: стат. сб. – Архангельск, 1967; Народное хозяйство Вологодской области за годы Советской власти: стат. сб. – Вологда, 1967; Народное хозяйство Мурманской области за 50 лет Советской власти. – Мурманск, 1967; Карельская АССР за 50 лет: стат. сб. – Петрозаводск, 1967; Коми АССР за 50 лет: стат. сб. – Сыктывкар, 1971.
19. Архангельская область в цифрах: стат. сб. ... – С.78, 82–83.
20. Архангельская область в цифрах: стат. сб. ... – С.78.
21. Архангельская область в цифрах: стат. сб. ... – С.82–83.
22. Народное хозяйство Вологодской области за годы Советской власти: стат. сб. ... – С.156–158.
23. Народное хозяйство Вологодской области за годы Советской власти: стат. сб. ... – С.156.
24. Народное хозяйство Вологодской области за годы Советской власти: стат. сб. ... – С.156.
25. Народное хозяйство Вологодской области за годы Советской власти: стат. сб. ... – С.157–158.
26. Народное хозяйство Мурманской области за 50 лет Советской власти... – С.88–91.
27. Народное хозяйство Мурманской области за 50 лет Советской власти... – С.88.
28. Народное хозяйство Мурманской области за 50 лет Советской власти... – С.89.

29. Народное хозяйство Мурманской области за 50 лет Советской власти... – С.91.
30. Народное хозяйство Мурманской области за 50 лет Советской власти... – С.91.
31. Карельская АССР за 50 лет: стат. сб. ... – С.124, 126–130.
32. Карельская АССР за 50 лет: стат. сб. ... – С.124.
33. Карельская АССР за 50 лет: стат. сб. ... – С.124.
34. Карельская АССР за 50 лет: стат. сб. ... – С.126.
35. Карельская АССР за 50 лет: стат. сб. ... – С.127–128.
36. Карельская АССР за 50 лет: стат. сб. ... – С.129.
37. Карельская АССР за 50 лет: стат. сб. ... – С.130.
38. Коми АССР за 50 лет: стат. сб. ...; Народное хозяйство Архангельской области в цифрах: стат. сб. – Архангельск, 1972; Народное хозяйство Архангельской области в цифрах: стат. сб. – Архангельск, 1976; Народное хозяйство Вологодской области в восьмой пятилетке: стат. сб. – Вологда, 1971; Народное хозяйство Вологодской области в девятой пятилетке: стат. сб. – Вологда, 1976; Народное хозяйство Карельской АССР: стат. сб. к 50-летию образования СССР. – Петрозаводск, 1972; Карельская АССР в цифрах в 1976 году: краткий стат. сб. – Петрозаводск, 1977; Коми АССР в девятой пятилетке: стат. сб. – Сыктывкар, 1976.
39. Население, культура, здравоохранение, труд: стат. сб. – Мурманск, 1978.
40. Народное хозяйство Архангельской области в цифрах: стат. сб. ... – С.185, 187–190.
41. Народное хозяйство Архангельской области в цифрах: стат. сб. ... – С.185.
42. Народное хозяйство Архангельской области в цифрах: стат. сб. ... – С.187.
43. Народное хозяйство Архангельской области в цифрах: стат. сб. ... – С.188.
44. Народное хозяйство Архангельской области в цифрах: стат. сб. ... – С.189.
45. Народное хозяйство Архангельской области в цифрах: стат. сб. ... – С.190.
46. Народное хозяйство Архангельской области в цифрах: стат. сб. ... – С.115, 148–153, 204–206, 208–209.
47. Народное хозяйство Архангельской области в цифрах: стат. сб. ... – С.204.
48. Народное хозяйство Архангельской области в цифрах: стат. сб. ... – С.205.

49. Народное хозяйство Архангельской области в цифрах: стат. сб. ... – С.206.
50. Народное хозяйство Архангельской области в цифрах: стат. сб. ... – С.208.
51. Народное хозяйство Архангельской области в цифрах: стат. сб. ... – С.209.
52. Народное хозяйство Вологодской области в восьмой пятилетке: стат. сб. ... – С.170–172.
53. Народное хозяйство Вологодской области в восьмой пятилетке: стат. сб. ... – С.170.
54. Народное хозяйство Вологодской области в восьмой пятилетке: стат. сб. ... – С.170.
55. Народное хозяйство Вологодской области в восьмой пятилетке: стат. сб. ... – С.171.
56. Народное хозяйство Вологодской области в восьмой пятилетке: стат. сб. ... – С.170–172.
57. Народное хозяйство Вологодской области в девятой пятилетке: стат. сб. ... – С.202–203.
58. Народное хозяйство Вологодской области в девятой пятилетке: стат. сб. ... – С.202.
59. Народное хозяйство Вологодской области в девятой пятилетке: стат. сб. ... – С.203.
60. Народное хозяйство Карельской АССР: стат. сб. к 50-летию образования СССР... – С.114–115, 118–121.
61. Народное хозяйство Карельской АССР: стат. сб. к 50-летию образования СССР... – С.114.
62. Народное хозяйство Карельской АССР: стат. сб. к 50-летию образования СССР... – С.115.
63. Народное хозяйство Карельской АССР: стат. сб. к 50-летию образования СССР... – С.119.
64. Народное хозяйство Карельской АССР: стат. сб. к 50-летию образования СССР... – С.119.
65. Народное хозяйство Карельской АССР: стат. сб. к 50-летию образования СССР... – С.120–121.
66. Карельская АССР в цифрах в 1976 году: краткий стат. сб. ... – С.101–102.
67. Карельская АССР в цифрах в 1976 году: краткий стат. сб. ... – С.101.
68. Карельская АССР в цифрах в 1976 году: краткий стат. сб. ... – С.102.

69. Коми АССР за 50 лет: стат. сб. ... – С.149–151.
70. Коми АССР за 50 лет: стат. сб. ... – С.149.
71. Коми АССР за 50 лет: стат. сб. ... – С.149.
72. Коми АССР за 50 лет: стат. сб. ... – С.150.
73. Коми АССР за 50 лет: стат. сб. ... – С.151.
74. Коми АССР в девятой пятилетке: стат. сб. ... – С.133–134.
75. Коми АССР в девятой пятилетке: стат. сб. ... – С.133.
76. Коми АССР в девятой пятилетке: стат. сб. ... – С.134.
77. Население, культура, здравоохранение, труд: стат. сб. ... – С.38–42.
78. Население, культура, здравоохранение, труд: стат. сб. ... – С.38.
79. Население, культура, здравоохранение, труд: стат. сб. ... – С.39.
80. Население, культура, здравоохранение, труд: стат. сб. ... – С.40.
81. Население, культура, здравоохранение, труд: стат. сб. ... – С.41.
82. Население, культура, здравоохранение, труд: стат. сб. ... – С.42.

Д.Т. Козлова,
*научный сотрудник
Института языка, литературы
и истории Коми НЦ УрО РАН*

**МАТЕРИАЛЫ ПЕРВОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
ТВОРЧЕСКИХ СОЮЗОВ РЕСПУБЛИКИ КОМИ (2008 г.)
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ
КУЛЬТУРЫ В ПЕРИОД РЕФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВА**

Среди факторов, влияющих на формирование социокультурной среды, особое место занимают профессиональные творческие союзы. Воздействуя на организацию и развитие художественной сферы, создавая духовные ценности, писатели, художники, композиторы, театральные деятели, архитекторы как социокультурная общность участвуют в нравственном и эстетическом воспитании личности.

1985 г. положил начало новому этапу в общественно-политической жизни общества, который повлёк за собой переустройство всех сфер жизни, в том числе в области культуры и искусства. Творческие союзы, созданные в годы советской власти, «к 1985 г. превратились в заполитизированные, бюрократические организации, что привело к тому, что члены творческих союзов первыми поддержали новый курс КПСС на реформирование советского общества» [1]. Однако надежды художественной интеллигенции на улучшение своего положения не оправдались, что изменило её отношение к правительству того времени. Утрата союзами значения государственных идеологических институтов и положения привилегированных общественных организаций повлекла за собой отмену их бюджетного финансирования, что значительно ухудшило положение творческих сообществ [2]. В перестроечный период были отменены ранее действовавшие законодательные акты, касавшиеся творческих работников. Тяжким бременем для творческих союзов явилось содержание помещений и творческих мастерских художников. Подобная ситуация наблюдалась во всех регионах России, Республика Коми также не была исключением. Неоднократные обращения представителей творческих союзов в государственные органы Республики Коми с целью улучшения финансового и материального положения результата не дали, поэтому в 2008 г.

творческое сообщество республики инициировало организацию конференции с приглашением представителей властных структур.

В 2008 г. в Коми региональных отделениях творческих союзов России было объединено 265 деятелей искусств, в том числе:

- в Отделении Общероссийской общественной организации Союз театральных деятелей РФ (Всероссийское театральное общество) – Союз театральных деятелей Республики Коми – 102 человека;

- в Коми республиканском отделении Всероссийской творческой общественной организации «Союз художников России» – 4;

- в региональном отделении Общероссийской организации «Союз писателей России» – Союз писателей Республики Коми – 51;

- в Союзе композиторов – в Коми региональном отделении общественной организации «Союз композиторов России» – 6;

- в Общественной организации «Союз мастеров декоративно-прикладного искусства Республики Коми» – 52;

- в Коми региональном отделении межрегиональной общественной организации творческого союза «Мастеров-художников и реставраторов музыкальных инструментов» – 12 человек.

Кроме этих организаций в республике действовали Союз концертных деятелей, Союз музыкальных деятелей, Союз кинематографистов, Союз архитекторов, Союз журналистов [3].

Четырнадцатого февраля 2008 г. в г. Сыктывкаре состоялась Первая конференция творческих союзов Республики Коми, по итогам которой был издан сборник под названием «Культура в годы реформ». Материалы Первой конференции творческих союзов имеют значительную научную ценность, т.к. являются важнейшим объективным источником деятельности творческих сообществ в период реформирования общества.

В конференции принимали участие 7 творческих союзов Республики Коми:

- 1) Союз писателей – 19 человек;
- 2) Союз театральных деятелей – 12 человек;
- 3) Союз художников – 16 человек;
- 4) Союз композиторов – 6 человек;
- 5) Союз мастеров – 3 человека;
- 6) Союз концертных деятелей – 1 человек;
- 7) Союз архитекторов – 1 человек,

а также представители Госсовета Республики Коми (А.В. Бушуева), Министерства экономики Республики Коми (М.А. Зюзин), Министерства культуры Республики Коми (Н.А. Боброва, С.А. Беляева, Н.А. Раевская), Администрации МО ГО «Сыктывкар» (С.Г. Терещенко), Общественной

палаты Республики Коми (М.В. Кузьмина), Рескома работников культуры (О.М. Налимова), Гимназии искусств при Главе Республики Коми, Колледжа искусств Республики Коми, Колледжа культуры Республики Коми, Коми республиканской филармонии, Национальной галереи Республики Коми, Республиканского Дома творчества. Всего в работе конференции принял участие 71 человек [4].

Конференцию открыл директор республиканского Дома творчества Б.Б. Май, который озвучил повестку дня: «Состояние и перспективы развития литературы и искусства Республики Коми». На обсуждение были предложены доклады:

- «Проблемы современной литературы республики» (Е.В. Козлова);
- «Духовная среда как главное условие человеческого существования» (М.Л. Герцман);
- «Судьба театров республики» (Г.А. Микова);
- «О мерах государственной поддержки творческих общественных организаций и создание нормативно-правовых актов в сфере культуры» (Р.С. Бендерский);
- «О развитии материальной базы и низком уровне подготовки кадров в учебных заведениях республики для народных промыслов» (В.В. Попов);
- «О бесперспективности существования Союза концертных деятелей» (Ф.Я. Святовец);
- «О проведении конкурсов на градостроительство» (Л.С. Федосов);
- «О государственной поддержке творческих союзов республики» (Н.А. Боброва).

Конференция носила неформальный характер, в связи с чем председатель профсоюза работников культуры Республики Коми О.М. Налимова заметила: «... поскольку в законодательстве отсутствует понятие “творческие работники”, вроде мы тут собрались не совсем правомочно...» [5].

Основное внимание выступающих было сфокусировано на отсутствии Закона о творческих союзах и творческих работниках, обеспечивавшего правовые гарантии работников культуры и творческих общественных организаций. Председатель Союза художников Республики Коми Р.С. Бендерский в докладе «О мерах государственной поддержки творческих общественных организаций и создание нормативно-правовых актов в сфере культуры» отметил, что в Перечне профессий РФ нет профессий живописца, скульптора: «Мы занимаемся как бы хобби. Художники не знают, что такое оплачиваемый больничный лист. Органы власти должны понимать, что люди, которые занимаются искусством, тоже работают, творчество – их профессия. Творческие работники не имеют конституци-

онных гарантий на труд, отдых, социальный пакет. Мы, творческие люди, не вписываемся в формат нашего общества» [6]. Председатель Союза писателей Е.В. Козлова также ставила вопрос о законодательной базе творческих союзов, т.к. члены Союза писателей, занимаясь только творческой работой, не имеют гарантий по оплате труда и выплате пенсионных [7]. Председатель Союза композиторов Республики Коми М.Л. Герцман сравнил статус творческих сообществ – общественных организаций – с клубами по интересам (цветоводов, собаководов и т.д.) [8].

Проблема финансирования творческих союзов была обозначена в каждом докладе. Председатель Союза писателей Республики Коми Е.В. Козлова акцентировала внимание на книгоиздании в связи с закрытием Коми книжного издательства, а также на сокращении финансирования социально-значимой литературы и малом тираже книг. В 2007 г. 44 человека участвовали в конкурсе Агенства по СМИ, по итогам которого экспертный совет рекомендовал к выпуску 38 книг. Однако на выделенные правительством республики средства в сумме 1 млн 300 тыс. руб. Агенство по СМИ запланировало выпустить только 5 книг [9]. О не состоявшемся по причине отсутствия средств в Сыктывкаре XXII Всероссийском фестивале музыки композиторов Поволжья, Урала и Республики Коми «Между Волгой и Уралом», в то время как тот был утверждён Союзом композиторов России, была выработана своя музыкальная концепция и разосланы приглашения, доложил М.Л. Герцман [10]. Проекты Республиканской филармонии «Каждой сельской школе – концерт классической музыки», концертных программ по жанрам на селе не состоялись в 2007 г. по причине отсутствия средств на проезд [11]. Л.С. Федосов констатировал, что в 1996 г. Ю.А. Спиридонов подписал Указ «О развитии архитектуры в Республике Коми», где отдельным пунктом было прописано ежегодное проведение республиканского фестиваля «Зодчество», однако вопрос финансирования был решён только через 3 года [12]. Председатель Союза театральных деятелей Республики Коми Г.А. Микова, выступая с докладом «Судьба театров республики», отметила, что в условиях перехода к свободной рыночной экономике Союз театральных деятелей Республики Коми находится в условиях снижения дотации со стороны государства; «вписанные в рынок театры уже не стремятся заниматься творчеством – надо зарабатывать» [13]. В круг проблем, обозначенных докладчиком, вошли следующие: сокращение постановочных средств, дефицит главных режиссёров, отсутствие финансирования на гастрольную деятельность, проблема нехватки молодых актёров, репертуара, т.к. «из-за отсутствия средств театр вынужден брать пьесы авторов, которые продают подешевле, а не по качеству» [14].

В целях решения проблемы Р.С. Бендерский предложил обеспечить целевое финансирование (предоставление государственных грантов) отдельных общественно-полезных программ творческих союзов, а также творческих работников по их заявкам в виде заключения с ними любых видов договоров [15].

Проблема социального (государственного) заказа была отмечена в докладах всех председателей творческих союзов. «Отмена практики творческих заказов нас убивает. Мы сочиняем, но сочиняем в стол! Провести авторский концерт невозможно», – говорил композитор М.Л. Герцман [16]. Театры также не могут закупать пьесы местных драматургов. Много лет Национальной галереей Республики Коми не закупаются картины и изделия мастеров декоративно-прикладного искусства. М.Л. Герцман заострил внимание на проблеме взаимоотношений власти и творческих работников в контексте обсуждения вопроса о формировании духовной среды, напомнив, что «министерство культуры придумано только потому, что существуем мы – те, кто создаёт произведения искусства. И в вечной проблеме искусства и власти, иначе говоря – в вопросе взаимозависимости бюрократического ведомства, не следует путать причину со следствием» [17]. Председатель Союза архитекторов Республики Коми Л.С. Федосов по этому поводу озвучил свою точку зрения: «Нам в принципе не надо дружить с начальством, потому что союзы должны быть противовесом отраслевых государственных структур. То есть каждый из нас должен делать своё дело» [18].

В ряде докладов была обозначена проблема материально-технической базы. Р.С. Бендерский акцентировал внимание на резком повышении арендных ставок и тарифов на коммунальные платежи в перестроечный период, что «привело к уничтожению производственной базы Дома художника, который превратился в дом бытовых услуг, а 40 профессиональных художников остались без рабочего места. Долг художников за аренду мастерских в Республике Коми составил 1 млн 100 тыс. руб.» [19]. Р.С. Бендерский внёс следующие предложения в решение конференции: органам местного самоуправления МО ГО «Сыктывкар» принять нормативный правовой акт о предоставлении Союзу художников нежилых помещений в качестве творческих мастерских в безвозмездное пользование; органам власти Республики Коми принять нормативные правовые акты о предоставлении льгот по оплате коммунальных услуг. Об отсутствии мастерских и помещений для постоянно действующих выставок, оборудования, инструментария, сырья говорил председатель Союза мастеров Республики Коми В.В. Попов. Вследствие этого к концу XX в. в республике утрачен ряд промыслов: резьба по дереву, литьё, гончарное произ-

водство и др. В.В. Попов предложил возобновить Художественный экспертный совет в связи с тем, что некоторые торговые точки продают продукцию очень низкого качества [20].

Выступающие подчёркивали взаимосвязь жилищной проблемы и проблемы молодых кадров, которые не закрепляются в республике из-за отсутствия гарантированного жилья. «Жилищная проблема остаётся по-прежнему очень острой, – подчеркнула Г.А. Микова. – Разговоры о том, что в Выльгортке будет перестроено общежитие, прекратились» [21]. Жилищный вопрос поднимал в своём докладе и М.Л. Герцман в связи с большой текучестью кадров в Театре оперы и балета Республики Коми.

Повестку дня завершал доклад министра культуры и национальной политики Республики Коми Н.А. Бобровой «О государственной поддержке творческих союзов республики», в котором были сконцентрированы главные проблемы творческого сообщества, обозначены их объективные причины и предложены пути решения. По мнению министра, вопросы правового статуса творческих работников, их профессиональной и социальной защищённости продолжают оставаться одними из самых острых. В законодательстве о занятости, социальном страховании, пенсионном законодательстве специфика творчества не учитывается. Закон Республики Коми «О культуре» носит декларативный характер. В связи с этим необходимо обеспечить принятие изменений в законы о занятости, социальном страховании, пенсионном обеспечении с целью отражения в законодательстве РФ специфики труда и профессиональной деятельности творческих работников, ускорить принятие в новой редакции законопроекта «О творческих работниках и творческих союзах в Российской Федерации».

Рассматривая финансовый вопрос, Н.А. Боброва указала на объективные причины, заключающиеся в отсутствии на республиканском уровне правовых актов, фиксирующих дополнительные выплаты работникам культуры и искусства. Низкая заработная плата в отрасли не позволяет решать вопросы приобретения жилья. Проблемными, по мнению министра, являются следующие направления деятельности: закуп произведений драматургии, музыки, изобразительного и декоративно-прикладного искусства авторов Республики Коми; грантовая поддержка; материальная поддержка ветеранов; оплата командировочных расходов по участию представителей творческих союзов в фестивалях, ярмарках, конкурсах. Н.А. Боброва предложила пути решения обозначенных проблем: выделение дополнительных финансовых средств из республиканского бюджета; перераспределение средств текущего финансирования отрасли; введение отраслевой системы оплаты труда с учётом реального повышения заработной платы; принятие ведомственных программ «Культура» [22].

Далее участники конференции приступили к прениям по обозначенным в докладах проблемам, а именно: катастрофическое старение творческих союзов; кадровый вопрос в ряде ведущих учреждений искусства; государственный заказ на приобретение наиболее значимых произведений музыки и живописи для музеев, театров, филармонии; языковая и жанровая неопределённость театров; режиссёрский «голод» во всех театрах республики; публикация и тиражирование произведений национальной литературы в связи с ликвидацией Коми книжного издательства; объединение Колледжа искусств и Колледжа культуры в одно учебное заведение; материальное стимулирование, стажевые надбавки, гранты Главы республики для актёров театров, художников и композиторов; справедливая оплата авторских гонораров поэтам, писателям, драматургам; материальная поддержка ветеранов искусства [23].

На конференции дискутировались вопросы о власти и искусстве, происхождении и привилегиях творческих союзов, конкурсе социально-значимой литературы. С целью решения обозначенных проблем творческого сообщества Республики Коми по итогам конференции участниками была принята резолюция.

Резолюция первой конференции творческих союзов Республики Коми

Заслушав выступления руководителей профессиональных союзов, деятелей литературы и искусства Республики Коми, Первая конференция творческих союзов постановляет направить обращение:

Госсовету Республики Коми:

1. Разработать и принять республиканский закон «О творческих союзах и творческих работниках на территории Республики Коми», в котором предусмотреть:

- меры по укреплению материально-технической базы творческих союзов;
- выделение творческим союзам мастерских на условиях льготных коммунальных услуг и арендной платы;
- увеличение гонорарных ставок;
- выделение средств на творческие командировки членов союзов;
- первоочередное право на различные виды господдержки в рамках РЦП «Жилище» с целью приобретения жилья;
- доплаты к заработной плате;
- надбавки к пенсиям известным деятелям литературы и искусства, оказание им материальной помощи в случаях обращений и выделение пособий родственникам в случае смерти.

2. Разработать и принять РЦП «Культура» на среднесрочную перспективу с гарантированным ежегодным выделением средств из консолидированного бюджета Республики Коми, в которой предусмотреть:

- систему государственного социального заказа на приобретение литературных, литературно-драматических, музыкальных, изобразительных и декоративно-прикладных произведений искусства авторов Республики Коми;

- выделение средств и их ежегодное индексирование на издание социально-значимой литературы (не ниже объёмов 2007 г. – 7,2 млн руб.);

- финансирование участия членов творческих союзов в фестивалях, ярмарках, конкурсах и других мероприятиях, способствующих развитию творческих связей с другими регионами, странами и международными организациями в сфере культуры и искусства;

- учреждение системы грантов для членов творческих союзов.

3. Предусмотреть ежегодное бюджетное финансирование по строке «На поддержку профессиональных творческих союзов Республики Коми».

4. В случаях невозможности принять данных республиканских законов и республиканской целевой программы без соответствующих документов на федеральном уровне, обратиться с законодательными инициативами об их разработке, рассмотрении и утверждении в Госдуме и Совет Федерации Федерального собрания Российской Федерации с подключением депутатов Госдумы от Республики Коми (Р. Гольштейна, Е. Самойлова, А. Андреева) и сенаторов от Республики Коми (И. Васильева и Е. Трофимова).

Правительству Республики Коми:

1. Открыть государственное учреждение «Коми книжное издательство», придать ему статус национального и финансировать его деятельность из консолидированного бюджета Республики Коми, в том числе – по распространению книжной продукции с учётом оптимально быстрых путей доставки изданий до читательских аудиторий.

2. Предусмотреть внесение изменений в бюджет Республики Коми с целью увеличения объёмов финансирования мероприятий Министерства культуры Республики Коми, начиная с третьего квартала текущего финансового года.

3. Принять постановление о создании при Министерстве культуры Республики Коми попечительского фонда в статусе государственного учреждения из числа руководителей предприятий крупного и среднего бизнеса, осуществляющих производственную деятельность на территории Республики Коми, посредством выделения ими финансовых средств на счёт данного фонда, которые будут расходоваться на оказание поддержки учреждений литературы и искусства Республики Коми.

4. Отказаться от слияния колледжа культуры и колледжа искусства Республики Коми, разрабатываемого в рамках плана по реформированию системы среднего профессионального образования.

5. Возродить проведение общественно значимых конкурсов градостроительных и архитектурных проектов в муниципальных образованиях.

6. Предусмотреть финансирование разработки открытых версий генеральных планов городов и сельских населённых пунктов в Республике Коми.

Министерству культуры Республики Коми:

1. Возродить ежегодное проведение Дней литературы и искусства в муниципальных образованиях Республики Коми с выездом и проведением на территориях творческих встреч деятелей литературы и искусства с местным населением.

2. Возродить ежегодное проведение общереспубликанского конкурса драматургов с поощрением победителей в виде денежных премий, издания их работ и рекомендации к постановкам в театральных учреждениях Республики Коми, а также содействия пропаганде работ победителей за пределами Республики Коми.

3. Создать экспертный совет по вопросам литературы и искусства с целью проведения экспертизы нормативно-правовых актов, касающихся данной отрасли.

4. Организовать регулярное проведение общереспубликанского театрального конкурса имени Степана Ермолина с итоговой церемонией награждения победителей.

5. Издавать ежегодно сборники драматических и музыкальных произведений, каталогов альбомов членов творческих союзов.

6. Предусмотреть увеличение единиц в штатном расписании республиканского Дома творчества с целью взаимодействия с руководителями творческих союзов.

Администрации МО ГО «Сыктывкар»:

1. Изыскать возможность возведения в течение ближайших 5 лет жилого многоквартирного дома на территории МО ГО «Сыктывкар» с последующим выделением всего объёма квартир в статусе ведомственных для основных учреждений культуры и искусства с целью предоставления жилья для приглашённых и местных работников.

2. Изыскать возможность выделения нежилых помещений творческим работникам в безвозмездное пользование в качестве мастерских (студий) на основе льготной оплаты аренды и коммунальных услуг.

3. Изыскать возможность выделения помещений (в качестве художественного салона) для постоянно действующей выставки работ декоративно-прикладного искусства [24].

Рассмотрев доклады, рекомендации, резолюцию, проанализировав состав участников, специфику их высказываний по проблеме творческих союзов Республики Коми в период реформирования общества, можно сделать вывод о том, что материалы Первой конференции творческих союзов являются самостоятельным источником, который обладает значительной научной ценностью. Конференция обозначила основные проблемы, стоявшие перед творческими союзами в период реформирования: изъятые в законодательной базе, острый недостаток финансирования, неудовлетворительная материально-техническая база и низкий уровень оснащённости союзов, грантовая поддержка, социальный заказ. На конференции органам

государственной власти были предложены пути решения этих проблем. Ценность данного первоисточника для исследования истории культуры региона заключается в том, что он содержит оценки «от первого лица» – от непосредственных участников культурного процесса.

* * *

1. Цит. по: *Брежнева Л.А.* Художественная интеллигенция в общественно-политической жизни советского общества. 1985–1991: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1999. – С.4.
2. *Коржов В.К.* Партийное руководство деятельностью творческих коллективов // *Перестройка: проблемы, поиски, находки.* – М., 1987. – С.98.
3. *Культура в годы реформ* // Материалы первой конференции творческих союзов Республики Коми (Сыктывкар, 14 февраля 2008 г.). – Сыктывкар: Общественная палата Республики Коми, 2008. – С.50.
4. *Культура в годы реформ...* – С.85.
5. Цит. по: *Культура в годы реформ...* – С.15.
6. Цит. по: *Культура в годы реформ...* – С.37.
7. *Культура в годы реформ...* – С.19.
8. *Культура в годы реформ...* – С.23.
9. *Культура в годы реформ...* – С.14.
10. *Культура в годы реформ...* – С.23.
11. *Культура в годы реформ...* – С.45.
12. *Культура в годы реформ...* – С.45.
13. *Культура в годы реформ...* – С.30.
14. *Культура в годы реформ...* – С.30.
15. См.: *Культура в годы реформ...* – С.40.
16. См.: *Культура в годы реформ...* – С.16.
17. См.: *Культура в годы реформ...* – С.23.
18. См.: *Культура в годы реформ...* – С.45.
19. Цит. по: *Культура в годы реформ...* – С.35.
20. *Культура в годы реформ...* – С.30.
21. Цит. по: *Культура в годы реформ...* – С.32.
22. *Культура в годы реформ...* – С.47–58.
23. *Культура в годы реформ...* – С.58–81.
24. *Культура в годы реформ...* – С.82–85.

А.Н. Турубанов,

д-р ист. наук, профессор,

гл. научный сотрудник

Института языка,

литературы и истории

Коми НЦ УрО РАН

И.А. Тюкавина,

канд. ист. наук, доцент кафедры

управления информационно-

документационными и социально-

политическими процессами

ГОУ ВО «Коми республиканская

академия государственной

службы и управления»

ОБ ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТАХ ПО ИСТОРИИ ПЕЧОРСКОГО УГОЛЬНОГО БАСЕЙНА

В связи с тем, что в последние годы наблюдается большой интерес общественности к истории развития топливного комплекса страны и регионов, в том числе и Печорского угольного бассейна, данная тема представляется нам актуальной и заслуживающей внимания исследователей.

Печорский угольный бассейн – крупнейшее месторождение угля в России площадью 90 тыс. м², расположенное вблизи г. Воркуты, на территориях Республики Коми, Архангельской области и Полярного Урала. На его территории разведано около 30 месторождений полезных ископаемых. Добываемые здесь антрациты, бурый уголь, полуантрациты и тощие угли обеспечивают работу металлургии, энергетики, углехимии.

Несмотря на то, что учёными Республики Коми проделана значительная работа по изучению топливного комплекса региона в целом и Печорского угольного бассейна в частности, комплексных обобщающих работ по его истории практически нет.

Вместе с тем следует отметить, что значительное внимание ведущим отраслям топливной промышленности, в том числе и угольной, уделялось в обобщающих работах по истории Коми края [1]. Основное место в данных публикациях отводилось анализу проблем становления и развития топливного хозяйства республики, в то время как историографические проблемы освещались слабо. И только в ряде работ исследователями

были предприняты попытки осмыслить изученный материал и наметить периодизацию исследовательского процесса [2]. Тем не менее достаточно изученными можно считать некоторые вопросы истории развития Печорского угольного бассейна, а именно:

- промышленное производство в Воркуте и Инте советского периода. Необходимо отметить, что наиболее подробно изучен период Великой Отечественной войны [3]. Это вызвано рядом причин, в их числе разработка научного проекта «Коми АССР и годы Великой Отечественной войны (1941–1945)», реализуемого учёными Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН с 2000 по 2005 г., а также большой интерес исследователей к данному периоду истории нашей страны;

- отдельные направления развития механизмов, агрегатов и переносных технологий, эффективность их использования [4];

- экономические проблемы развития Печорского угольного бассейна [5].

Большое внимание во всех работах учёных Республики Коми уделено конкретной истории Воркуты и Инты, кроме того, этим северным городам посвящены работы отдельных авторов [6], геологов – исследователей печорских углей – и ветеранов труда [7].

Далее, важные проблемы истории Печорского угольного бассейна были освещены в материалах научных и научно-практических конференций и симпозиумов, в ряде документальных публикаций [8]. Однако остался ряд вопросов, которые требуют более детального изучения. Так, по нашему мнению, необходимо продолжить исследование вклада людей, насильственно перемещённых в республику, в развитие её угольного бассейна в 30–50-е гг. XX века. Требуют дальнейшего исследования и проблемы развития материально-технической базы, повышения уровня материального благосостояния работников исследуемой сферы, а также количественные и качественные изменения в составе работающих в Воркуте и Инте.

Таким образом, обзор основных направлений исследования вопросов истории Печорского угольного бассейна показывает, что учёными Республики Коми проведена большая работа по изучению формирования и развития этого уникального угольного месторождения страны. На наш взгляд, главной задачей исследователей края является обобщение накопленного материала, дополнение его новыми фактическими и историческими данными и на этой базе создание фундаментальных трудов по истории Печорского угольного бассейна.

* * *

1. Очерки по истории Коми АССР. – Сыктывкар, 1955. – Т.1; Очерки по истории Коми АССР. – Сыктывкар, 1962. – Т.2; *Дьяков Ю.Л.* Северная угольно-металлургическая база страны: возникновение и развитие. – М., 1973; История Коми АССР с древнейших времён до наших дней. – 2-е изд. – Сыктывкар, 1981; Очерки истории Коми областной организации КПСС. – Изд. второе, доп. и перераб. – Сыктывкар, 2004; *Турубанов А.Н.* Топливный комплекс Республики Коми в XX веке: монография. – Сыктывкар, 2007; *Турубанов А.Н.* Строительный комплекс Республики Коми в XX веке: монография. – Сыктывкар: КРАГСиУ, 2012 и др.

2. *Турубанов А.А., Светопольская В.О., Лапин Г.В.* Проблемы индустриального развития Республики Коми в исторической литературе // *Историография Коми (Материалы по истории Коми).* – Сыктывкар, 1999. – Вып. 2; *Турубанов А.Н.* О некоторых вопросах изучения экономики и культуры Коми АССР // *Архивы в XXI веке: проблемы и перспективы: тезисы докладов науч.-практ. конф. (23–24 октября 2002 г.).* – Сыктывкар, 2002; *Сметанин А.Ф.* Историческая наука в Республике Коми: состояние и перспективы // *Материалы круглого стола по актуальным проблемам развития исторической науки в Республике Коми (22 июня 2004 г., Сыктывкар).* – Сыктывкар, 2004; *Турубанов А.Н.* Развитие исторических исследований в Республике Коми // *Материалы круглого стола по актуальным проблемам развития исторической науки в Республике Коми (22 июня 2004 г., Сыктывкар).* – Сыктывкар, 2004 и др.

3. *Торопов В.Г.* Коми партийная организация в борьбе за освоение и развитие Печорского угольного бассейна в годы Великой Отечественной войны. – Сыктывкар, 1969; *Захаров В.Д.* Уголь Победы // *Книга Памяти Республики Коми.* – Сыктывкар, 2002. – Т.9 и др.

4. Печорский угольный бассейн. 1924–1959 гг. – Л., 1959; *Коломиец В., Котюк П.* Новаторы – производству: опыт работы рационализаторов ордена Ленина комбината «Воркутауголь». – Сыктывкар, 1967; *Чупров А.С.* Энергетика Республики Коми. Т.1: История электрификации и теплофикации народного хозяйства (1908–1965 гг.). – Сыктывкар, 2001; *Герасимов Н.Н.* Печорские угли лучшие, но дорого стоят // *Уголь.* – 2001. – № 8; *Логинов А.К.* ОАО «Воркутауголь» – состояние и пути повышения эффективности производства // *Уголь.* – 2003. – № 8 и др.

5. *Витязева В.А.* Печорский угольный бассейн. – М., 1955; Очерки по развитию промышленности Коми АССР. – Сыктывкар, 1956; *Шевченко Л.Г., Панес Л.Г., Гавриленко М.М.* Научная организация труда

на шахте. – Сыктывкар, 1971; *Дмитриева Т.Е., Калинин А.А., Лаженцев В.Н.* Топливо-энергетический комплекс: региональные проблемы и фирменные стратегии // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. – СПб., 2003; Топливный сектор Республики Коми: направления и методы регулирования развития. – Сыктывкар, 2002 и др.

6. *Торопов В.Г.* Указ. соч.; *Захаров В.Д.* Указ. соч.; *Ушник Н.* Воркута. – Сыктывкар, 1964; *Малафеевская Л.Н.* Город на Большой Инте. – Сыктывкар, 2004; *Жеребцов Н.Л.* Трудный век строителей (о некоторых этапах истории строительства в Коми крае. – Сыктывкар, 2008; Воркута. Город на угле, город в Арктике. – Сыктывкар, 2011; *Иевлев А.А.* Угольный рудник Кожим. – Сыктывкар: Геопринт, 2012 и др.

7. *Чернов А.А.* Минерально-сырьевая база Северо-Востока Европейской части СССР. – М.: АН СССР, 1948; Александр Александрович Чернов / Институт геологии Коми НЦ УрО РАН. – СПб.: Наука, 1995; *Панев З.В.* Крутые выражи. – Сыктывкар, 1993; *Кочурин Н.Н.* Уроки покорения севера. – М.: ПИК, 1998; *Кочурин Н.Н.* Коми на поворотах истории. – М.: ПИК, 2002; *Чернов Г.А.* Печорский край – судьба моя (по запискам геолога). – М.: Научный мир, 2002; *Котельников В.М.* Коми земля – моя вторая малая Родина. – Сыктывкар, 2004 и др.

8. Угольная сокровищница Севера: сб. документов и материалов. – Сыктывкар, 1984. – С.141–142; Развитие производительных сил Коми АССР: материалы конференции по развитию и размещению производительных сил Коми АССР (20–23 сентября 1966 г.). – Л., 1968; Проблемы повышения эффективности производства и развития производительных сил Коми АССР: материалы III науч. конф. (26–28 сентября 1972 г.). – Сыктывкар, 1973; Тимано-Печорский ТПК и научно-технический прогресс: тезисы Всесоюзной науч.-практ. конф. – Сыктывкар, 1986. – Т.1–2; Республика Коми. Экономическая стратегия вхождения в XXI век: материалы науч. конф. (13–14 марта 1995 г.). – Сыктывкар, 1996; *Турубанов А.Н.* Об опубликованных источниках по истории Воркуты // Историко-культурные аспекты изучения северных территорий России: сб. статей по материалам симпозиума. – Сыктывкар: ГОУ ВО КРАГСиУ, 2017 и др.

А.А. Попов,

*д-р ист. наук, профессор,
зам. председателя Коми
регионального экспертного
Совета (РЭС) РФФИ*

С.А. Грубская,

*секретарь Коми РЭС РФФИ,
гл. специалист-эксперт
Министерства образования,
науки и молодёжной политики
Республики Коми*

**СОВРЕМЕННАЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРАКТИКА
РОССИЙСКОГО ФОНДА
ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ
(на материалах Регионального конкурса РФФИ
в Республике Коми)**

Сотрудничество Республики Коми с Российским фондом фундаментальных исследований (далее – РФФИ) и Российским гуманитарным научным фондом (далее – РГНФ) было положено в начале 2000-х гг. посредством Соглашений о региональных конкурсах с паритетным софинансированием грантовых проектов. Сами фонды были созданы в 1990-е гг., чтобы в условиях резкого сокращения бюджетного финансирования научных исследований академической и вузовской науки поддержать её через предоставление грантов, в том числе в формате региональных конкурсов. РФФИ был создан Указом Президента РФ от 27.04.1992 Постановлением Правительства РФ «О Российском гуманитарном научном фонде» от 08.09.1994 [1] на базе РФФИ был организован РГНФ. В 2000 г. было подписано Соглашение с РФФИ о региональном конкурсе в Республике Коми на период 2001–2005 гг., в 2001 г. аналогичное Соглашение на период 2002–2005 гг. было подписано с РГНФ на участие Республики Коми в региональном конкурсе «Русский Север: история, современность, перспективы». Соглашения с Фондами были инициированы Главой Республики Коми Ю.А. Спиридоновым. В дальнейшем соглашения пролонгировались на 5-летние сроки (в 2009–2013 гг. имел место перерыв в организации

регионального конкурса РФФИ, конкурс был возобновлён в 2014 г.). Региональные конкурсы Фондов позволили научным коллективам и индивидуальным грантополучателям реализовать в республике ряд крупных проектов по естественным и гуманитарным наукам. Так, только в рамках участия республики в региональном конкурсе РГНФ «Русский Север: история, современность, перспективы» за 2002–2017 гг. было реализовано около 200 проектов по гуманитарным наукам (в том числе научные конференции и полевые экспедиционные работы), грантополучателями являлись академические институты Коми НЦ УрО РАН, все вузы региона, Национальный музей Республики Коми, Национальная галерея Республики Коми, Национальный архив Республики Коми, Национальная библиотека Республики Коми.

Распоряжением Правительства РФ от 29.02.2016 № 325-р [2] осуществлена реорганизация Фондов в форме присоединения РГНФ к РФФИ. В структуре РФФИ создано Отделение гуманитарных и общественных наук. В 2016 г. сумма бюджетных ассигнований РГНФ составила 1,8 млрд руб., РФФИ – 9,7 млрд руб., т.е. суммарно – 11,5 млрд рублей. Как отметил вице-премьер Правительства РФ А.В. Дворкович, объединение осуществлено с целью увеличения объёма междисциплинарных исследований естественных и гуманитарных наук, а также для сокращения объёма административных затрат [3].

Сегодня отношения Правительства Республики Коми и РФФИ осуществляются в рамках реализации подпрограммы «Наука и инновации» Государственной программы Республики Коми «Развитие экономики», утверждённой Постановлением Правительства Республики Коми от 28.09.2012 № 418 [4]. Двадцать шестого января 2018 г. было подписано Соглашение между Правительством Республики Коми и федеральным государственным бюджетным учреждением «Российский фонд фундаментальных исследований» о проведении региональных конкурсов проектов фундаментальных научных исследований и регионального конкурса проектов организации российских и международных научных мероприятий на 2018–2020 годы. Задачи конкурсов – поддержка фундаментальных научных исследований, создание условий для обмена результатами исследований по научным проектам, поддержанным РФФИ и Правительством Республики Коми, развитие научного сотрудничества, поддержка научных коллективов и отдельных учёных, в том числе молодых, которые проводят фундаментальные исследования на территории республики.

Реорганизация РГНФ в форме присоединения к РФФИ, несомненно, затронула характер нового Соглашения. В частности, Правительством Республики Коми был составлен новый перечень актуальных и приори-

тетных для региона научных исследований, включающий и естественное и гуманитарное направления. Перечень закреплён в приложении к Соглашению. Кроме того, объединилось и финансирование, составив в общем объёме 4,8 млн руб. ежегодно, по-прежнему на условиях паритета (по 2,4 млн руб. с каждой стороны – Правительства Республики Коми и РФФИ). Региональные экспертные советы, действовавшие строго по различным направлениям – естественному и гуманитарному, – также объединились. По требованиям Фонда сокращено количество экспертов в процессе объединения. В итоге Правительством Республики Коми предложен, а решением бюро Совета РФФИ от 01.02.2018 утверждён новый состав Регионального экспертного совета по Республике Коми (далее – РЭС РК). Как и прежде, на РЭС РК возложена задача по экспертизе и отбору научных проектов на предмет соответствия утверждённому перечню направлений, актуальным для Республики Коми, Севера и Арктики. Экспертиза проводится по правилам РФФИ и представляет собой 2-ступенчатую процедуру. На региональном этапе РЭС РК, представляющий собой контрольную инстанцию, ведёт приём заявок и проводит техническую экспертизу. Далее следует совместная (экспертов РФФИ и региональных экспертов) работа по оценке научных проектов, выстраиванию рейтинга и принятию решения и в части поддержки, и в части определения суммы финансирования каждого проекта. Сформированные федеральными и региональными экспертами предложения направляются в Совет РФФИ для утверждения.

В 2018 г. на конкурс было подано 67 заявок по различным областям знаний (см. *табл. 1*). Наибольшее их количество относится к таким сферам, как биология (22 заявки), наука о Земле (11), экономика (9), химия и науки о материалах (6 заявок). Всего лишь по 1 заявке зафиксировано в следующих областях: филология и искусствоведение; философия, политология, социология, правоведение, социальная история науки и техники, науковедение; фундаментальные основы медицинских наук; фундаментальные основы сельскохозяйственных наук. Количество заявок по естественным наукам в общем объёме заявок составило 48 (72% от общего количества), тогда как по гуманитарным наукам – всего лишь 19 (28% от общего количества).

В качестве руководителей проектов выступили представители как научных учреждений, так и образовательных организаций высшего образования Республики Коми (см. *табл. 2*). Среди них лидирует Институт биологии Коми НЦ УрО РАН (30% в общем объёме заявок), Сыктывкарский государственный университет им. П. Сорокина (25%), Институт геологии Коми НЦ УрО РАН (13%), Институт химии Коми НЦ УрО РАН (10%).

Т а б л и ц а 1

*Перечень заявок, поступивших на конкурс в 2018 г.,
по областям знаний*

Область знаний	Исследования	Конференции	Доля, %
Математика и механика	2	–	3
Физика и астрономия	2	1	5
Химия и науки о материалах	6	–	9
Биология	22	–	33
Науки о Земле	11	–	17
Фундаментальные основы инженерных наук	2	–	3
История, археология, этнология и антропология	3	1	6
Экономика	9	2	17
Философия, политология, социология, правоведение, социальная история науки и техники, науковедение	1	–	1
Филология и искусствоведение	1	–	1
Психология, фундаментальные проблемы образования, социальные проблемы здоровья и экологии человека	1	1	3
Фундаментальные основы медицинских наук	1	–	1
Фундаментальные основы сельскохозяйственных наук	1	–	1
Всего	62	5	100
Естественные науки	47	1	72
Гуманитарные науки	15	4	28

Согласно требованиям РФФИ каждый эксперт оценивает проект по различным критериям по 3-балльной шкале, подводя итоги рекомендациями о поддержке. В этом случае фонд предлагает ранжирование по классам: «безусловно поддержать» (А), «целесообразно поддержать» (В), «поддержка возможна» (С) и «проект не заслуживает поддержки» (D).

По результатам проведённой экспертизы в 2018 г. был сформирован ранжированный перечень проектов в соответствии с классом (см. табл. 3). Более половины проектов (48) набрали высокие баллы, получили высокую экспертную оценку и рекомендованы к поддержке.

Т а б л и ц а 2

Перечень организаций, указанных в заявках руководителей проектов

Наименование организации, предоставляющей условия для выполнения работ по проекту	Кол-во поданных заявок	Доля, %
Институт биологии Коми НЦ УрО РАН	20	30
ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»	17	25
Институт геологии Коми НЦ УрО РАН	9	13
Институт химии Коми НЦ УрО РАН	7	10
ГОУ ВО КРАГСиУ	3	5
Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН	3	5
Коми НЦ УрО РАН	3	5
ФГБОУ ВО УГТУ	2	3
Институт физиологии Коми НЦ УрО РАН	2	3
Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН	1	1
Всего	67	100

Т а б л и ц а 3

Итоги экспертизы проектов

Кол-во набранных баллов	Общее кол-во	Доля, %	Количество по критериям			
			А	В	С	Д
от 24 до 30	38	57	20	15	3	–
от 16 до 23,99	19	28	3	10	6	–
от 8 до 15,99	9	13	–	–	6	3
от 1 до 7,99	1	2	–	–	–	1
Всего	67	100	23	25	15	4

Заключительным этапом работы РЭС РК является определение границ поддерживаемых проектов, на что оказывают влияние 2 основных фактора: 1) наличие продолжающихся проектов прошлых лет, сумма финансирования которых уже была утверждена и составила в общем объёме 3,1 млн руб.; 2) рамки финансирования в размере (с учётом продолжающихся проектов) 4,8 млн руб., в то время как общая сумма, указанная в заявках, в 2018 г. составила 31 млн рублей. По мнению экспертов, в большинстве заявок указано завышенное финансирование (в среднем 468 тыс. руб.). Такие выводы привели к сокращению запрашиваемого финансирования, однако это позволило увеличить количество поддержанных проектов до 9 из 67.

Однако непростая ситуация сложилась с гуманитарным направлением. На уровне региональном экспертном 4 гуманитарных проекта набрали максимальное количество баллов (28–30). На последующих этапах с участием федеральных экспертов их оценки резко снижаются (максимальная оценка – 24,67 балла), и проекты перемещаются во 2-й класс «Целесообразно поддержать», уступив места естественным наукам. Несмотря на то, что из 9 отобранных в 2018 г. заявок 5 имеют гуманитарное направление, в общем количестве перечня, утверждённого к финансированию на 2018 г. (с учётом продолжающихся проектов), соотношение уже иное: 64% (14 проектов) естественного направления против 36% (8 проектов) гуманитарного (см. табл. 4). Налицо явная и даже заданная диспропорция. В итоге при принятии окончательного решения об утверждении перечня проектов на 2018 г. РЭС РК был вынужден предложить гуманитарный проект в целях поддержки гуманитарных исследований. Данный проект набрал максимальное количество баллов и вышел на 1-е место

Т а б л и ц а 4

*Соотношение естественных и гуманитарных направлений
по итогам конкурсного отбора в 2018 г.*

Всего поступило в 2018 г. (кол-во/доля), из них:	67 шт/100%
по естественным наукам	48 шт/72%
по гуманитарным наукам	19 шт/28%
Количество заявок, прошедших конкурсный отбор в 2018 г. (количество/доля), из них:	9 шт/100%
по естественным наукам	4 шт/44%
по гуманитарным наукам	5 шт/56%
Финансирование проектов, прошедших конкурсный отбор в 2018 г. (сумма/доля), из них:	1 700 тыс. руб./100%
по естественным наукам	716 тыс. руб./42%
по гуманитарным наукам	984 тыс. руб./58%
Общий объём финансирования проектов с учётом продолжающихся проектов и прошедших конкурсный отбор в 2018 г. (сумма/доля), из них:	4 800 тыс. руб./100%
по естественным наукам	3 116 тыс. руб./65%
по гуманитарным наукам	1 684 тыс. руб./35%
Общее количество проектов с учётом продолжающихся проектов и прошедших конкурсный отбор в 2018 г. (количество/доля), из них:	22 шт/100%
по естественным наукам	14 шт/64%
по гуманитарным наукам	8 шт/36%

среди гуманитарных проектов, но оказался всего лишь на 30-е месте в общем списке проектов и попал во 2-й класс «Целесообразно поддержать».

Таким образом, необходимо отметить значимость взаимодействия региона с Фондом в целях поддержки фундаментальных исследований в актуальных для республики направлениях, в том числе проведение важнейших конференций. Однако реорганизационные мероприятия по присоединению РГНФ к РФФИ повлекли за собой структурные изменения в научных направлениях в Республике Коми. Среди рисков, возникших в ходе работы в статусе нового объединённого фонда, определилась диспропорция (на наш взгляд, несправедливая) между естественными и гуманитарными науками. В связи с вышеизложенной ситуацией и по итогам первого года реорганизации Фондов бюро РЭС РК считает необходимым усовершенствовать методику проведения экспертизы: предусмотреть квоты по отбору естественных и гуманитарных проектов в паритетном соотношении, но при этом условии необходимо исключить попадание в утверждаемый перечень проектов из 3-го и 4-го классов; целесообразно также образовать отдельные самостоятельные секции по естественным и гуманитарным наукам для экспертизы поступивших заявок.

* * *

1. О Российском гуманитарном научном фонде: постановление Правительства РФ от 08.09.1994 № 1023 (с изм. и доп.). – URL: <http://base.garant.ru/1584956>

2. О реорганизации федеральных государственных бюджетных учреждений в форме присоединения к федеральному государственному бюджетному учреждению «Российский фонд фундаментальных исследований» федерального государственного бюджетного учреждения «Российский гуманитарный научный фонд»: распоряжение Правительства РФ от 29.02.2016 № 325-р. – URL: <https://www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/103588>

3. Коммерсант. – 2017. – № 68.

4. Об утверждении государственной программы Республики Коми «Развитие экономики»: постановление от 28.09.2012 № 418. – URL: <http://www.regionz.ru/index.php?ds=1894661>

УДК 001.891

М.В. Таскаев,

канд. ист. наук,

зав. отделом истории

и этнографии Института

языка, литературы и истории

Коми НЦ УрО РАН

**НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ТЕМА ИНСТИТУТА
ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ КОМИ НЦ УРО РАН
«СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ,
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ
ПРОЦЕССЫ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ РЕСПУБЛИКИ КОМИ):
НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ».
ИТОГИ ПЕРВОГО ЭТАПА ИССЛЕДОВАНИЙ**

Научно-исследовательская тема (или научно-исследовательская работа – НИР) выполняется в Институте языка, литературы и истории Коми НЦ УРО РАН (далее – ИЯЛИ) Коми НЦ УрО РАН в рамках реализации «Программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013–2020 годы» (направление – «Проблемы теории исторического процесса, обобщение опыта социальных трансформаций и общественного потенциала»). Настоящая статья посвящена результатам исследований исторических научных подразделений ИЯЛИ (сектор отечественной истории, лаборатория археографии и публикации документов по истории освоения Европейского Севера России, сектор историко-демографических и историко-географических исследований Российского Севера отдела истории и этнографии ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН) за 2017 год. Объект и цель этого исследования – социально-политические, социально-экономические и демографические процессы на российском Севере, введение в научный оборот новых архивных источников, историографический анализ массива исторической научной литературы. Хронологические рамки НИР охватывают значительный временной период – XVI–XX века. Тема раскрывается в соответствии с общепринятой периодизацией регионального исторического процесса в контексте общероссийских событий и явлений. Практическая значимость планируемых результатов, возможные области применения: введение в научный оборот нового

исторического материала путём его опубликования и публичного освещения на научных конференциях. Области применения полученных результатов: теория и методология исторической науки; историография и источниковедение; всемирная и отечественная история, сфера образования, воспитания, социальной политики и практики. Научные результаты НИР всегда будут востребованы федеральными, региональными органами власти; научно-педагогическими коллективами российских вузов; студентами, аспирантами и докторантами. Полученные новые знания могут быть использованы при создании обобщающих работ, документальных публикаций и справочных изданий по истории России, Европейского Севера, финно-угорских народов и регионов их проживания, а также в системе народного образования, в области популяризации научных знаний. Тема выполняется в 3 этапа (1 этап – 2017 г.). Основной результат – серия обобщающих и монографических трудов по историографии и источниковедению, защита диссертаций, публикация новых крупных архивных источников по истории региона. НИР посвящена разрешению фундаментальных проблем, связанных, во-первых, с необходимостью историографических трудов в исторической науке, а во-вторых, с выявлением, анализом и публикацией новых архивных источников.

Имеющаяся историография региональных исторических исследований имеет частный исследовательский характер, весьма разнопланова, есть как достижения, так и ряд «лакун» тематического и хронологического характера, полностью отсутствует анализ эволюции работ историков и обобщающий характер. Результаты проведённых исследований частично получили отражение в коллективном издании «История Коми» в двух томах [1], ряде монографических и диссертационных работ по конкретным проблемам, тематических сборниках документов. Впервые в регионе осуществляется системный историографический анализ исторических исследований по российскому Северу на материалах Республики Коми. Предполагаемый системный анализ историографического наследия отечественной и зарубежной исторической науки, выявление и использование в исследовательской практике теоретико-методологических подходов и конкретно-исторических концепций дадут возможность расширить и углубить познание прошлого в северном российском регионе. Актуальность НИР основана на постоянно возрастающей потребности исторической науки в обобщении и систематизации историографической информации, например, в появлении изданий, в которых в систематизированном и структурированном виде отражаются достижения отечественной истории. Это особенно актуально в Коми регионе, где с момента появления различных научно-исследовательских институтов, вузов и академического центра

в XX столетии остро стоит потребность в обобщении и осмыслении достигнутых исследователями результатов. До сих пор обобщающих трудов, подводящих итог значительной и плодотворной научной традиции в регионе за XIX–XXI вв., не было. Подготовка обобщающих публикаций по НИР, отвечающих современному уровню научных знаний, станет новым этапом в развитии не только региональной, но и отечественной исторической науки в целом.

В ходе выполнения запланированных работ по историографии исследуются важные экономические, демографические и социальные аспекты истории освоения Европейского Севера России в XVI–XX вв. в результате как повседневного труда многонационального населения региона, так и выполнения государственных программ развития северных территорий России; публикуются и вводятся в научный оборот уникальные исторические документы XVI–XX вв., изучен фонд историко-географических карт (в том числе выявлены новые карты межевания губерний, волостей, уездов и планы формирования г. Усть-Сысольска в конце XVIII – начале XIX в.), выявлены новые данные по истории формирования теории о физико-географических комплексах и эволюции географических познаний о Северо-Востоке Европейской части России и личном участии учёных в процессе изучения и освоения территорий. В рамках НИР проводится изучение и комплексный анализ различных групп источников демографической информации, различающихся по степени охвата населения, характеру данных, способу их получения. Основное внимание уделяется переписям населения с анализом данных, как на региональном, так и общероссийском уровнях. Рассмотрены различные текущие учёты населения, специальные выборочные обследования демографических событий и другие источники о демографических процессах на российском Европейском Севере. Комплексный подход позволяет выявить как генеральные тенденции изменения демографических процессов, так и региональные особенности. Расширение источниковой базы НИР осуществляется за счёт введения в научный оборот ранее малоизученных документов учёта населения.

Научно-исследовательскими направлениями работ историков по теме в 2017 г. стали: архивные изыскания, анализ и публикация новых источников (формирование источниковой базы исторической науки); изучение организации научных исследований, что подразумевает анализ деятельности научных учреждений, высших учебных заведений, краеведческих и других самостоятельных обществ по развитию исторических знаний; изучение социально-политических, социально-экономических и демографических процессов. Реализация НИР способствует разработке

теоретико-методологических подходов и методов исторического познания, концептуально-историографическому обобщению пространственного опыта регионального развития России в XVI–XX вв. и его отражения в политике, экономике и культуре (общенациональной и региональной) как индикаторов формирования региональной структуры страны. Научные изыскания направлены на изучение вклада северного региона в развитие российского социума и государства в рамках общественно-политических, социально-экономических, демографических и социокультурных модификаций, происходивших на территории России в течение ряда веков.

Важнейшими результатами работы по теме стали выявление и публикация абсолютно нового исторического источника – уникального документа по ранней истории г. Усть-Сысольска (Сыктывкара) – ревизской сказки г. Усть-Сысольска 1795 г. [2].

В ревизской сказке находятся сведения о поимённом составе усть-сысольских горожан, относившихся к сословиям купцов и мещан, как на период проведения данной переписи населения, так и по предыдущей переписи – ревизской сказке 1782 г., оригинал которой отсутствует (или пока не найден). Современная оригиналу копия документа хранится в Национальном архиве Республики Коми в фонде «Переписной комиссии Усть-Сысольского уездного казначейства». Объём документа – 112 листов с оборотами. Было проведено детальное источниковедческое исследование документа, выполнена необходимая археографическая работа по его подготовке к академическому изданию в соответствии с принятыми требованиями к изданию документов XVIII века. Проведена работа по воссозданию предыстории г. Усть-Сысольска (конец XVI в. – 1770-е гг.); истории создания г. Усть-Сысольска и первых 15 лет его существования в статусе уездного центра и городского поселения. В результате уточнены ранее высказанные точки зрения по некоторым аспектам; впервые изучены наиболее существенные моменты истории Усть-Сысольска (формирование высшего слоя городского общества; взаимодействие новой элиты с местным населением, включая богатых местных купцов; формирование городского населения, в том числе за счёт брачных связей горожан как с жителями сельских волостей Усть-Сысольского уезда, так и с горожанами близлежащих губернских и уездных центров Европейского Севера России).

Актуальны исследования северных городских пространств, городских культур и субкультур, характерных для города процессов, трансформаций и других феноменов. С этой целью выявление новых документов по истории городов на Севере является одним из приоритетных в исследованиях отдела истории и этнографии ИЯЛИ. На основе массива перио-

дической печати подготовлена и издана книга по истории советского Сыктывкара в первое послевоенное десятилетие, содержащая подборку документов [3]. Осуществлённое издание, не претендуя на абсолютную полноту охвата материалов, является значительным собранием источников – зачастую уникальных – о городской повседневности Коми АССР, в силу чего станет источниковой базой для дальнейшей научной работы по актуальному направлению локальных исторических исследований, которое стало развиваться в Республике Коми в начале XXI века. Газетные публикации сопровождаются аналитическими авторскими комментариями, позволяющими выявить подоплеку событий и явлений, получить о них дополнительную информацию. Как итог, получили освещение история становления и развития столицы Республики Коми г. Сыктывкара в первой половине XX в.; представлена история, культура и повседневная жизнь города в 1941–1954 гг.; выявлено около 2 000 газетных материалов, 2 картосхемы Сыктывкара (1941 и 1953 гг.) с перечнем городских объектов, а также биографические справки.

Выявлены также архивные документы, осуществлены анализ и публикация по истории сельских населённых пунктов, в том числе расположенных в субарктической зоне Европейской части России. Историко-этнографические исследования на основе многочисленных письменных, архивных источников, неопубликованных исследовательских материалов посвящены истории и древнейшей культуре старейших сёл на Европейском Севере России – Усть-Цильмы и Кобры. Временной охват истории – значительный интервал XVI–XX веков. Сборник документов, посвященный истории с. Усть-Цильма, разрабатывался совместно с Усть-Цилемским историко-мемориальным музеем А.В. Журавского, в создании книги приняли участие сотрудники ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН: главные научные сотрудники, доктора исторических наук и профессора сектора отечественной истории отдела истории и этнографии Института А.А. Попов (ответственный редактор) и А.Н. Турубанов (рецензент) [4]. В монографии, посвящённой истории Кобры, рассматриваются наиболее важные и малоизученные аспекты жизни сельских поселенцев Койгородского района Республики Коми [5]. Источниковой базой работы являются архивные документы, хранящиеся в государственных и муниципальных архивах Республики Коми, а также воспоминания фронтовиков и тружеников тыла, опубликованные в периодической печати, записи автора во время бесед с жителями села. Монография содержит документальное приложение.

В серии ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН «Научное наследие» подготовлен в 2017 г. к печати выпуск 3, посвящённый изучению вопроса социалистической индустриализации на Российском Севере, осуществлённый

более полувека назад отделом истории Коми филиала АН СССР: «Индустриализация Коми автономной области: историографический и источниковедческий анализ и публикация архивной рукописи» (ответственный редактор М.В. Таскаев). Прделан историографический и источниковедческий анализ текста архивной рукописи. Социалистическая индустриализация как составная часть модернизации общества является важнейшим фактором развития СССР в XX столетии, поскольку от уровня индустриализации зависели как место страны в мировом сообществе и её обороноспособность, так и повышение жизненного уровня населения. Поэтому одним из важнейших итогов её изучения в своё время стал научный отчёт «Социалистическая индустриализация Коми АССР (1926–1937 гг.)», авторами которого являются В.Н. Давыдов, В.В. Старцев, В.С. Дегтев, А.Н. Александров. Кроме того, указывается, что большую работу по обработке фактического материала провела Т.П. Раевская. Отчёт выполнялся в так называемый период «хрущёвской оттепели», открывшей многие архивные документы, позволившие по-новому взглянуть на освоение Севера. При написании глав были использованы документы Центрального государственного архива Коми АССР, Партийного архива Коми АССР, Партийного архива Коми обкома КПСС, Архива Министерства охраны общественного порядка, архива Ухтокомбината, архивов Москвы, Ленинграда, Архангельска. Многие документы, на которые опирается рукопись, ныне утрачены. Отчёт обсуждался на заседаниях отдела истории 15 января, 30 июня и 10 октября 1967 г., решение о завершении темы и архивации отчёта принято Учёным советом по общественным (гуманитарным) наукам Коми филиала АН СССР 8 июля 1967 г. за подписью учёного секретаря Д.Д. Балуевой. Сам отчёт датирован 1966 г., его общий объём составляет 449 машинописных страниц.

Исследователи пришли к выводу, что финансовое и материально-техническое обеспечение социалистической индустриализации Коми области происходило в основном за счёт общегосударственных средств. В ходе индустриального развития в строительство и в промышленность вовлекалось как местное население, так и рабочие, инженерно-технические работники из других регионов страны. Происходил постепенный переход от сезонной и временной рабочей силы к работе с постоянными кадрами. Многое было сделано по подготовке кадров и повышению их квалификации. С точки зрения авторов, особый интерес представляло изучение использования труда «спецконтингента» различной категории (бывших кулаков, уголовников, а также лиц, незаслуженно репрессированных в годы расцвета культа личности).

Отчёт «Социалистическая индустриализация Коми АССР (1926–1937 гг.)» в ряде своих положений не потерял научного значения до настоящего времени, его материалы использовались и могут быть использованы в работах современных историков. Текст отчёта был предоставлен Научным архивом Коми НЦ УрО РАН и представляет собой местами трудночитаемую, а местами и вовсе не читаемую машинописную копию, скорее всего третий или четвёртый машинописный экземпляр, полученный через копировальный лист. В другом виде отчёт не сохранился. В течение нескольких лет велась расшифровка трудночитаемых мест текста отчёта, заново выверялись все исторические и географические факты и сведения, представленные в документе, устранялись погрешности и ошибки, допущенные историками «хрущёвской» поры (возможно, из-за технической небрежности «машинисток», набиравших рукопись полвека назад). Не все сокращения в отчёте (в частности, названия утраченных населённых пунктов Коми АО, фамилии и др.) удалось расшифровать. Набор современного варианта текста отчёта осуществлялся Т.А. Малковой и сотрудниками Редакционно-издательского отдела ИЯЛИ. Текст отчёта даётся в первоначальном варианте, но выверен и адаптирован на основе новых данных, к тексту приложены современные биографические сведения и именной указатель. Проведён тщательный анализ архивного документа, раскрыты особенности его формирования, устранены фактические, историко-географические погрешности и ошибки исследователей той поры – всё это позволит значительно расширить современную историографию данной проблематики.

Исследовались отдельные аспекты как деятельности научного института системы РАН на примере ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, так и научной деятельности региональных вузов, в частности, организация студенческих трудовых семестров Коми государственного пединститута (КГПИ) в 1950-е годы. В этот период в деятельности вузов появились новые организационные формы, методы и принципы работы, разрабатывались структура первых студенческих строительных отрядов, правила руководства и управления. Впервые в региональной историографии в 2017 г. издан сборник документов и воспоминаний «Трудовые семестры студентов Коми пединститута», в разработке которого приняли участие А.Н. Турубанов и В.И. Силин (рецензент). Тема студенческой трудовой деятельности в вузах затрагивалась и в ранее вышедших книгах об истории пединститута, но в основном как дополняющая общую картину жизни вуза. В 2017 г. издатели сборника исходили из понимания значимости первого вуза региона не только в подготовке педагогических кадров, но и в социально-экономическом развитии республики и страны. Впервые эта тема была выделена

как самостоятельная, а трудовая деятельность студентов и преподавателей вуза рассматривается за весь период жизни пединститута. Изданы документы об организации первых комсомольских студенческих стройотрядов.

В ходе исследования социально-политических процессов к столетию революции (1917–2017) в рамках НИР подготовлены различные научные труды, среди них монография М.В. Таскаева «Великая Российская революция в коми и ненецком национальном регионе»*, освещающая ряд острых социально-политических проблем в истории двух субъектов РФ (Республика Коми и Ненецкий АО Архангельской области) [6].

События 1917 г., когда произошёл слом тысячелетнего российского государства, возникло и развивалось первое в мире социалистическое советское государство, продолжают вызывать повышенный интерес общественности и профессиональных историков. В начале XX столетия в стране впервые сложилась многопартийная система, легально и нелегально действовали различные политические партии и общества, чрезвычайно активизировалась общественно-политическая жизнь, проявившаяся в самых разных формах – от митингов и забастовок до восстаний и гражданской войны. Социально-политические процессы этого периода всегда привлекали внимание историков, в середине 1990-х гг. появились новые возможности для изучения этого сложного периода, позволившие их по-новому осмыслить. В связи с этим исключительно важным представляется региональный аспект проблем, дающий конкретный архивный исторический материал для понимания процессов в целом. Целью направления таких исследований является анализ региональных социально-политических процессов в период перехода «от традиционного к индустриальному обществу» (партийное строительство и деятельность партий и политических обществ, их роль в общественно-политической жизни, положение населения и отношения последнего с властными структурами в первые десятилетия XX столетия и т.д.).

Монография рассматривает революционный процесс, сломавший старый государственный механизм и создавший новую модель государственного устройства (1917 г.). Проблемы и аналитика, поднимаемые в монографии в связи с освещением социально-политических процессов в регионе, следующие: рассмотрен механизм формирования и функционирования партий и политических обществ в регионе, роль политических ссыльных в зарождении партийного движения, численность, социальный состав и основные направления партийной деятельности; показаны этапы партий-

* Публикация включена в *Katalog der Deutschen Nationalbibliothek* (Каталог Немецкой национальной библиотеки).

ного строительства и реконструированы персональный состав органов партийного движения на всём протяжении существования различных партий и обществ, структура, программные и тактические установки партий и обществ; прослежены ситуационные сценарии развития событий в центре и на местах в период Российской революции 1917 г.; определены отношения населения региона к Октябрьскому перевороту 1917 г., противоборствующим сторонам и причины смены политических симпатий; освещена социально-хозяйственная деятельность советской власти и земств; рассмотрены процесс монополизации власти большевистской партией в региональном аспекте и общественно-политическая жизнь.

Хронологические рамки монографии охватывают главный событийный год революции – 1917-й, но в силу региональных особенностей затрагивают и 1918-й год. В работе изучена вся территория Европейского Северо-Востока России (до образования Коми автономной области и Ненецкого автономного округа Архангельской области это территории Усть-Сысольского, Яренского уездов Вологодской губернии и Печорского уезда Архангельской губернии).

Автор приходит к следующим выводам: в 1917 г. в стране началась Великая Российская революция, прошедшая стадии Февральского и Октябрьского переворотов. Падение регионального аппарата самодержавия прошло удивительно спокойно и мирно. Ни одна уездная структура или волость в регионе не выступила в защиту монархии, наоборот, все приветствовали установление демократических свобод. Однако «политически стабильный» регион буквально взорвался в марте–апреле 1917 г.: создавались партийные структуры общероссийских партий, профсоюзы, появилось первое коми национальное политическое общество, издавались первые региональные газеты, были проведены первые свободные выборы в органы уездного и волостного самоуправления. Период «февральской демократии» способствовал возникновению в регионе отделений общероссийских политических либерально-демократических партий, появилось и местное политическое общество («Общество обновления местной жизни крестьянского и трудового населения Усть-Сысольского уезда»). Социальный состав возникших политических объединений был разнородным (интеллигенция, крестьяне, рабочие), но ведущую роль играла интеллигенция (учителя, медресисты, земские служащие, священнослужители и т.д.). Численность партийных кадров быстро росла и к концу лета 1917 г. составляла несколько сотен человек, что для Европейского Северо-Востока, где ещё в феврале 1917 г. полностью отсутствовала политическая жизнь, являлось довольно значительным явлением. Выборы в Учредительное собрание, прошедшие в ноябре 1917 г., показали авто-

ритет и популярность небольшевистских партий (прежде всего, Партии социалистов-революционеров-эсеров) на российском Европейском Северо-Востоке. Успех эсеров здесь объясняется их политикой «земли и воли», традиционно ориентированной на крестьянскую среду, составлявшую абсолютное большинство населения. Началась реализация идеи о коми автономии, избранная летом 1917 г. Усть-Сысольская Городская Дума открыто называлась национальной Зырянской Думой.

Дальнейшее развитие революции вызвало провозглашение советской власти на всей территории региона (причём почти без участия большевиков) в январе–апреле 1918 г., взятие курса на создание коми автономии в составе РСФСР (вопрос о ненецкой автономии в то время не поднимался). Противники советской власти скорее пытались приспособиться к этой власти, чем открыто выступать против неё. В первой половине 1918 г. советская власть существовала здесь на коалиционной основе, в Советах работали представители эсеров, левых эсеров, народных социалистов, социал-демократов (интернационалистов) и большевиков. Причём небольшевистские партии, сотрудничая с большевиками, подвергали политику, проводимую последними, резкой критике, нередко сдерживая её осуществление (в частности, ввод в действие декрета о комбедах и т.д.), что в конечном итоге привело к разрыву коалиции. Большевизация Советов в южных уездах региона, начавшиеся реквизиции в волостях в связи с комбедовским экспериментом большевиков, интервенция Антанты на Севере произошли почти одновременно. Население получило выбор: поддержать большевиков или выступить против них. По всей видимости, не будь интервенции Антанты, на Севере не было бы фронтовой гражданской войны в целом, хотя, конечно, крестьянские выступления были бы возможны как ответ на продовольственную политику большевиков.

Отдельные вопросы, касающиеся истории революционных событий, рассматривались также в других публикациях, в частности, составлена подробная региональная хроника событий. Осуществлялось изучение региональных социально-экономических процессов, связанных с социально-политическими реалиями советской истории в постреволюционный период.

Впервые в отечественной и зарубежной историографии в Словакии на английском языке издана монография, посвящённая истории сети лагерей подневольного труда «ГУЛАГ: идеология и экономика подневольного труда в XX веке». Книга увидела свет в издательстве университета Матея Бела (г. Банска Быстрица, Словакия). Авторы – профессор Вятского государственного университета В.А. Бердинских (Киров), профессор Белорусского государственного университета В.И. Меньковский (Минск,

Республика Беларусь) и директор Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН И.Л. Жеребцов. Научный редактор – доцент университета Матея Бела, доктор философии Михал Шмигель. В монографии охарактеризованы классические и современные воззрения на историю сталинского ГУЛАГа. Авторы представляют динамику взглядов на феномен ГУЛАГа во временных, методологических и языковых дискурсах, констатируют наличие двух ведущих языковых научных сообществ исследователей сталинизма. В монографии также проанализировано изучение истории политических репрессий исследователями Республики Коми [7].

В рамках НИР проводился комплексный анализ различных групп источников демографической информации, различающихся по степени охвата населения, характеру и способу получения данных. Основное внимание уделялось переписям населения с анализом данных, как на региональном, так и общероссийском уровнях. Осуществлялось изучение различных аспектов истории социально-культурного строительства на Российском Севере, связанных с социально-политическими реалиями, в частности, вопросы истории здравоохранения, образования, уровень социально-культурной грамотности работников в низовых государственных структурах и пр. Осуществлялся историографический анализ массива исторической литературы по этим проблемам.

Сотрудниками исторических подразделений ИЯЛИ за 2017 г. опубликовано свыше 115 работ по теме, из них 13 зарубежных публикаций, 4 монографии, 15 публикаций в журналах из списка ВАК РФ, 7 – в базах данных *Web of Science* и *SCOPUS*, 6 научно-популярных. В рамках НИР защищены 2 диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Результаты исследований представлены на конференциях различного уровня, 3 из них (2 симпозиума и научная сессия) были организованы в ИЯЛИ по данной НИР.

Надо также отметить, что историки ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН издают 2 научных журнала, зарегистрированные в научных базах данных: «Историческая демография» (ISSN 2304–5922; за 2017 г. вышло 2 номера) и «Вопросы истории и культуры северных стран и территорий» (ISSN 1998-619X; за 2017 г. издано 5 номеров). С 2017 г. материалы журналов посвящены исследованиям по вышеуказанной НИР.

Подводя итоги, необходимо констатировать, что задачи, поставленные в ходе работ на первом этапе исследований по данной научно-исследовательской проблематике, реализованы. Полученные результаты соответствуют современному уровню исторических исследований.

* * *

1. История Коми с древнейших времён до конца XX в.: в 2 т. / под общ. ред. А.Ф. Сметанина. – Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 2004; История Коми с древнейших времён до современности: в 2 т. / под общ. ред. И.Л. Жеребцова, А.А. Попова, А.Ф. Сметанина. – 2-е изд., испр. и доп. – Сыктывкар: Анбур, 2011. – Т.2.

2. *Мацук М.А., Сморгунов В.В.* Ревизская сказка города Усть-Сысольска 1795 года // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2017. – № 3 (39). – С.7–118.

3. *Колегов Б.Р.* Странная страна 2. Город Сыктывкар и его обитатели на страницах газеты «За новый Север» (1941–1954 гг.)). – Сыктывкар, 2017.

4. Усть-Цилемская слободка в письменных источниках / сост. Л.К. Рочева; отв. ред. А.А. Попов; рец. А.Н. Турубанов. – Сыктывкар: ООО «Коми республиканская типография», 2017.

5. *Турубанов А.Н.* Исчезнувшее село. Очерки истории Кобры. – М., 2017.

6. *Таскаев М.В.* Великая Российская революция в коми и ненецком национальном регионе. – Saarbrücken (Germany), Lambert Academic Publishing, 2017.

7. *Berdinskikh V.A., Menkovskiy V.I., Zherebtsov I.L.* GULAG: ideology and economy of forced labour in the XX century. – Banska Bystrica, 2017.

УДК 366.636

Н.Ю. Линкова,

канд. ист. наук, советник

Регионального департамента

ФГУП ВГТРК

А.А. Попов,

д-р ист. наук, профессор,

гл. научный сотрудник

Института языка,

литературы и истории

Коми НЦ УрО РАН

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ ТЕЛЕВИЗИОННЫЙ ЖУРНАЛ «ФИННО-УГОРСКИЙ МИР» КАК ИСТОЧНИК ПО ИССЛЕДОВАНИЮ СОВРЕМЕННЫХ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

Различным источниковедческим аспектам исследования истории телевидения в Республике Коми в последние годы посвящён ряд работ [1]. История создания межрегионального телевизионного журнала ВГТРК «Финно-угорский мир» (далее – «ФУМ») как самостоятельного сюжета развития электронных СМИ (в виде своеобразного творческого «продукта») получила своё отражение в публикациях авторов статьи [2]. В настоящей работе деятельность «ФУМ» рассматривается с точки зрения его потенциальных возможностей как специфического источника в силу визуально воспроизводимой и воспринимаемой информации культурологического содержания.

За четверть века со времени выхода первого выпуска журнала в 1993 г. подготовлено более 250 оригинальных программ. «ФУМ» – единственная серийная с цельной концепцией телепрограмма о жизни и бытковой культуре финно-угорских и самодийских народов, проживающих на территории РФ. В одном из выпусков юбилейного 2018 г. прозвучало: «Еще 25 лет назад немногие в нашей стране могли ответить на вопрос, кто такие финно-угры. Мало знали друг о друге и сами финно-угорские народы: они жили в разных регионах и странах. Теперь их культура, традиции, новые достижения открыты для всей России, и не только. В этом заслуга и нашего тележурнала» (*Выпуск от 16.09.2018*)*.

© Линкова Н.Ю., Попов А.А., 2018

* Здесь и далее в скобках указана выделенная курсивом дата выхода очередного тематического выпуска тележурнала (по данным Текущего архива ГТРК «Коми гор»).

Впервые вопрос о необходимости создания совместной межрегиональной телевизионной программы финно-угорских телерадиокомпаний был поставлен на Первом международном фестивале телевизионных программ финно-угорских народов, который состоялся в октябре 1991 г. в столице Республики Марий Эл Йошкар-Оле. Реальное оформление идея получила в декабре 1992 г. на состоявшемся в Сыктывкаре на базе ГТРК «Коми гор» Втором международном фестивале телевизионных фильмов и программ «Финно-угорский мир», приуроченном к Первому всемирному конгрессу финно-угорских народов, участники которого также собрались в это время в столице Коми. Именно тогда было принято решение о создании силами телерадиокомпаний финно-угорских регионов России совместного телевизионного ежемесячного журнала «ФУМ». Его учредителями стали ГТРК «Марий Эл», «Удмуртия», «Коми гор», «Мордовия», «Югория», «Карелия», «Пермь Т-7», «Коми-Пермяцкая».

Первоначально выпуски журнала формировались по очерёдности в каждом из регионов-участников. Впервые представители телерадиокомпаний – координаторы проекта – собрались в феврале 1993 г. в Ижевске, где на базе ГТРК «Удмуртия» была создана первая передача «Финно-угорский мир». Каждая телерадиокомпания предлагала самые интересные, колоритные, яркие сюжеты. Они обсуждались, отбирались, определялся порядок вёрстки материалов внутри программы, каждый сюжет представлялся ведущим (ими были координаторы из регионов). Такой подход изначально определил форму передачи – тележурнал. Как правило, в каждый выпуск входило 5–6 материалов, хронометраж программы составлял от 30 до 50 минут. Затем передача монтировалась и тиражировалась для последующего выхода в эфир. Так выстраивалась и формировалась концепция цикловой ежемесячной межрегиональной телевизионной программы «Финно-угорский мир».

Когда становление журнала состоялось, работа над ним перешла в форму заочного общения. Ежемесячно материалы для очередного выпуска отправлялись по почте в каждую из телекомпаний-участниц, где журнал собирался и тиражировался. Раз в год проводились семинары координаторов. В кризисные для отрасли 1995–1996 гг. сложившаяся система стала давать сбои, ломался привычный ритм выхода передач в эфир. В 1996 г. на семинаре координаторов в Сыктывкаре для сохранения уникального межрегионального тележурнала было принято решение о том, что именно ГТРК «Коми гор» – наиболее технически оснащённая в то время региональная телерадиокомпания – возьмёт на себя формирование, запись и тиражирование передач для отправки в другие регионы. Так ГТРК «Коми гор» стала своего рода творческим и техническим центром по созданию тележурнала.

В настоящее время тележурнал выходит в эфир федерального телеканала «Россия-1» и доступен жителям 9 регионов РФ: это республики Карелия, Коми, Марий Эл, Мордовия, Удмуртия, Ханты-Мансийский АО, Кудымкарский район Пермского края, а также ряд районов Кировской области и Башкортостана. Передачи размещаются также на официальных сайтах телерадиокомпаний, участвующих в создании тележурнала, что позволяет значительно расширить зрительскую аудиторию.

За четверть века в «ФУМ» – в весьма оригинальной телевизионной периодике – изменилось многое: технические новации и Интернет значительно упростили процесс общения, отправки и получения видеоматериалов; не раз обновлялось оформление программы; в создании сюжетов наравне с опытными коллегами принимает участие молодёжь. Неизменна лишь концепция тележурнала – он является своего рода зеркалом этнокультурной жизни финно-угорских регионов. Передачи, в которых поднимаются проблемы сохранения финно-угорских народов, развития национальных культур, освещается жизнь регионов с финно-угорским населением, способствуют пропаганде традиционных культурных, а также нравственных ценностей, возрождению чувства патриотизма и гордости за богатое культурное наследие. Сюжеты и видеоиллюстрации (интервью, стихи, песни) выходят на национальных языках с переводом – субтитрами на русском языке, что обретает особую значимость для сохранения и развития языковой культуры финно-угорских народов.

Исследование содержания, контентанализ программ журнала за время его существования дают представление о многообразии отражения этнокультурных процессов. Проиллюстрируем это на ряде тематических направлений. Одно из главных – **сохранение народных традиций**, которое осуществляется благодаря освещению народных праздников, таких как Апсикве – медвежьей игрища обских угров (19.02.2009) и День оленеводов (13.02.2018) в Ханты-Мансийском округе, соревнования на охотничьих лыжах – лыжах и лямпах – в коми с. Большелуг (13.11.2009), фольклорный праздник марийцев «Земля предков» (04.09.2012), Луд у коми-ижемцев (05.09.2013), Ильин день в карельской дер. Вокнаволок (14.09.2017); подготовке сюжетов из далеких деревень Пондала в Вологодской области, где вепсам удалось сохранить самобытную культуру и родной язык (12.11.2013), и карельской Лисьей Сельги, сохранить и восстановить которую стремится энтузиаст Андрей Скорняков (14.08.2018). Большой интерес вызывают видеоматериалы как о вековых традициях, связанных с ведением хозяйства, например отбеливание марийцами льняных холстов (13.02.2018), с угадыванием судьбы в новогоднюю ночь – как коми девушки и парни находили свою вторую половинку (23.01.2014), так и о своеобразном стиле жизни югорских оленеводов (14.09.2017) и

саамов (04.09.2012). Самобытность и давние устои во многом передаются в семьях – из поколения в поколение. Об этом – зарисовки о семьях Лесонен из карельской дер. Венехъярви (25.10.2008), Лушковых из Шугрёма Республики Коми (17.08.2017), о жизни на стойбище хантыйской семьи Покачевых (08.08.2013). Присущей финно-уграм глубокой связи с природой, с животным миром посвящены сюжеты с «говорящими» названиями: «Кто в лесотундре главный – люди или олени?» – коренные жители Югры не мыслят свою жизнь без любимых домашних животных (12.11.2013); «Год Вороны» – почему в Республике Марий Эл эту птицу считают священной (18.12.2013); «Осень в национальном парке Паанаярви» – высокие горы и чистые озёра и реки Карелии (17.10.2017). С особым интересом воспринимаются зрителями материалы о национальной кухне, о приготовлении таких блюд, как овсяная каша по-марийски (25.11.2008), сульчины по-карельски (19.02.2009), велеский пирог для зятя (26.03.2009), удмуртские пестики (09.08.2016).

Значительное внимание в тележурнале «ФУМ» уделяется **родным языкам** и людям, стремящимся сохранить и развить языковые традиции. Это в первую очередь преподаватели, использующие в учебном процессе наряду с современными технологиями игровые методы – лучший учитель карельского языка Оксана Серебрянникова (13.11.2009), молодой учитель эрзянского языка из Саранска Александр Учеваткин (14.02.2017). Опыт сохранения и развития языков в виртуальном пространстве обсуждался на межрегиональной конференции в Сыктывкаре (18.04.2017). Финно-угры проявляют живой интерес к языкам сородичей: их изучением занимается Марианн Бернхардт из Венгрии (14.09.2017), венгерский филолог Иван Хорват перевёл удмуртский роман на родной язык (11.2017).

Важная тематическая рубрика тележурнала связана с культурой и **сохранением ремёсел**. Ключевые герои – талантливые мастера, берегающие секреты забытых ремёсел и развивающие их: тугиянские живописцы Гришкины (05.09.2013), марийская рукодельница Евгения Кошкина, автор ингерманландских сампо-украшений Татьяна Быкова (17.08.2017). Творчеству «Мастеров – золотые руки» посвящались специальные выпуски тележурнала. Их героями стали художник по металлу из Марий Эл Николай Тимофеев, вышивальщица из Мордовии Мария Бикеева, мастер фьюзинга из Ханты-Мансийского округа Андрей Лунев, гончарных дел мастер из Республики Коми Валерий Торопов (13.04.2014). Настоящими праздниками для мастеров и поклонников их творчества стали День финно-угорского дизайна в Финляндии (14.10.2013), Международный фестиваль ремёсел коренных народов мира, прошедший в мансийском поселении Половинка (14.08.2018). Привлечению внимания к разнообразной и самобытной культуре способствуют масштабные **фестивальные мероприя-**

тия: ставший традиционным фестиваль искусств и народного творчества «Финно-угорский транзит: музыка и этностиль» (26.03.2009, 14.10.2013), Международный театральный фестиваль финно-угорских народов «Майатул» (13.11.2009), фестиваль этнической моды «Северный стиль» (14.09.2017), Дни родственных народов (25.11.2008), Дни коми-пермяцкой культуры (17.04.2018). Активное участие в финно-угорском этнокультурном движении принимает молодёжь, что также отражается в сюжетах тележурнала: межрегиональный конкурс красоты «Звезда Севера – 2009» (13.11.2009), студенческий фестиваль «Мост дружбы» (23.01.2014), международный конкурс «Мисс студенчества Финно-Угрии – 2017» (11.2017), десятый слёт марийской молодёжи (14.08.2018).

В пропаганде, сохранении и развитии культуры народов финно-угорских регионов важная роль принадлежит **профессиональным деятелям искусства**, таким как сотрудник музея Галина Селёдкина (04.09.2012) и художник-аниматор Алексей Голубцев (17.10.2017) из Марий Эл, поэт, переводчик, главный редактор литературно-публицистического и художественного журнала «АРТ» Галина Бутырева из Республики Коми, удмуртский фотохудожник и журналист Михаил Егоров, хантыйская актриса первого театра обско-угорских народов Евгения Молданова и многие другие. Большое внимание уделяется в региональном тележурнале материалам, рассказывающим о знаменитых личностях финно-угорского мира: выдающемся социологе Питириме Сорокине из Коми, марийском поэте и актёре Ёйване Кырли (19.02.2009), финском учёном и лингвисте Матиасе Кастрене (18.12.2013) и других.

В особом ряду – освещение **знаменательных для финно-угорского мира событий**. Специальный выпуск тележурнала посвящён Международному фестивалю культур финно-угорских народов с участием Президента России В. Путина, проходившему в столице Мордовии Саранске (25.08.2007). Репортаж из финского г. Лахти о VII Всемирном конгрессе финно-угорских народов «Финно-угорский мир – к устойчивому развитию», собравшем более 500 участников; сюжеты из Мордовии – о пятом (14.10.2013), а из Республики Коми – о шестом (17.10.2017) съездах финно-угорских народов России. Актуальные вопросы обсуждаются и на съездах народов финно-угорских регионов: VIII-ом Всемарийском (26.03.2009), 10-ом «Коми войтыр» (04.2012). Традиционная рубрика тележурнала «**Золотая коллекция “Финно-угорского мира”**» знакомит зрителей с уникальными документальными кадрами из летописи культурной и общественной жизни финно-угров (04.09.2012).

Создание в 1993 г. межрегионального тележурнала «Финно-угорский мир» сыграло определённую роль в расширении сотрудничества телерадиокомпаний. Работа специалистов нескольких регионов по реализа-

ции совместного проекта содействовала обмену опытом, позволяла учиться друг у друга, повышать профессиональный уровень журналистов, режиссёров, операторов. В специальных выпусках о творческих встречах координаторов тележурнала, посвящённых 15-летию (20.04.2008) и 20-летию (30.04.2013) выхода «ФУМ» в эфир, телезрители смогли познакомиться с итогами и оценкой работы «изнутри», с проблемами, волнующими создателей программы, с перспективами её развития.

Время показало состоятельность задуманной 25 лет назад идеи. Программа «Финно-угорский мир» имеет своё лицо, свой стиль и своего зрителя. Каждый выпуск тележурнала – это документальная картина о жизни людей, преданных своей земле, традициям своих предков, это летопись жизни россиян финно-угорской языковой группы. А передачи цикла, по сути отражающие развитие финно-угорского мира за четверть века, – уникальный источник для его изучения в новом формате. Чрезвычайно важным для исследователя является вопрос доступности такого специфического вида источника, включения его в общественный оборот. Необходимо отметить, что практически все выпуски тележурнала с 1993 г. сохранены в виде сценарных планов передач в фондах текущего архива ГТРК «Коми гор», в том числе выпуски с января 2013 г. доступны на официальном сайте «Коми гор» [3]. В настоящее время осуществляется планомерная оцифровка всех выпусков. Как видно из *таблицы*, по состоянию на сентябрь 2018 г. оцифровано 123 тематические программы.

Т а б л и ц а

*Оцифровка выпусков журнала «Финно-угорский мир»
(на сентябрь 2018 г.)*

Год	Число оцифрованных передач	Год	Число оцифрованных передач
1993	1	2010	10
1995	3	2011	9
1997	5	2012	9
1998	1	2013	13
2000–2004	0	2014	7
2005	2	2015	9
2006	1	2016	13
2007	8	2017	12
2008	5	2018	6
2009	9	итого	123

Таблица составлена по: Данные Текущего архива ГТРК «Коми гор».

* * *

1. *Попов А.А., Линкова Н.Ю.* Источники по истории телевидения в Республике Коми // Социально-политические, экономические, культурные и демографические процессы на Европейском Севере России: историографический и источниковедческий обзор: Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. – Сыктывкар, 2018. – Вып. 75; *Линкова Н.Ю.* Историографические и источниковедческие аспекты исследования истории становления и развития электронных СМИ в Республике Коми // История и культура Российского Севера в исследовательском, образовательном и просветительском измерении: материалы I съезда историков Республики Коми (31 марта – 4 апреля 2015 г.). – Сыктывкар: ИЯЛИ КНЦ УрО РАН, 2018. – Ч.2; *Линкова Н.Ю., Попов А.А.* Периодическая печать Коми АССР о развитии регионального телевидения (обзор источников за период конца 1950-х – первой половины 1970-х гг.) // Социокультурная динамика российской северной провинции: история и современность (на материалах Республики Коми): сб. статей. – Сыктывкар: ГОУ ВО КРАГСиУ, 2016.

2. См.: *Попов А.А., Линкова Н.Ю.* 50 лет в телеэфире (Очерки истории телевидения в Республике Коми). – Сыктывкар, 2014.

3. См.: URL: <http://komigor.com>

Научное издание

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОСВОЕНИЯ
ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА
(ИССЛЕДОВАНИЯ, ИСТОЧНИКИ,
ИСТОРИОГРАФИЯ)

Сборник статей

Редактор *Г.Г. Оверина*
Корректор *М.С. Жилина*
Компьютерная вёрстка *И.М. Титовой*

Подписано в печать 12.12.2018. Формат 60х84 1/16.
Бумага «Снегурочка». Гарнитура «Times». Печать – ризография.
Усл. п. л. 11,2. Заказ № 28.
Тираж 200 экз.

Адрес издательства:
Коммунистическая ул., д. 11, Сыктывкар, 167982

Отпечатано в ГОУ ВО КРАГСиУ